

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ
научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-08-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-08-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владивостокского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумakov Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала«Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, L_Vodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкоznания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкоznания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилова, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich — Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya — Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasiliyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bespalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University , Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremeteva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremeteva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

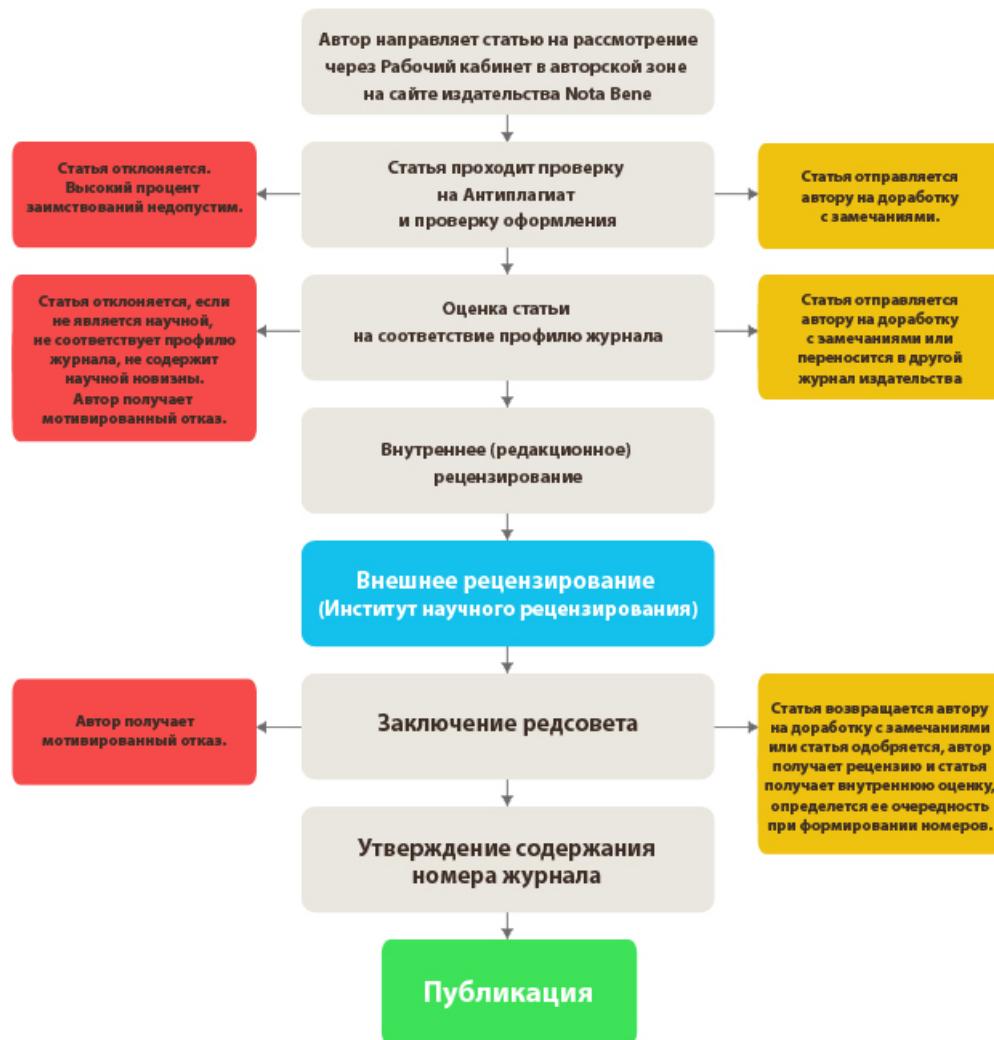
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Фокеева Ю.А., Дубовицкая М.А., Шаповалова О.Н. Особенности функционирования средств речевого контакта в художественном тексте и проблема их перевода (на материале немецкой прозы)	1
Ван Ц., Гэн С. Применение теории эквивалентности Л.С. Бархударова в переводе новостных текстов о региональном имидже — на материале публикаций о Синьцзяне в ведущих российских СМИ	15
Шахназарян В.М. Функционирование урбанонимов в многоязычном пространстве мексиканского штата Табаско: социолингвистический и этнокультурный аспекты	28
Юань Ю. Эмотивный контраст в описании двух озер (на материале рассказа А. Матвеевой «На озере»)	37
Каюмова М.М. Женская переписка в Италии XVI в. и изменение роли женщины	48
Остапенко А.Б. Вербализация гендерных стереотипов в политическом дискурсе	57
Вагизиева Н.А., Темирбулатова С.М. Морфологические средства выражения категории числа имен прилагательных в даргинском языке (на материале кадарского, хайдакского и цудахарского диалектов)	70
Шигуров В.В., Шигурова Т.А., Панфилова Д.В. Транспозиция беспредложных форм родительного падежа существительного в адвербиальный подкласс с пространственным значением (на материале словоформы «дома»)	82
Лобанова Т.Н., Бадретдинова А.А., Дубяга А.М. Терминология индустрии моды и языковые средства экспрессии в современном русском, китайском и английском языках	93
Семенова Е.М. Дискурсивная компетентность и девербализация как основные коммуникативные характеристики современной политической риторики	108
Англоязычные метаданные	117

Contents

Fokeeva Y.A., Dubovitskaya M.A., Shapovalova O.N. The features of the functioning of speech contact tools in artistic text and the issue of their translation (based on German prose)	1
Wang J., Geng X. The application of L.S. Barkhudarov's theory of equivalence in the translation of news texts about regional image — based on publications about Xinjiang in leading Russian media	15
Shakhnazaryan V.M. The Functioning of Urbanonyms in the Multilingual Landscape of Tabasco State, Mexico: Sociolinguistic and Ethnocultural Aspects	28
Yuan' Y. Emotional contrast in the description of two lakes (based on the story by A. Matveeva "At the Lake")	37
Kayumova M.M. Women's correspondence in Italy in the 16th century and the changing role of women	48
Ostapenko A.B. Verbalization of gender stereotypes in political discourse	57
Vagizieva N.A., Temirbulatova S.M. The study of morphological means of the category of number expression in the adjectives of the Dargwa language (based on the study of the Kadar, Khaidak and Tsudakhar dialects)	70
Shigurov V.V., Shigurova T.A., Panfilova D.V. Transposition of prepositionless forms of the genitive case of a noun into an adverbial subclass with spatial meaning (based on the word form "at home")	82
Lobanova T.N., Badretdinova A.A., Dubyaga A.M. The Fashion Industry Terminology and Linguistic Means of Expression in Modern Russian, Chinese and English	93
Semenova E.M. Discursive competence and deverbalization as the main communicative characteristics of modern political rhetoric	108
Metadata in english	117

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Фокеева Ю.А., Дубовицкая М.А., Шаповалова О.Н. Особенности функционирования средств речевого контакта в художественном тексте и проблема их перевода (на материале немецкой прозы) // Филология: научные исследования. 2025. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.7.75085 EDN: HVLEBX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75085

Особенности функционирования средств речевого контакта в художественном тексте и проблема их перевода (на материале немецкой прозы)**Фокеева Юлия Александровна**

ORCID: 0000-0003-0615-3676

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра Переводоведение и межкультурная коммуникация (ПМК); Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.

410056, Россия, Саратовская обл., г. Саратов, Октябрьский р-н, ул. Бахметьевская, д. 34/42, кв. 18

✉ SolomatinaYA@mail.ru**Дубовицкая Мария Андреевна**

ORCID: 0000-0001-5412-5237

кандидат социологических наук

доцент; кафедра Переводоведение и межкультурная коммуникация (ПМК); Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.

410054 Россия, г.Саратов, ул. Беговая, 24, к. 409.

✉ dubovitckaiama@sstu.ru**Шаповалова Ольга Николаевна**

ORCID: 0000-0001-5876-6066

кандидат филологических наук

доцент; кафедра Переводоведение и межкультурная коммуникация (ПМК); Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.

410054 Россия, г.Саратов, ул. Беговая, 24, к. 409.

✉ Shapovalovaolga@yandex.ru[Статья из рубрики "Перевод"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2025.7.75085

EDN:

HVLEBX

Дата направления статьи в редакцию:

06-07-2025

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является специфика употребления средств речевого контакта (СРК) в художественной литературе. Объект исследования – проблема их перевода с немецкого на русский язык. Цель исследования состоит в выявлении наиболее важных закономерностей, проявляющихся при передаче СРК в художественном переводе с немецкого языка на русский. Особое внимание уделяется тому, что средства речевого контакта являются неотъемлемым компонентом коммуникации, что находит отражение в речи героев художественных произведений разных эпох. Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы как умение переводчиком учитывать историческую атмосферу, характер и эмоциональное состояние героев, их социальную принадлежность и прочие характеристики. Теоретической базой исследования являются работы в области теории коммуникации, а также теории перевода. При решении задач исследования применялись следующие методы: лингвистического описания для определения особенностей функционирования различных групп средств речевого контакта в художественном тексте; сопоставительного анализа для выявления способов передачи СРК средствами языка перевода; а также контекстуального анализа, позволивший учесть влияние контекста на переводческое решение, включая вид общения персонажей и иные компоненты. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые систематизируются средства речевого контакта на материале произведений, действие которых происходит в XIX веке, а также современной немецкой прозы, кроме того данные средства также рассматриваются и в аспекте перевода. В результате установлено, что наиболее важные группы исследованных единиц составляют обращения, этикетные формулы и вводно-контактные компоненты, при этом в современной прозе возрастает значимость императивных конструкций. При переводе средств речевого контакта, используемых в ситуации формального общения, активнее применяются лексические эквиваленты, в то время как для передачи неформальных обращений и императивных конструкций прослеживается тенденция подбора вариантов соответствий, при этом необходим учет таких факторов как описываемая эпоха, взаимоотношения героев произведения, их эмоциональное состояние, а также наличие в языке перевода эквивалентного соответствия. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов и выводов в курсах «Теория перевода» и «Художественный перевод» для студентов филологических специальностей.

Ключевые слова:

средства речевого контакта, этикетные формулы, вводно-контактные компоненты, лексические эквиваленты, соответствия, вариантные соответствия, фатические компоненты, лингвокультурная адаптация, речи персонажей, перевод

Введение

Как известно, коммуникация предполагает наличие по крайней мере потенциального реципиента, вследствие чего возникает необходимость употребления средств речевого контакта. Функционирование данных единиц активно исследуется в различных сферах

общения. Данная статья посвящена специфике употребления средств речевого контакта (СРК) в художественной литературе, прежде всего в прямой речи персонажей, а также проблеме их перевода с немецкого на русский язык.

Постоянно изменяющиеся экстралингвистические факторы требуют от переводчика умения учитывать историческую атмосферу, характер и эмоциональное состояние героев, их социальную принадлежность и прочие характеристики. При этом важно сохранить естественное звучание разговорной речи, что нередко требует лингвокультурной адаптации. **Актуальность исследования** определяется необходимостью теоретического обоснования переводческих решений, определяющих выбор способов передачи средств речевого контакта, что обусловлено, во-первых, значимостью диалогической речи в художественном тексте, во-вторых, важностью достижения адекватности перевода СРК, являющихся неотъемлемым компонентом диалога. Следует отметить, что средства речевого контакта детально описаны в лингвистических работах, однако еще не подвергались системному анализу в аспекте перевода.

Поставленная цель определила **задачи** данного исследования: 1) описание наиболее важных групп средств речевого контакта, используемых в речи героев художественных произведений различных эпох; 2) выявление основных способов перевода разных видов СРК; 3) установление зависимости выбора способов передачи исследуемых средств от вида общения (формального/неформального); 4) определение факторов, которые следует учитывать для адекватной передачи СРК средствами ПЯ в контексте художественного произведения.

При решении задач исследования применялись следующие **методы**: метод лингвистического описания для определения особенностей функционирования различных групп средств речевого контакта в художественном тексте, метод сопоставительного анализа для выявления способов передачи СРК средствами языка перевода, а также метод контекстуального анализа, позволивший учесть влияние контекста на переводческое решение, включая вид общения персонажей и иные компоненты описываемой ситуации.

Выбор **материалов исследования** обусловлен необходимостью сравнительного анализа использования средств речевого контакта в языке разных эпох. Во-первых, это художественная немецкая проза XIX в. [1-3], а также переводы данных произведений на русский язык: «Der Schimmelreiter» Т. Шторма [4], «Peter Schlemihls wundersame Geschichte» А. фон Шамиссо [5], «Lotte in Weimar» Т. Манна. [6]

В эту же группу нами включено произведение Т. Манна, так как, несмотря на то, что написание романа завершено в 1939 г., действие его происходит в начале XIX века.

Во-вторых, это немецкая литература конца XX – начала ХХI века, опубликованная вместе с переводом на русский язык в издании «Зебра» [7]:

«Alles was zählt» Г. М. Освальда (перевод Т. Заславской),

«Sommerhaus, später» Ю. Герман (перевод Е. Соколовой),

«Am kürzeren Ende der Sonnenallee» Т. Бруссига (перевод М. Рудницкого),

«Der Tag, als Boris Becker ging» Э. Хайденрайх (перевод В. Позняк),

«Beerholms Vorstellung» Д. Кельмана (перевод В. Ахтырской).

Теоретической базой настоящего исследования являются работы в области теории коммуникации [8-13], а также теории перевода [14].

Как известно, одной из важнейших функций художественного стиля является эстетическая функция, реализации которой в значительной мере способствует успешная стилизация автором разговорной речи персонажей, предполагающая естественное звучание диалогов, а также призванная создать языковой портрет героев произведения. При этом важную роль играют фатические компоненты в речи действующих лиц, поскольку они являются неотъемлемой составляющей реальной коммуникации, отображающей эпоху, а также передают характер и отношения общающихся.

О. Л. Морова относит к средствам речевого контакта «те элементы языковой системы, которым (нередко наряду с другими присущими им функциями) свойственна функция контакта, проявляющаяся при определенных условиях» (Морова О. Л. Средства речевого контакта в различных функциональных стилях (на материале русского и английского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук— Саратов, 1997. с.8). Во многих исследованиях эти средства описываются как контактостанавливающие и контактодерживающие [10, с.74; 8, с.383; 15, с.83].

Средства речевого контакта нередко подразделяются на специализированные и неспециализированные. Ф. А. Моисеева отмечает, что специализированные средства характеризуются преобладанием контактостанавливающей функции, в то время как неспециализированные преимущественно используются для реализации иных функций, хотя могут употребляться и для установления и поддержания контакта [13, с.239]. Поскольку возможна разная интерпретация принципов применения данного критерия, в работах по данной тематике отсутствует единое мнение о распределении СРК по указанным выше группам.

В данном исследовании представляется целесообразным рассматривать как специализированные такие средства как обращения, вводно-контактные компоненты и этикетные формулы, которые причисляются к типовым СРК многими исследователями. В частности, О. Л. Морова указывает на принадлежность этих разновидностей к наиболее употребительным средствам речевого контакта и на этом основании относит их к ядру микрополя СРК говорящего [12]. Важность обращений и этикетных формул приветствия на начальном этапе диалогического взаимодействия отмечается в исследовании С. Ю. Олейниковой и Н. В. Овчинниковой, проведенном на материале английского языка [16, с.213]. Неспециализированные средства речевого контакта часто подразделяются по морфологическому признаку принадлежности к определенной части речи на глагольные формы, междометия, частицы [17, с.239]. Кроме того, к ним можно отнести некоторые виды вводных конструкций, которые рассмотрены ниже.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов, а также обобщений и выводов в курсах «Теория перевода» и «Художественный перевод» при подготовке студентов филологических специальностей.

Обсуждение и результаты

Анализ средств речевого контакта в художественной немецкой прозе проводился с учетом того факта, что коммуникация может протекать в сфере формального и неформального общения, поскольку данные разновидности коммуникации в значительной мере определяют набор речевых единиц, используемых для установления

и поддержания контакта. Учет описываемой эпохи (как правило, примерно совпадающей с периодом написания произведения) позволяет говорить о том, что с течением времени структура средств речевого контакта остается практически неизменной: в художественных текстах XIX века и в современной немецкой прозе используются одни и те же группы средств речевого контакта: этикетные формулы, обращения, вводно-контактные компоненты, а также различные неспециализированные СРК. Однако частотность их использования и состав в различных ситуациях речевого общения имеет существенные различия.

Так, в произведениях немецкой прозы XIX века ситуации формального общения отображаются в гораздо большем объеме, чем в современной литературе, что объясняется более жесткими этикетными правилами, действовавшими в прошлом. Если в современной немецкой прозе формальное общение представлено, прежде всего, описанием коммуникации между незнакомыми или малознакомыми людьми, то в литературе XIX века оно является преимущественно светским, характеризуясь нормами, которые соблюдались представителями образованной части общества.

Рассмотрим несколько характерных примеров на примере произведений, действие которых разворачивается в XIX веке. На стадии установления контакта в ситуации формального общения используются специализированные средства речевого общения, к которым относятся, прежде всего, этикетные формулы приветствия и обращения (источники, из которых взят перевод, приведены выше при указании материалов исследования):

Guten Tag, mein Freund! — Здравствуйте, друг мой. (T. Mann).

Frau Hofrätin, Welch buchenswertes Ereignis! — Госпожа советница! Какое достойное увековечения событие! (T. Mann).

GutenAbend auch! — Добрый вечер. (T. Storm).

Характерной особенностью стиля литературы XIX в. является употребление вежливого обращения к собеседнику в третьем лице в качестве подлежащего, с которым согласуется личная форма глагола-сказуемого в единственном или множественном числе:

Wo hat der Herr seinen Schatten gelassen? — Господин, где это вы позабыли свою тень? (A. Chamisso).

Frau Hofrätin verstehen vielleicht nicht ganz die Empfindungen eines Menschen... — Госпожа советница, должно быть, и понять не может чувств человека... (T. Mann).

Помимо appellativo, указывающих на социальное положение адресата, могут употребляться ласковые обращения, свидетельствующие о симпатии к собеседнику:

Mein guter Freund, ich bin eine einfache alte Frau ohne Ansprüche... — Друг мой, я простая женщина, без претензий... (T. Mann).

Um eben die, mein Guter... — Именно о ней, любезный... (T. Mann).

При написании диалогов в рамках формального общения современные авторы, как и прозаики позапрошлого века, активно используют обращения. В частности, это различные appellativo, указывающие на социальное положение адресата и нередко сопровождающиеся этикетными формулами приветствия:

Frau Andersson!—**Госпожа Андерсон!** (J. Hermann).

Guten Morgen, Herr Professor!—**Доброе утро, господин профессор!** (D. Kehlmann).

На стадии установления контакта в качестве средства привлечения внимания иногда употребляются средства «самопредставления»:

Guten Tag, Meister Horkefeld, **Fahndungskontrolle...**—**Добрый день, прапорщик Хоркенфельд,** проверка документов в порядке розыска... (T. Brussig).

В литературе XX–начала XXI века описываются ситуации взаимодействия человека и машины, при этом, ориентируясь на набор используемых средств, можно отнести такой контакт к разновидности формального общения. Особую значимость при этом приобретают этикетные формулы, а также императивные конструкции, применяемые компьютерной программой, например, во время игры:

Bitte geben Sie Ihren Nachnamen ein. **Bitte geben Sie Ihren Vornamen ein.** **Bitte warten Sie einen Moment.**—**Пожалуйста,** введите свою фамилию. **Пожалуйста,** введите свое имя. **Пожалуйста,** подождите минуточку. (G. M. Oswald).

Vielen Dank. Sie bekommen in Kürze eine E-Mail von uns.—**Благодарю,** скоро вы получите сообщение по электронной почте. (G. M. Oswald).

Значительная часть диалогов между персонажами проанализированных художественных текстов протекает в рамках неформального общения, при этом тенденции употребления СРК отличаются от сложившихся при формальном контакте. Во-первых, использование этикетных речевых формул значительно сокращается, хотя, безусловно, возможно в диалогах между героями произведений:

Stein, kannst du mir was sagen, bitte?—**Штайн,** скажи что-нибудь, **пожалуйста...** (J. Hermann).

Danke, dass du mitgekommen bist.—**Спасибо,** что съездила вместе со мной. (J. Hermann).

Во-вторых, особенность использования средств речевого контакта напрямую зависит от социальных, возрастных, образовательных и прочих характеристик участников контакта. Как показал анализ, при неформальном общении инвентарь средств речевого контакта разнообразнее, чем в ситуациях официальной коммуникации, в частности, в связи со снижением значимости этикетных правил [18]. Важную роль при этом играют специализированные контактоустанавливающие единицы. Их значительную долю составляют обращения, что в равной степени характерно для произведений разных эпох. Среди данных единиц следует выделить следующие лексико-семантические группы:

1. Обращение по имени, которое дает возможность сразу идентифицировать адресата, а также используется для выражения эмоционального давления на собеседника:

Elke! <...> wo bist du, Elke!—**Эльке!** <...> Ты где, **Эльке?** (T. Storm).

Sag: Blau, Todd! **Sag es!**—**Тодди!** Скажи: синева, скажи! (J. Hermann).

Реже можно наблюдать обращения по фамилии, причем преимущественно в современных произведениях: **Stein? Hast du's gekauft?**—**Штайн,** ты купил его? (J. Hermann).

2. Номинация собеседника по родственным связям, которая используется между

родственниками как при формальном, так и при неформальном общении:

Gewiss nicht, Mama, gewiss nicht.—Нет, мама, разумеется, нет. (T. Mann).

Danke, Mütterchen! — Благодарствуйте, мамаша. (A. Chamisso).

3. Обращения, выраженные существительными с оценочно-характеризующей семантикой, которые позволяют передать эмоциональное отношение говорящего к собеседнику:

Ei, ei! guter Freund, habt Ihr denn nicht an Eurem eignen Schatten genug?—Эх, приятель, неужто вам мало собственной тени? (A. Chamisso).

Was willst du, Schurke?—Зачем ты сюда пожаловал, бездельник! (A. Chamisso).

Liebling, woran denkst du gerade?—Любимый, о чём ты сейчас думаешь? (G. M. Oswald).

Zoni, mach mal winke, winke, wolln dich knipsen! — Эй, зонни, сделай ручкой, мы тебя щелкнем! (T. Brussig).

Две последующие группы обращений выявлены на материале литературы XX–начала XXI века.

4. Обращения по должности, которые составляют скорее исключение, так как используются преимущественно для ситуаций официального общения:

Nein, also wir wissen natürlich, dass es total verboten ist, einen Reisepass, den man findet, nicht abzugeben. Aber darüber haben wir uns nicht unterhalten, Herr Wachtmeister.—Да нет. То есть да, конечно, ясное дело, мы знаем, что запрещено не сдавать в полицию чужой загранпаспорт, если вдруг нашел его на улице, но болтали мы вовсе не об этом, товарищ сержант. (T. Brussig). В данном эпизоде речь идет о неофициальной коммуникации, поскольку с сержантом общается компания детей, к тому же на улице, а не в учреждении.

5. Неформальные обращения, используемые преимущественно по отношению к друзьям или представителям молодого поколения:

O Mann, ist das verboten! Total verboten!—Братцы, до чего же это запрещено! Наглушки запрещено! (T. Brussig).

Na, Jungs, so ein Hobby hättet ihr mir bestimmt nicht zugetraut, oder —Что, ребятушки, не ожидали от меня такого хобби, верно? (T. Brussig).

К специализированным СРК относятся также вводно-контактные компоненты, которые применяются преимущественно с целью поддержания речевого взаимодействия, что также отражается в диалогах героев произведений. В частности, в исследовании В. М. Ненько подчеркивается способность данных средств активизировать внимание адресата [17, с.220].

Часто такие единицы грамматически выражены через императивные конструкции:

Erlauben Sie, bester Herr Professor!—Позвольте, дражайший господин профессор... (T. Mann).

Gestehen Sie mir's, mein Herr, gestehen Sie mir's, wie sind Sie um Ihren Schatten gekommen?—Сознайтесь, сознайтесь, сударь, каким образом вы лишились тени? (A.

Chamisso).

Многие из этих средств относятся к так называемым «сигналам говорящего» [10, с.86; 11, с.122-124]. Нередко они представляют собой конструкции с личными формами глаголов во втором лице единственного и множественного числа, а также с вежливой формой глаголов, поскольку их употребление предполагает непосредственное обращение к собеседнику, в частности, с целью установления обратной связи, например:

Platz genug, verstehstdu?—Места хватит, ты понимаешь? (J. Hermann).

Сходную функцию выполняют эллиптические предложения, в которых опускается вспомогательный глагол при образовании Perfekt, при этом сохраняется страдательное причастие, за счет чего автор добивается убедительной стилизации разговорной речи. Поскольку в русском языке отсутствует вспомогательный глагол для образования прошедшего времени, переводчик может применить компенсацию за счет подбора лексемы с выраженной разговорной окраской, как в следующем примере:

Wenn einer von euch einen Reisepass einer BRD-Bürgerin findet, ist der bei mir abzugeben. Verstanden?—А если кто из вас найдет паспорт гражданки ФРГ, сдать его следует лично мне. Усекли? (T. Brussig).

Следует отметить, что вводно-контактные компоненты могут выполнять функцию запроса мнения собеседника:

<...> aber wenn mir recht ist, bekleiden Sie heute ein städtisches Lehramt,—ich müsste mich irren, nichtwahr, Sie sind Gymnasialdocent?—<...> но ведь теперь, если я не ошибаюсь, вы состоите на казенной службе в качестве преподавателя здешней гимназии, не правда ли? (T. Mann).

Na, Jungs, so ein Hobby hättet ihr mir bestimmt nicht zugetraut, oder?—Что, ребята, не ожидали от меня такого хобби, верно? (T. Brussig).

К неспециализированным средствам речевого контакта, применяемым в речи героев произведений разных периодов, относятся, прежде всего, глагольные формы, междометия, частицы, а также некоторые виды вводных конструкций. Глагольные формы представлены преимущественно императивными конструкциями, побуждающими адресата к определенному действию. В этом состоит их принципиальное отличие от рассмотренных выше вводно-контактных компонентов, направленных на поддержание коммуникативного акта за счет привлечения внимания собеседника и потому отнесенных к специализированным СРК.

Если при формальном общении императивы имеют форму третьего лица множественного числа, то при неформальном они, как правило, употребляются во втором лице единственного числа, что указывает на непринужденную обстановку или на близкие отношения между собеседниками. Наряду с этим, функцию побуждения к действию могут выполнять глаголы других наклонений (например, конструкции с модальным глаголом *können*):

Fühl mal!—Понюхай! (J. Hermann). Или: ...*Kannst du mir vielleicht irgend etwas erklären? —...Объясни...* (J. Hermann).

Guckt mal, 'n echter Zoni! —Смотри-ка, живой зонни! (T. Brussig).

К СРК данной группы относится также призыв к совместному действию:

Lasstuns doch einfach alle nach Kuba fahren und das vierzigste Jahr der Revolution feiern, solange es Fidel und Havanna noch gibt. —**Давайте все просто поедем на Кубу и отпразднуем там сороковую годовщину революции, пока еще есть и Фидель, и Гавана.** (E. Heidenreich).

Кроме того, в эту группу целесообразно включить средства вежливого выражения побуждения к определенному действию через указание объекта в эллиптической конструкции, в которой опущено сказуемое в повелительном наклонении:

Personalausweis bitte. —**Па-а-прошу предъявить удостоверение личности.** (T. Brussig).

Следует отметить, что в переводе добавляется эксплицитная просьба, выраженная через сказуемое, что в большей степени соответствует официально-деловому стилю русского языка. При этом представляется не совсем оправданным применение переводчиком графических средств, передающих своеобразие речи персонажа, поскольку они отсутствуют в оригинале (*па-а-прошу*).

Междометия и частицы позволяют управлять течением диалога, поддерживать контакт между собеседниками на определенном эмоциональном уровне, а также усиливать выражение согласия или несогласия:

Ach, höre doch auf, Lottchen! —**Ах оставь меня, Лотхен!** (T. Mann). **Nicht doch <...> Machen wir keine Umstände!** —**Да нет же<...>.** К чему лишние хлопоты. (T. Mann).

Ach, verboten meinen Sie. —**Ах, вы имеете в виду «запрещено»?** (T. Brussig).

Also, die Sonne hinterm Kirchturm. —**Ну вот,** солнце садится за колокольню. (J. Hermann).

Кроме того, некоторые междометия, например, «па», имеют императивную окрашенность и побуждают собеседника к реакции на слова говорящего:

Wessen Tonträger? Na? Wem seine Kassette ist das? —Чей звуконоситель? **Ну?** Кассета, спрашиваю, в собственности кому своя будет? (T. Brussig).

Необходимо отметить, что по результатам анализа междометия практически не используются в сфере формального общения. Однако в процессе неофициальной коммуникации их роль значительно возрастает, при этом они могут использоваться как средства привлечения внимания, побуждения к действию, поддержания контакта и выражения эмоциональной реакции собеседника.

Что касается вводных слов и конструкций, часто они выполняют функцию реагирования на высказывание собеседника, особенно в начале реплики персонажа, что позволяет выразить согласие или несогласие либо предваряет ответ:

O, unbedingt. —**О, конечно!** (T. Mann) или **Natürlich mag ich's noch.** —**Конечно, нет.** (J. Hermann).

Кроме того, они могут использоваться как средства привлечения внимания к определенной информации за счет структурирования высказывания:

Übrigens hatten Sie Ihren Zusammenbruch in einer seltsamen Gegend. —**Кстати, вы потеряли сознание в довольно странном месте.** (D. Kehlmann).

Анализ особенностей перевода средств речевого контакта позволяет сделать следующие обобщения (в качестве теоретической основы для интерпретации полученных результатов используется различие единичных (эквивалентных) и множественных

(вариантных) соответствий, а также классификация переводческих трансформаций, разработанная В.Н. Комиссаровым [14, с. 139-140, 158-186].

Перевод обращений и этикетных формул, используемых в качестве средств установления и поддержания контакта в произведениях различных эпох, осуществляется, как правило, с помощью эквивалентных соответствий, при этом имена собственные передаются через транскрипцию или транслитерацию. В частности, дворянские титулы существовали и в дореволюционной России, что дает возможность при переводе использовать принятые в то время обращения, закрепленные этикетными правилами за определенными титулами (как *Graf* — ваше сиятельство):

Sollte Ihnen, HerrGraf, ein gewisser Peter Schlemihl wirklich nicht unbekannt sein? — Скажите, ваше сиятельство, вам действительно знаком некий Петер Шлемиль? (A. Chamisso).

В то же время при передаче неформальных обращений производится подбор тех вариантических соответствий, которые наилучшим образом соответствуют контексту, т.е. отражают характер и эмоциональный настрой участников коммуникации. Если в качестве обращения используется реалия (как в приведенном выше примере с обращением *Zoni*, обозначающим жителя Восточного Берлина), то иногда применяется транскрипция или транслитерация (в данном случае на основе оригинальной лексемы создается неологизм, по звучанию напоминающий русское слово «зона», так что читатель может догадаться, кто такой «зонни»; таким образом, транслитерация получает фонетическое видоизменение).

Кроме того, при переводе произведений, действие которых происходит в XIX веке, возможно использование компенсации, когда возникает необходимость передачи структур с местоимениями *Er* и *Sie*, а также конструкции «существительное в единственном числе плюс глагол во множественном» при непосредственном обращении к собеседнику, так как в современном немецком языке эти средства не употребляются, к тому же они относятся к безэквивалентным грамматическим единицам. Для создания колорита исторической эпохи в тексте перевода появляются вкрапления, которые носят устаревший характер, что характерно для передачи речи героев в ситуациях как формального, так и неформального общения:

Sie sind bequem, unsere Treppen, wie FrauHofrätinbemerken, aber hätten wir geahnt... — У нас, сударыня, удобные лестницы, как вы можете убедиться, но если бы мы знали... (T. Mann).

Belieben gnädigst der Herr diesen Säckel zu besichtigen und zu erproben! — Соблаговолите, сударь, взглянуть и испробовать, что это за кошелек! (A. Chamisso).

В то же время необходимо подчеркнуть, что довольно часто это грамматическое средство не отражается в переводе, поскольку макроконтекст уже в достаточной мере передает временной колорит:

Was schleppt Sie da, Trina? — Что несешь, Трин? (T. Storm).

Учет контекста приобретает особое значение также при передаче некоторых неспециализированных средств речевого контакта; например, при переводе императивных конструкций, как правило, выбирается то вариантное соответствие, которое используется в сходных ситуациях общения в иной культуре. Однако при переводе междометий и вводных слов, представляющих собой средства выражения

согласия или несогласия либо служащих облегчению понимания за счет структурирования высказывания, часто используются эквивалентные соответствия.

Заключение

Средства речевого контакта являются неотъемлемым компонентом коммуникации, что находит отражение в речи героев художественных произведений разных эпох. К наиболее важным СРК относятся обращения (а именно, номинации собеседника по имени, родственным связям, должности, а также номинации с оценочно-характеризующей семантикой и неформальные аппелятивы), этикетные формулы и вводно-контактные компоненты (сигналы говорящего). Контактоустанавливающую и контактоподдерживающую функцию выполняют также глагольные формы, выражающие побуждение к определенному действию, а также междометия, частицы и вводные конструкции, передающие реакцию на высказывание собеседника либо привлекающие внимание за счет структурирования высказывания. По нашим наблюдениям, для литературы XIX века более характерно использование этикетных формул и вводных компонентов, тогда как в современной прозе возрастает число императивных конструкций, что можно объяснить ростом значимости описания неформального общения в художественных произведениях.

При переводе средств речевого контакта используются как эквивалентные, так и вариантные соответствия. Применение лексических эквивалентов распространено при передаче обращений, некоторых этикетных формул, междометий, а также вводных слов, служащих для выражения согласия или несогласия либо для членения высказывания. Вариантные соответствия подбираются с учетом контекста и употребляются прежде всего в случаях перевода неформальных обращений и императивных конструкций. Реалии, малоизвестные для реципиента ПЯ, могут передаваться через неологизм, создание которого требует творческого переводческого решения. Особое значение для сохранения колорита описываемой эпохи имеет компенсация, основанная на применении устаревшей лексики при переводе предложений, содержащих вышедшие из употребления грамматические конструкции.

При переводе СРК, используемых в ситуации формального общения, активнее применяются лексические эквиваленты, в то время как для передачи данных единиц при неформальном общении прослеживается тенденция подбора вариантных соответствий, что объясняется большей ритуализацией официальной коммуникации.

Переводческое решение при передаче средств речевого контакта в речи литературных персонажей следует принимать с учетом эпохи, описываемой в произведении, вида общения (формального или неформального), общего контекста, включающего взаимоотношения действующих лиц и их чувства, а также наличия в русском языке эквивалентного соответствия.

В качестве **перспективы дальнейших исследований** в данном направлении следует указать выявление особенностей перевода СРК в речи героев кинофильмов.

Библиография

1. Storms Werke. Zweiter Band. Weimar: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1974. S. 265–386.
2. Schamisso Werke. Weimar: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1974. S. 153–221.
3. Mann T. Lotte in Weimar. Berlin: Fischer, 2023. 450 p.
4. Шторм Т. Всадник на белом коне / Т. Шторм: пер. С. Шик. М.: Ладомир, Наука, 2005.

288 с.

5. Шамиссо А. Удивительная история Петера Шлемиля / А. Шамиссо: пер. И. Едина. М.: ГИХЛ, 1955. 72 с.
6. Манн Т. Лотта в Веймаре. М.: АСТ, 2023. 512 с.
7. Зебра: Новая немецкая литература / Сост. Г. Хазенкамп. На немецком и русском языке. М.: Немецкий культурный центр им. Гете, 2004. 208 с.
8. Schegloff E.A. Sequencing in conversational openings // Communication in face to face interaction. Middlesex: Penguin Books, 1972. P. 374–405.
9. Schank G., Schoenthal G. Gesprochene Sprache. Eine Einführung in Forschungsansätze und Analysemethoden. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1976. 119 s.
10. Schwitalla J. Dialogsteuerung. Vorschläge zur Untersuchung // Projekt Dialogstrukturen: Ein Arbeitsbericht. München: Hueber, 1976. S. 73–104.
11. Rath R. Kommunikationspraxis: Analysen zur Textbildung und Textgliederung im gesprochenen Deutsch. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. 252 s.
12. Морова О. Л. Функционирование средств речевого контакта в художественном тексте и особенности их перевода на русский язык // Язык и мир изучаемого языка. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», 2019. С. 64–68.
13. Моисеева Ф. А. Средства установления речевого контакта // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания. Минск: Белорусский государственный университет, 2024. С. 237–241.
14. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
15. Эрхитуева Э. Б. Тактики и ходы контактоустановления в блоге в конфликтной коммуникативной стратегии // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2022. № 1–2. С. 82–95.
16. Олейникова С. Ю., Овчинникова, Н. В. Языковые средства установления речевого контакта в различных вариантах английского языка // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 209–213.
17. Ненько В. М. Коммуникативно-прагматический характер вводно-контактных компонентов (спрашивается, видите ли, согласитесь и др.) // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней. Калуга: ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», 2023. С. 219–224.
18. Солдатова О.С. Речевые средства реализации стратегий дистанцирования в побудительных и угрожающих лицу речевых актах//Молодой учёный. 2023. №21 (468). С. 468–471.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Особенности функционирования средств речевого контакта в художественном тексте и проблема их перевода (на материале немецкой прозы)», представленная к рассмотрению для публикации в журнале «Филология: научные исследования» является, несомненно, актуальной.

Данная статья посвящена специфике употребления средств речевого контакта в художественной литературе, прежде всего в прямой речи персонажей, а также проблеме их перевода с немецкого на русский язык.

В XXI веке актуальными и востребованными в современном мире остаются исследования, посвящённые изучению картины мира, а также затрагивающие вопросы переводческих трансформаций.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Во введении автор убедительно доказывает актуальность исследования, выдвигает исследовательскую цель и задачи, описывает методологию и принципы текстовой выборки практического анализируемого материала.

Практическим материалом послужили: художественная немецкая проза XIX в., немецкая литература конца XX – начала XXI века, опубликованная вместе с переводом на русский язык. Считаем данный перечень литературных источников исчерпывающим для выполнения задач рецензируемой работы.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Рецензируемая работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Постулируемое автором иллюстрируется практическим материалом (на немецком языке и в русскоязычном переводе). Автор подводит свое исследования под научный базис, ссылаясь на работы предшественников, что позволяет в полной мере оценить степень разработанности проблемы и выявить лакуны.

В работе автор приходит в ряду важных выводов, о том, что средства речевого контакта являются неотъемлемым компонентом коммуникации, что находит отражение в речи героев художественных произведений разных эпох; для литературы XIX века более характерно использование этикетных формул и вводных компонентов, тогда как в современной прозе возрастает число императивных конструкций, что можно объяснить ростом значимости описания неформального общения в художественных произведениях; при переводе средств речевого контакта используются как эквивалентные, так и вариантовые соответствия. Однако, возможно, работа бы имела более высокую научную ценность, если бы автор представил классификацию или статистические данные о частотности употребления. Хотя, это может стать дальнейшим исследованием в русле заявленной проблематики.

Следует отметить библиографию, содержащую 18 позиций, которые являются как авторитетными отечественными источниками, так и трудами зарубежных исследователей, в том числе источники примеров. Однако, упоминаемая автором в тексте работы диссертация Моровой О. Л. (автореф. дисс. к. филол. н., 1997 г.) по неизвестным причинам не попала в библиографический перечень. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов, а также обобщений и выводов в курсах «Теория перевода» и «Художественный перевод» при подготовке студентов филологических специальностей.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана научным языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Особенности функционирования средств речевого контакта в художественном тексте и проблема их

перевода (на материале немецкой прозы)» положительное, работа может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Ван Ц., Гэн С. Применение теории эквивалентности Л.С. Бархударова в переводе новостных текстов о региональном имидже — на материале публикаций о Синьцзяне в ведущих российских СМИ // Филология: научные исследования. 2025. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.7.74535 EDN: IEIGQB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74535

Применение теории эквивалентности Л.С. Бархударова в переводе новостных текстов о региональном имидже — на материале публикаций о Синьцзяне в ведущих российских СМИ

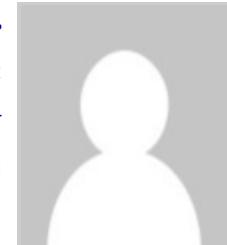
Ван Цзюань

доктор филологических наук

доцент; Институт иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет

237 Chang'an Rd, Шихэ Цой, Синьян Ши, провинция Хэнань, Китай

✉ 2292217277@qq.com

Гэн Сяолинь

магистр; Синьцзянский педагогический университет; Институт иностранных языков

237 Chang'an Rd, Шихэ Цой, Синьян Ши, провинция Хэнань, Китай

✉ 10536315277@qq.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2025.7.74535

EDN:

IEIGQB

Дата направления статьи в редакцию:

20-05-2025

Аннотация: В данной статье исследуется применение теории эквивалентности Л.С. Бархударова при переводе новостных материалов о региональном имидже. Основное внимание уделяется выбору единиц перевода и переводческих приемов для достижения максимальной эквивалентности на основе анализа соответствующих новостных текстов. Объектом исследования выступают переводческие аспекты новостей о Синьцзяне, а

предметом – тексты российской прессы, в частности, материалы о региональном имидже в ведущих российских СМИ. Авторы подробно анализируют выбор единиц перевода на различных уровнях (фонемном, морфемном, лексическом, синтаксическом и текстовом) и применение соответствующих переводческих стратегий и методов. Особый акцент делается на необходимости гибкого подхода к выбору единиц перевода для достижения эквивалентности на всех лингвистических уровнях, учитывая культурные особенности и контекст. На основе теории уровневой эквивалентности Л.С. Бархударова в статье проводится анализ и обобщение роли эквивалентности при переводе новостей, формирующих региональный имидж, с учетом шести лингвистических уровней. Кроме того, рассматриваются основные переводческие методы, включая транскрипцию, замену, опущение, добавление, перестановку и адаптацию, а также их влияние на точность передачи информации. Основной вывод исследования заключается в том, что теория эквивалентности Бархударова имеет значительную теоретическую ценность и практическую применимость при переводе новостных текстов о региональном имидже, обеспечивая многомерную ориентированную основу для перевода таких текстов. В переводческой практике необходимо обоснованно и гибко выбирать уровень перевода в соответствии с особенностями текста и целями его распространения, что позволяет на микроуровне эффективно решать конфликты языковых форм и на макроуровне обеспечивать логическую связность текста. Новизна исследования заключается в том, что в качестве предмета исследования из СМИ выбраны тексты о региональном образе Синьцзяна, которые охватывают широкий спектр областей. Инновационным также является комплексный анализ его перевода в рамках теории эквивалентности Л.С. Бархударова с учетом современных лингвистических подходов.

Ключевые слова:

перевод новостей, региональный имидж, теория эквивалентности, Бархударов, уровневая эквивалентность, российские ведущие СМИ, Синьцзян, единица перевода, уровень перевода, распространение новостей

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда иностранных языков Китая (одиннадцатая очередь финансирования). Настоящая работа представляет собой промежуточные результаты проекта одиннадцатой очереди Фонда иностранных языков Китая"(ZGWYJYJJ12A077)

Введение

С углублением процесса глобализации значение новостей о региональном имидже в международных культурных обменах и торгово-экономическом сотрудничестве становится все более заметным. Синьцзян служит прекрасным примером того, как эффективный внешний имидж региона способен не только демонстрировать его успехи, но и укреплять международные связи. Такие ключевые аспекты, как изобилие природных ресурсов, культурное многообразие и привлекательность для экотуризма, играют важную роль в диалоге между цивилизациями, сближая народы и открывая новые возможности для сотрудничества.

Объектом исследования выступают лингвопереводческие аспекты освещения Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) в новостных материалах. Предметом исследования являются тексты ведущих российских СМИ, где анализируется формирование образа данного региона. Конкретно говоря, исходные тексты для

практики перевода были отобраны из публикаций о Синьцзяне трех российских основных СМИ (в том числе РИА Новости, ТАСС и "Российской газеты"). Авторы провели обширный поиск на официальных сайтах трех СМИ по ключевому слову "Синьцзян" и в итоге отобрал 30 новостей (16 из "Российской газеты", 7 из РИА Новости и 7 из ТАСС), основываясь на их релевантности, общим объемом около 15 000 слов на русском языке. И новости были опубликованы в период с 2009 по 2024 год.

Целью исследования является изучение того, какое внимание уделяют российские СМИ Синьцзян-Уйгурскому автономному району Китая и формируемый ими образ этого региона. Дополнительной целью выступает исследование применимости теории эквивалентности Л.С. Бархударова к переводу новостных материалов. Основные задачи включают: анализ переводческих стратегий и методов, применяемых на различных уровнях эквивалентности; выявление языковых и культурных особенностей конструирования образа СУАР в текстах российских СМИ. Методологической основой исследования является сравнительный текстовый анализ, позволяющий путем сопоставления оригинальных текстов и их переводов изучить особенности применения теории эквивалентности.

Перевод этих новостей на китайский язык имеет большое значение. Во-первых, он может помочь китайской аудитории получить региональную информацию с разных точек зрения, расширить познавательный кругозор общественности о региональной экономике и культуре, углубить многомерное понимание экономики и культуры Синьцзяна. Во-вторых, методичный анализ ключевых акцентов и пробелов в освещении Синьцзяна российскими медиа предоставляет исследователям ценный материал. Это позволяет вырабатывать более гибкие и адресные подходы к формированию регионального имиджа, усиливая его вовлекающий характер и эффективность. Это может способствовать активному распространению Китаю авторитетной информации и повышению эффективности его информационно-пропагандистской деятельности.^[10] В-третьих, он чётко отражает ключевые экономические и торговые вопросы, актуальные для России, и предоставляет бизнесу аналитическую базу для выхода на международные рынки и участия в региональных проектах.

При переводе подобных текстов необходимо достичь динамического баланса между лингвистической точностью, культурной адекватностью и коммуникативной эффективностью: не только объективно представить реальную картину регионального развития, но и соответствовать когнитивной логике и привычкам восприятия целевой аудитории. Коммуникативным потребностям новостного текста соответствует концепция "уровневой эквивалентности", предложенная теорией эквивалентности Л.С. Бархударова, которая позволяет удовлетворить двойные требования новостного текста к полноте представления информации и эффективности коммуникации за счет гибкого выбора единиц перевода на разных уровнях. Поэтому в данной статье, руководствуясь этой теорией, проводится анализ на шести уровнях: на уровне фонем, морфем, слов, словосочетаний, предложений и текста^[2], с целью решения типичных проблем при переводе новостных текстов о региональном имидже, точной передачи исходной информации и максимально возможного достижения эквивалентности. По мнению Л.С. Бархударова, что эквивалентный перевод может быть установлен на шести вышеперечисленных уровнях, и переводчик должен выбрать единицу перевода соответствующего уровня в зависимости от конкретной ситуации, чтобы достичь эквивалентности.^[8] Следует отметить, что иногда эти уровни перевода существуют одновременно, поэтому в процессе перевода необходимо соблюдать принцип: местное подчинено целому, то есть низшая языковая единица подчинена высшей языковой

единице.^[7]

Применение теории эквивалентности Л.С. Бархударова в переводе новостных текстов о региональном имидже

Эквивалентность на уровне фонем

Эквивалентность на уровне фонем предполагает замену фонем исходного языка (ИЯ) фонемами переведенного языка (ПЯ), обладающими максимальной акустико-артикуляционной близостью. Перевод на уровне фонем преимущественно применяется при передаче собственных имен. Лингвистический процесс, основанный на установлении межъязыковых соответствий на фонемном уровне, определяется в переводоведении как практическая транскрипция.

Пример 1:

Северная дорога шла через Турфан, затем перебиралась через Памир, далее - в Фергану и казахские степи.

Перевод:

北线途径吐鲁番, 然后翻越帕米尔高原, 继而通向费尔干纳和哈萨克草原。

В данном контексте топонимы Турфан, Памир и Фергана, будучи географическими названиями, подлежат передаче методом фонетической транскрипции.

Турфан (город в Синьцзян-Уйгурском автономном районе) и Фергана (город в Узбекистане) транскрибируются на фонемном уровне. Что касается термина "Памир", в русской географической традиции он однозначно идентифицирует горную систему, тогда как для других географических объектов требуется уточняющее определение (например, "река Памир" - 帕米尔河). В китайском языке, особенно в официальных документах, принято использование термина "帕米尔高原" (Памирское нагорье). Таким образом, применяется комбинированный подход: фонемная транскрипция с последующим добавлением классификатора, что позволяет сохранить как фонетическое сходство, так и географическую специфику.

Примечательно, что данные переводческие соответствия уже закрепились в китайском языке в качестве устоявшихся эквивалентов. Хотя с практической точки зрения переводчик оперирует лексическими единицами, теоретически (в соответствии с лингвистической концепцией перевода), базовой единицей транскрипции в данном случае выступает фонема.

При переводе имен собственных необходимо сочетать фонетическую транскрипцию с соблюдением принципа эквивалентности, используя устоявшиеся варианты передачи имен.^[11] Для обеспечения точности следует проводить верификацию по авторитетным источникам, включая официальные документы и проверенные СМИ. Такой подход гарантирует соответствие языковым нормам и общепринятой практике перевода.

Эквивалентность на уровне морфем

Морфема, как минимальная значимая единица слова^[4], редко используется в переводческой практике на уровне морфемной эквивалентности, находя преимущественное применение при анализе префиксов и переводе неологизмов.

Эквивалентность на уровне морфем применяется реже в этой переводческой практике и

в основном используется для определения значения префиксов и перевода неологизмов. Под неологизмами понимаются новые лексические единицы или значения, еще не получившие широкого распространения.^[9] В переводоведении они часто представлены сложными словами, образованными путем соединения основ непосредственно через соединительные гласные или с использованием дефиса. Особенность таких слов заключается в сохранении составляющими основами собственного лексического значения, при этом между значением производного слова и его компонентами существует прямая или косвенная связь, хотя значение целого не сводится к механической сумме частей. Перевод на уровне морфем требует последовательного анализа значений составных элементов, их синтеза в целостное значение и последующего контекстуального уточнения. Однако трудности перевода обусловлены полисемией корневых и аффиксальных морфем, что делает необходимым тщательный контекстный анализ, выдвижение и проверку рабочих гипотез, а также финальную верификацию результатов.

Пример 2:

Зайтунна Кармува, представительница татарской этнической группы, привлекает толпы туристов в свою пекарню в Тачэне с помощью прямых трансляций, онлайн-постов о путешествиях и сарафанного радио.

Перевод:

塔塔尔族的再屯娜·卡利穆瓦通过直播、旅行主题网络推文和口碑传播的方式，将众多游客吸引至其位于塔城的烘焙店。

Сложносоставное слово "онлайн-пост", образованное путём дефисного соединения двух корней, требует особого подхода при переводе. Морфема "онлайн", будучи интернационализмом, сохраняет значение "в интернете". Вторая составляющая в современном языковом употреблении (особенно в социальных сетях или в Интернете) актуализирует заимствованное из английского значение, соответствующее китайским понятиям "帖子" или "发文"(публикация в соцсетях). Для достижения переводческой эквивалентности рекомендуется: провести морфемный анализ компонентов, выявить актуальное значение каждой части и синтезировать целостное значение. Таким образом, адекватным переводом данного сочетания будет "网络推文", где "онлайн" передаётся как "网络" и "пост" переводится как "推文". Такой подход позволяет сохранить как формальные характеристики исходного слова (способ словообразования), так и его функциональное значение в цифровой среде.

Эквивалентность на уровне слов

Эквивалентность на уровне слова предполагает установление соответствий между единицами исходного и переведенного языков на уровне отдельных слов. Данный способ перевода, будучи наиболее распространённым по сравнению с морфемным и фразовым уровнями, тем не менее применим преимущественно для предложений с простой синтаксической структурой.

Как правило, при переводе предложения только некоторые слова в нем могут быть соотнесены со словом, в то время как другие слова не имеют таких соответствий, поэтому перевод остальной части предложения приходится осуществлять на более высоком уровне - уровне словосочетаний^[11]. Поскольку исходные тексты в основном представляют собой длинные предложения и лишь в некоторых случаях все предложение переводится на уровне слов, в некоторых примерах, представленных в

в этом разделе, анализируется только часть, переведенная на уровне слов.

В ходе переводческой практики выяснилось, что эквивалентность на уровне слов при переводе связанных новостей проявляется в основном в выборе значений слов, а при переводе чаще всего используется метод замены. Многие слова обладают многозначностью, то есть имеют несколько различных значений, которые могут быть расширены до большего количества значений. В процессе перевода это требует от нас понимания значения слова в оригинальном русском языке, поиска выражений с тем же значением в китайском, а эквивалентность на уровне слов может решить проблему выбора значения слова.

Пример 3:

Немногочисленность людей становится привычной, а города и поселки выглядят лишь скромными форпостами цивилизации, которые лишь подчеркивают, что главный здесь не человек, а горы, пески и везде присутствующая на границе неба и земли линия горизонта...

Перевод:

人烟稀少是这里的常态，城市和乡镇更像是文明在这片土地上的小小前哨。这恰恰表明，此地的主角并非人类，而是山峦、沙海以及天地交界处那辽阔的地平线.....

Слово "привычный" означает "знакомый, устоявшийся, ставший нормой". В китайском языке его прямой эквивалент — "习惯的", однако при переводе следует учитывать контекст. В данном случае целесообразно применить замену частей речи, преобразовав прилагательное в существительное ("习惯"), чтобы избежать избыточности. Это связано с тем, что в русском языке прилагательные могут подразумевать опущенное существительное (например, "привычный образ жизни"), тогда как в китайском подобные конструкции требуют большей конкретики. Однако слово "习惯" чаще относится к привычкам людей (поведенческим или ментальным), а также к обычаям и традициям. В данном контексте "привычный" указывает на постоянную, устоявшуюся особенность (малочисленность населения как норма), поэтому точнее использовать "常态" . Таким образом, здесь применяется лексическая замена, что обеспечивает эквивалентность на уровне слова.

Эквивалентность на уровне словосочетаний

"Словарь русского языка" определяет словосочетание как сочетание двух или нескольких слов, объединенных грамматически и по смыслу. Конечно, не все словосочетания подходят для перевода на уровне словосочетаний, потому что мы можем переводить на уровне слова, когда отдельные составляющие русского словосочетания имеют аналог в ПЯ.

Перевод на уровне словосочетаний обычно используется для перевода идиоматических или устойчивых словосочетаний. Это связано с тем, что значение идиом или устойчивых словосочетаний не равно значению их отдельных составляющих, то есть не равно сумме значений отдельных слов вместе. Поэтому такие словосочетания в большинстве случаев нельзя переводить словами, а только словосочетаниями как единицей перевода.

Для этого типа словосочетаний важно учитывать, существует ли устойчивый перевод, а затем решить, использовать ли устойчивый перевод на уровне словосочетаний или выбрать единицу перевода в качестве свободного словосочетания, основываясь на контексте.

Пример 4:

Говорят, что это крупнейший в мире из хорошо сохранившихся древних мертвых городов.

Перевод:

据说它是世界上最大的保存完好的古城遗址。

Прилагательное "мертвый" в русском языке имеет несколько значений: "умерший", "погибший", "заброшенный". В сочетании "мертвый город" оно описывает древнее поселение, оставленное жителями вследствие войн, природных катастроф или миграции. Дословный перевод как "古代死城" или "古代荒城" может вызывать у китайского читателя нежелательные ассоциации и звучит неестественно в китайском языковом контексте.

Для адекватной передачи смысла целесообразно использовать замену части речи - преобразование прилагательного в существительное. Оптимальным вариантом стал перевод "遗址" ("руины, остатки древности"), который точно передает значение "заброшенный город" и соответствует принятой в китайском языке терминологии для археологических объектов. Итоговый вариант "古城遗址" ("руины древнего города") обеспечивает смысловую эквивалентность оригиналу и соответствие культурным и лингвистическим нормам.

Эквивалентность на уровне предложений

Перевод на уровне предложения делится на два вида: 1) значение предложения не равно сумме значений входящих в него слов и словосочетаний, и такое предложение часто носит идиоматический характер по смыслу; 2) значение предложения полностью соответствует значениям входящих в него слов и словосочетаний, и в этом случае переводчик для достижения определенной цели перевода может рассматривать все предложение как неделимую единицу перевода и переводить его на уровне предложения, не придерживаясь формы ИЯ, а придерживаясь единства основной идеи. Однако в переводах новостей, связанных с Синьцзяном, было меньше предложений идиоматического характера, поэтому в данном исследовании рассматривается в основном вторая ситуация, о которой говорилось выше.

По мнению Л.С. Бархударова, при переводе предложений, которые не носят идиоматического характера и смысл которых точно соответствует смыслу отдельных входящих в них слов, перевод осуществляется на уровне предложений, т.е. все предложение рассматривается как неделимая единица перевода^[6]. При переводе на уровне предложения переводчик использует четыре метода переводческой трансформации: перестановка, замена, добавление и опущение, и часто применяет несколько методов одновременно, чтобы получить эквивалентный перевод путем перекомбинирования предложений^[3].

Пример 5:

Главный город (Урумчи), одним словом, но все же не с точки зрения культуры и достопримечательностей.

Перевод:

可以说, 乌鲁木齐是新疆的主要城市, 其丰富的文化资源和迷人景点也同样令人瞩目。

Ранее Урумчи был представлен как административный, политический и экономический

центр Синьцзяна, что подчеркивает его ведущую роль в регионе. Однако до этого момента не затрагивались его культурные и туристические аспекты, которые будут раскрыты далее. При дословном переводе отрицательная конструкция предложения может создать ложное впечатление о недостатке культурных и природных достопримечательностей в Урумчи. Чтобы избежать этой двусмысленности, целесообразно применить антонимический перевод, преобразовав отрицательное предложение в утвердительное. Такой подход сохраняет смысловую эквивалентность на уровне предложения. В результате перевод подчеркивает, что Урумчи - это не только экономико-политический центр, но и город с богатым культурным наследием и живописной природой. Такая формулировка дает более полное и объективное представление о городе.

Эквивалентность на уровне текста

Когда соответствие между ИЯ и ПЯ не может быть установлено на уровне ни слов, ни словосочетаний, ни даже предложений, любое предложение на ИЯ, взятое само по себе и вне конкретного языкового контекста, не может быть эквивалентно по смыслу предложению на ПЯ, и поэтому в качестве единицы перевода в данном случае используется уровень текста.

Эквивалентность на уровне текста в переводческой практике в основном используется при переводе прямых цитат. При переводе на уровне текста переводчик использует четыре метода переводческой трансформации, среди которых наиболее часто используются замена и опущение.

Пример 6:

"Создание туристической ландшафтной зоны на озере Баркуль принесло нам новые рабочие места и коммерческие возможности. Я зарабатываю около 4000-5000 юаней в месяц тем, что даю покататься туристам на своей лошади и в повозке. Мы и в будущем будем браться за каждую возможность и повышать свой уровень дохода", - рассказал корреспонденту Муратбек.

Перевод:

“巴里坤湖旅游风景区的开发给我们带来了新的工作机会和赚钱门路。我现在靠让游客骑马坐马车，每个月能挣个四五千块钱。往后我们还要抓住各种机会，把收入再往上提一提。”穆拉特别克告诉记者。

Прямые цитаты в журналистских материалах обладают особой выразительностью, придавая новостям достоверность и позволяя читателям услышать подлинные голоса героев публикации. Такие цитаты характеризуются специфической языковой средой, тесной смысловой связью между предложениями, строгой логикой и живыми разговорными оборотами. Именно поэтому при переводе прямую речь следует рассматривать как единое стилистическое целое, которое может отличаться от общего новостного стиля.

В данном примере цитируется Муратбек - обычный житель туристического района. Для аутентичной передачи его речи переводчик сознательно использует разговорную лексику: "коммерческие возможности" превращаются в "赚钱门路" вместо формального "商业机会", "юаней" переводится как "块钱" вместо нейтрального "元", а фраза "повышать свой уровень дохода" передается как "收入往上提一提" вместо книжного варианта "提高收入水平". Такой подход, основанный на последовательном применении метода лексической замены, позволяет сохранить естественность и колорит живой речи, точно передать

социальные характеристики персонажа, добиться стилистического единства цитаты и обеспечить эквивалентность на текстовом уровне. В результате читатель получает не просто точный перевод, а подлинный голос героя публикации, сохраняющий все особенности оригинального высказывания.

Заключение

В данной статье на примере новостей о Синьцзяне в российских СМИ анализируются конкретные примеры перевода, и выясняется, что для достижения максимальной степени эквивалентности необходимо выбирать различные единицы перевода в зависимости от конкретной ситуации. С помощью гибкого выбора различных уровней единиц перевода можно удовлетворить двойные требования новостей к целостности представленной информации и эффективности её распространения. Таким образом, теория эквивалентности Л.С.Бархударова не только имеет практическое для перевода новостей о региональном имидже, но ее основная идея по-прежнему оказывает глубокое влияние на направление развития исследований в области теории перевода^[5]. И в будущем ее применение может быть расширено путем объединения с многоязычными и многорегиональными случаями, чтобы способствовать синергетическому развитию теории и практики перевода в международной коммуникации.

Библиография

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Москва: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Бархударов Л.С. Уровни языковой иерархии и перевод. Москва: Международные отношения, 1975. 135 с.
3. Ван Лина. Введение в метод трансформации в эквивалентном переводе // Шаньсийская молодежь. 2017. № 7. С. 120.
4. Ван Чаочен, ред. Теоретический курс современного русского языка. Шанхай: Шанхайское издательство по изучению иностранных языков, 1990. 256 с.
5. Ли Циньгуан. Анализ идеи эквивалентности перевода Балхударова // Китайско-иностранный обмен. 2019. № 11. С. 63.
6. Лю Гусянь. Характеристика новостных стилей в российских газетах // Вестник Института иностранных языков Народно-освободительной армии Китая. 1998. № 2. С. 26-30.
7. Тэн Синьце. Стандарт перевода с точки зрения определения перевода // Прекрасный язык в воздухе. 2022. № 5. С. 1-3. DOI:10.12255/j.issn.1672-6677.2022.05.001.
8. Хань Цымань. О переводческой эквивалентности // Вестник Института иностранных языков Народно-освободительной армии Китая. 1999. № 2. С. 71-73.
9. Хоу Линсюэ. Анализ состава русских неологизмов - на примере интернет-лексики // Коллекция научно-образовательной литературы (раннее издание). 2020. № 31. С. 191-192. DOI:10.16871/j.cnki.kjwha.2020.11.087.
10. Цянь Хун, Хань Цымань. Исследование нарратива в переводе синьцзянского дискурса // Восточный перевод. 2020. № 3. С. 31-37.
11. Чэн Цзе. Обсуждение уровней кластера предложений единиц перевода - анализ шести уровней единиц перевода Л.С. Бархударова // Обучение иностранным языкам в Шаньдуне. 1993. № 4. С. 8-11. DOI:10.16482/j.sdwjy37-1026.1993.04.008.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Применение теории эквивалентности Л.С. Бархударова в переводе новостных текстов о региональном имидже — на материале публикаций о Синьцзяне в ведущих российских СМИ».

Предмет исследования — эквивалентность перевода новостных текстов о Синьцзяне в ведущих российских СМИ в свете теории Л.С. Бархударова.

Методология исследования основана на сочетании таких методов как систематический сбор новостных материалов, анализа, обобщения и синтеза.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в эпоху глобализации средства массовой информации являются важным и эффективным инструментом формирования общественного мнения. При переводе новостных текстов важно достичь динамического баланса между лингвистической точностью, культурной адекватностью и коммуникативной эффективностью, чтобы представить реальную картину регионального развития, а также соответствовать когнитивной логике и привычкам восприятия целевой аудитории.

Научная новизна заключается в том, что исследование представляет собой попытку комплексного анализа особенностей перевода новостных текстов на материале публикаций о Синьцзяне в ведущих российских СМИ, в представленной работе адаптация при переводе публикаций о Синьцзяне в ведущих российских СМИ рассматривается в свете теории эквивалентности Л.С. Бархударова

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы; приведена теоретическая база исследования); применение теории эквивалентности Л.С. Бархударова в переводе новостных текстов о региональном имидже (согласно теории Л.С. Бархударова рассмотрена эквивалентность перевода новостных текстов о Синьцзяне на уровне фонем, морфем, слов, словосочетаний, предложений, текста; теоретические измышления автора подкреплены иллюстративными примерами); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 20 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Результаты исследования будут интересны тем, кто занимается изучением проблемы эквивалентности в переводах текстов СМИ. Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы на занятиях по теории и практике перевода, а также в спецкурсах переводоведения. Исследование также будет интересно тем, что изучает особенности формирования общественного мнения в российских СМИ.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования. В начале статьи следует дать более подробную характеристику эмпирического материала (указать объем, конкретизировать источники, временные рамки выборки и т.д.).
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников, в том числе зарубежных, также является недостаточным.
3. Необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники, кроме того, стоит пересмотреть использование таких ресурсов как «Википедия» в качестве источника информации («Википедия» определяет словосочетание как сочетание двух и более самостоятельных частей речи, связанных подчинительной смысловой и грамматической связью).
4. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как

подкрепление теоретических измышлений автора статьи

5. Нужно унифицировать упоминания имен собственных в статье (По мнению Бархударова, Л.С. Бархударова); упорядочить использование кавычек (концепция "уровневой эквивалентности"; Что касается термина "Памир"; Морфема «онлайн»; «Википедия» определяет); при первом упоминании аббревиатур в тексте (в статье — ИЯ и ПЯ) следует писать полное название, а в скобках — аббревиатуру.

Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Применение теории эквивалентности Л.С. Бархударова в переводе новостных текстов о региональном имидже — на материале публикаций о Синьцзяне в ведущих российских СМИ" представляет собой исследование в области переводоведения и медиадискурса.

Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

Материалом исследования послужили 30 текстов новостей, собранные на официальных сайтах трех СМИ по ключевому слову "Синьцзян" (16 из "Российской газеты", 7 из РИА Новости и 7 из ТАСС) общим объемом около 15 000 слов на русском языке. И новости были опубликованы в период с 2009 по 2024 год.

Автор подчёркивает, что для достижения динамического баланса между лингвистической точностью, культурной адекватностью и коммуникативной эффективностью лучше всего подходит теория эквивалентности за авторством Л. С. Бархударова, так как она, по мнению автора, "позволяет удовлетворить двойные требования новостного текста к полноте представления информации и эффективности коммуникации за счет гибкого выбора единиц перевода на разных уровнях".

Далее автор статьи последовательно анализирует эквивалентность на 6 уровнях языка: фонемном, морфемном, лексическом, словосочетаний, предложений и текста.

Статья содержит достаточное количество примеров перевода.

В заключении автор приходит к выводу, что "помощью гибкого выбора различных уровней единиц перевода можно удовлетворить двойные требования новостей к целостности представленной информации и эффективности её распространения. Таким образом, теория эквивалентности Л.С.Бархударова не только имеет практическое для перевода новостей о региональном имидже, но ее основная идея по-прежнему оказывает глубокое влияние на направление развития исследований в области теории перевода. И в будущем ее применение может быть расширено путем объединения с многоязычными и многорегиональными случаями, чтобы способствовать синергетическому развитию теории и практики перевода в международной коммуникации."

Стиль статьи соответствует требованиям, предъявляемым к написанию научных статей и не содержит существенных недостатков.

В целом статья характеризуется чёткостью и последовательностью изложения, а также сбалансированностью составляющих её частей.

Библиография содержит необходимое количество актуальных отечественных и зарубежных источников.

Однако, в работе не прописаны чётко цель и задачи исследования, методология, предмет и объект исследования.

Таким образом, статья "Применение теории эквивалентности Л.С. Бархударова в переводе новостных текстов о региональном имидже — на материале публикаций о Синьцзяне в ведущих российских СМИ" соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям в области переводоведения, и может быть рекомендована к публикации в журнале "Филология: научные исследования" после устранения вышеперечисленных недостатков.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Анализ факторов методологии перевода является достаточно актуальной нишей научной дискуссии. Работ в этом русле появляется достаточно, но новые исследования дополняют имеющий блок данных, при этом высказывается и кардинально отличная позиция, что собственно и является вектором новватики. Признано, что «теория эквивалентности Л.С. Бархударова в переводоведении предполагает сохранение неизменного плана содержания (значения) при замене плана выражения оригинала. Учёный разработал семантико-семиотическую модель перевода, в которой в общем содержании текста выделяются отдельные компоненты — денотативный, сигнификативный, внутрилингвистический и прагматический». На это и ориентирован автор рецензируемой статьи, но в новой разверстке эмпирической базы. Суждения по ходу работы выверены: например, «Эквивалентность на уровне фонем предполагает замену фонем исходного языка (ИЯ) фонемами переведенного языка (ПЯ), обладающими максимальной акустико-артикуляционной близостью. Перевод на уровне фонем преимущественно применяется при передаче собственных имен. Лингвистический процесс, основанный на установлении межъязыковых соответствий на фонемном уровне, определяется в переводоведении как практическая транскрипция» и т.д. Логика научного изыскания поддерживается, тема как таковая раскрывается. Считаю, что и стиль статьи соотносится с научным типом: например, «Примечательно, что данные переводческие соответствия уже закрепились в китайском языке в качестве устоявшихся эквивалентов. Хотя с практической точки зрения переводчик оперирует лексическими единицами, теоретически (в соответствии с лингвистической концепцией перевода), базовой единицей транскрипции в данном случае выступает фонема», или «Перевод на уровне морфем требует последовательного анализа значений составных элементов, их синтеза в целостное значение и последующего контекстуального уточнения. Однако трудности перевода обусловлены полисемией корневых и аффиксальных морфем, что делает необходимым тщательный контекстный анализ, выдвижение и проверку рабочих гипотез, а также финальную верификацию результатов» и т.д. Примеры даются в режиме необходимом для иллюстраций. Например, «Пример 3: Немногочисленность людей становится привычной, а города и поселки выглядят лишь скромными форпостами цивилизации, которые лишь подчеркивают, что главный здесь не человек, а горы, пески и везде присутствующая на границе неба и земли линия горизонта... Перевод: 人烟稀少是这里的常态,城市和乡镇更像是文明在这片土地上的小小前哨。这恰恰表明,此地的主角并非人类,而是山峦、沙海以及天地交界处那辽阔的地平线.....». На мой взгляд, работа имеет практический характер, она может быть использована в вузовском

образовании. Автор приходит к выводу, что «теория эквивалентности Л.С.Бархударова не только имеет практическое для перевода новостей о региональном имидже, но ее основная идея по-прежнему оказывает глубокое влияние на направление развития исследований в области теории перевода[5]. И в будущем ее применение может быть расширено путем объединения с многоязычными и многорегиональными случаями, чтобы способствовать синергетическому развитию теории и практики перевода в международной коммуникации». Общие положения издания учтены; целевая составляющая исследования достигнута; список источников полновесен. Но работу стоит вычитать и устранить явные неточности и недочеты: например, «дополнительной целью выступает исследование применимости теории эквивалентности Л.С. Балхударова к переводу новостных материалов. Основные задачи включают: анализ переводческих стратегий и методов, применяемых на различных уровнях эквивалентности; выявление языковых и культурных особенностей конструирования образа СУАР в текстах российских СМИ» и т.д. Рекомендую рецензируемую статью «Применение теории эквивалентности Л.С. Бархударова в переводе новостных текстов о региональном имидже — на материале публикаций о Синьцзяне в ведущих российских СМИ» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шахназарян В.М. Функционирование урбанонимов в многоязычном пространстве мексиканского штата Табаско: социолингвистический и этнокультурный аспекты // Филология: научные исследования. 2025. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.7.75334 EDN: IEVAAO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75334

Функционирование урбанонимов в многоязычном пространстве мексиканского штата Табаско: социолингвистический и этнокультурный аспекты

Шахназарян Владимир Михайлович

кандидат филологических наук

доцент; кафедра "Романо-германские языки"; Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)

105082, Россия, г. Москва, Рубцовская наб., 2/18

✉ vlad_shakhov@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.7.75334

EDN:

IEVAAO

Дата направления статьи в редакцию:

29-07-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу урбанонимического ландшафта в многоязычном и мультикультурном пространстве мексиканского штата Табаско. Объектом исследования выступают урбанонимы – наименования улиц, площадей, заведений, учреждений и других объектов городской инфраструктуры. Цель работы заключается в выявлении лингвистических и семантических особенностей номинативной практики в городском пространстве, а также в определении степени символического присутствия коренных языков, в частности чонтальского, в визуальной структуре городской среды. Эмпирическую базу исследования составили 155 урбанонимов, собранных автором в ходе полевой научной стажировки в городах Вильяэрмоса, Комалькалько и Теносике. Методологически работа опирается на подходы социолингвистики и анализа языкового ландшафта (*linguistic landscape*), включая такие концепты, как языковая видимость, символическое доминирование, этнокультурная идентичность и институциональное исключение. В статье используются методы контент-анализа, тематической

классификации и функциональной типологии. Результаты исследования показали, что испанский язык доминирует в публичной номинации и охватывает как официальную, так и коммерческую топонимию. Иностранные (в первую очередь английские) заимствования используются как маркеры глобального культурного пространства. Автохтонные языки региона исследования, прежде всего, чонтальский и цоцильский, восходящие к майяской языковой семье, представлены крайне ограниченно – преимущественно в названиях заведений гастрономического типа – и выполняют декоративную или стилизованную функцию, не будучи включёнными в институциональный номинативный порядок. Таким образом, автохтонные культуры оказываются визуально исключёнными из городской символики. Сравнение с регионом Кинтана-Роо, где автохтонные языки (в частности, юкатекская ветвь языка майя) активно представлены в языковом ландшафте и демонстрируют возможность иной языковой политики, основанной на культурной и этнической инклузии. Выводы исследования подчеркивают необходимость пересмотра принципов номинации в многоязычных регионах Мексики как одного из условий укрепления этнокультурного равенства и символической справедливости.

Ключевые слова:

языковой ландшафт, урбанонимия, чонтальский язык, автохтонные языки, социолингвистика, мексиканская топонимика, публичное пространство, этнокультурная идентичность, номинативная политика, многоязычие

Введение

Урбанонимия — важнейшая составляющая языкового ландшафта, которая отражает не только навигационные функции городской среды, но и её социокультурную специфику. В контексте многоязычных и поликультурных сообществ система городских номинаций выступает своего рода индикатором языковой политики и этнокультурной иерархии [1]. Исследование урбанонимов в подобных условиях позволяет выявить механизмы взаимодействия между языками, оценить степень их визуального присутствия в публичном пространстве, а также проследить процессы языковой маргинализации или, напротив, культурной реабилитации и языковой ревитализации [2].

Современная Мексика, согласно Конституции, признаёт статус многоязычного государства, в котором, наряду с испанским, функционируют 67 автохтонных языков. Однако в реальной городской топонимике и особенно в урбанонимическом ландшафте наблюдается тенденция к испанизации, что ставит под сомнение положение о равноправии языков. Проблема репрезентации коренных языков становится особенно актуальной в свете современных обсуждений языковой справедливости, этнической идентичности и символического признания коренных народов [3].

Штат Табаско на юго-востоке Мексики представляет особый интерес в этом контексте, поскольку является историческим ареалом проживания народов майя и чонталь, и сохраняет определённый уровень языкового разнообразия [4, 5]. Однако, визуальное пространство городов штата демонстрирует явное преобладание испанского языка в названиях улиц, заведений и учреждений. В условиях официального признания чонтальского и чольского языков как национальных это вызывает вопрос о соответствии языковой политики её реальному воплощению в городской номинации.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного

осмыслиения социолингвистической ситуации в мексиканском штате Табаско через призму урбанонимии как неотъемлемого элемента национально-культурной идентичности. Статья опирается на эмпирический материал, собранный в трёх ключевых городах штата, и предлагает лингвистический и этнокультурный анализ зафиксированных номинаций.

Цель исследования — выявить лингвистические и этнокультурные особенности функционирования урбанонимов в многоязычном пространстве штата Табаско, а также установить степень репрезентации автохтонных языков в городском номинативном ландшафте.

Для достижения поставленной цели необходимо решение некоторых **задач**:

- 1 . охарактеризовать историко-культурный и языковой контекст мексиканского штата Табаско;
2. систематизировать и классифицировать эмпирический материал, собранный в городах Вильяэрмоса, Комалькалько и Теносике;
3. выявить долевое соотношение испанских, автохтонных и иностранных номинаций;
- 4 . оценить символическую и коммуникативную функцию урбанонимов с этнокультурной нагрузкой.

Объектом исследования является урбанонимия упомянутых выше городов штата Табаско как часть визуального языкового ландшафта.

Предметом исследования выступают лингвистические и этнокультурные характеристики номинаций городских объектов (улиц, заведений, учреждений), функционирующих в условиях многоязычия.

Эмпирической базой исследования послужили материалы, собранные автором в ходе научной стажировки в штате Табаско в 2020 году. В процессе полевых исследований в регионе и документирования были зафиксированы 155 урбанонимов, представленных на фасадных вывесках, уличных указателях, рекламных конструкциях, в меню заведений и на цифровых картах (в частности, Google Maps). Исследовательская выборка охватывает три ключевых городских пространства:

- Вильяэрмоса — административный и культурный центр штата, характеризующийся высоким уровнем урбанизации;
- Комалькалько — город с развитым туристическим потенциалом и археологическим наследием майя;
- Теносике — приграничный город, в котором сохраняется высокая доля населения, идентифицирующего себя с коренными народами.

Отбор объектов для последующего анализа осуществлялся на основе репрезентативности и семантической значимости наименований: в выборку включались топонимы (улицы, площади), эргонимы (названия заведений, организаций), а также иные урбанонимы, встречающиеся в публичном пространстве. Изучались как официальные наименования, закреплённые на указателях, так и неофициальные — представленные на вывесках, баннерах и других визуальных носителях.

Все собранные данные были классифицированы по: языковому признаку (испанский, автохтонные языки, иноязычные заимствования, гибридные формы); тематической принадлежности (историко-политические, этнокультурные, гастрономические, религиозные и др.); типу объекта (улицы, учреждения, коммерческие заведения,

туристические объекты и пр.).

Анализ урбанизмов в городском пространстве мексиканского штата Табаско

В ходе проведённой нами полевой работы, были отобраны урбанизмы, представленные на указателях улиц, вывесках заведений, объектах инфраструктуры и в цифровых картографических источниках. Цель анализа — выявить языковую, тематическую и функциональную структуру номинаций и определить степень визуального представления коренных языков. Обратимся к примерам (см. Таб. 1)

Таблица 1. Языковая структура урбанизмии мексиканского штата Табаско

Языковая основа	Количество	Примеры	Перевод	Доля (%)
Испанский	118	<i>Calle Juárez, Avenida Reforma</i>	'улица Хуареса', 'проспект Реформа'	76%
Иностранные языки	22	<i>Spa Sakura, Pizza House</i>	'спа Сакура', 'пиццерия'	14%
Автохтонные языки	7	<i>Yokot'an, Chipilín, Uliche</i>	'чонталь', 'чишилин', 'уличе'	4,5%
Гибридные	8	<i>Maya Grill, Café Veracruz</i>	'гриль Майя', 'кафе Веракрус'	5,5%

Как видно из таблицы 1, доминирование испаноязычных урбанизмов — это не просто статистический факт, а свидетельство устойчивой монолингвальной модели городского пространства. Несмотря на то, что штат Табаско официально признан многоязычным, в городской топонимике это не отражается. Испанский язык в регионе не только выполняет функцию коммуникации, но и символизирует власть, порядок и норму.

Присутствие иностранных (чаще всего английских и японских) слов отражает маркетинговую глобализацию: они обозначают модные, современные, ориентированные на статус или туризм объекты (салоны, рестораны, магазины). Эти наименования, по нашему мнению, вписываются в шаблоны «престижа», а не «локальности».

Автохтонные языки, напротив, полностью вытеснены в маргинальное, «этнографическое» поле — они не встречаются в официальных названиях улиц или государственных учреждений, а появляются исключительно в именах заведений, где ассоциируются с «традиционной кухней» или «местным колоритом». Другими словами, они существуют не как язык реального общения, а как язык символа, местного бренда или фольклора [6].

Немаловажным элементом исследования является рассмотрение полученного эмпирического материала согласно тематике урбанизмов: историческая, религиозная, этнокультурная и т.д. Рассмотрим их более подробно.

Таблица 2. Тематика наименований

Тематика	Примеры	Перевод	Доля (%)
Историко-политическая	<i>Calle Hidalgo, Avenida 27 de Febrero</i>	'улица Идальго', 'проспект 27 февраля'	30%
Религиозная	<i>Virgen del Carmen, San Marcos</i>	'дева Кармен', 'святой Марк'	8%

Географическая	<i>Río Grijalva, Tepapa Express</i>	'река Грихальва', 'Тепапа-экспресс'	12%
Этнокультурная	<i>Yokot'an cocina, Chontal, Chipilín</i>	'кухня чонталь', 'чонталь', 'чилилин'	7%
Коммерческая	<i>Boutique Sakura, Spa Nails, Paris</i>	'бутик Сакура', 'спа-ногти', 'Париж'	25%
Прочее	<i>Nuevo Día, Café 5 Estrellas</i>	'новый день', 'кафе пять звёзд'	8%

Как видно из таблицы 2, около трети всех наименований связана с национальным историко-политическим дискурсом: герои революции, даты, ценности независимости. Эти имена формируют коллективную идентичность, ориентированную на государственный канон с целью патриотизации населения, но не учитывают при этом культурную специфику региона.

Наименования, связанные с религией и географией, также формируют единое символическое пространство. Но — как и в случае с испаноязычными именами — они репрезентируют лишь «господствующую» культуру. Автохтонные народы представлены фрагментарно и, как правило, в эстетизированном виде — как маркер «локального», но не как равноправный участник номинативного процесса.

Факт, что «**Yokot'an**» (чонтальский этноним) и «**Chipilín**» (элемент кухни) функционируют только в контексте ресторанов и кафе, говорит о том, что этнокультурные элементы коммодифицированы — используются для продажи, но не встроены в официальный городской дискурс.

Таблица 3. Функциональное распределение

Тип объекта	Примеры	Перевод	Кол-во	Доля
Улицы и площади	<i>Calle Juárez, Plaza Bicentenario</i>	'улица Хуареса', 'площадь двухсотлетия'	72	46%
Рестораны, кафе	<i>Yokot'an cocina, Chipilín café</i>	'кухня чонталь', 'кафе Чилилин'	39	25%
Коммерческие объекты	<i>Spa Sakura, Boutique Paris</i>	'спа Сакура', 'бутик Париж'	24	15%
Образовательные учреждения	<i>Escuela Maya, Jardín Infantil Frida</i>	'школа Майя', 'детский сад Фрида'	10	6%
Парки, музеи	<i>Museo de Tabasco, Parque Tomás Garrido</i>	'музей Табаско', 'парк Томаса Гарридо'	10	6%

Анализ отобранных урбанонимов по типу объектов подчёркивает исключение автохтонных языков из официальной номинативной политики. Все урбанонимы, связанные с транспортной, административной, культурной и образовательной инфраструктурой, исключительно испаноязычные. Это свидетельствует о том, что государство формирует публичную ономастическую политику в рамках испаноязычной нормы.

Автохтонные языки, как уже отмечалось, функционируют исключительно в частной и «декоративной» зоне, где именование не регламентируется официальными стандартами. Таким образом, языковая и этнокультурная инклузия в публичную топонимику в

мексиканском штате Табаско не реализуется ни институционально, ни концептуально.

Обсуждение результатов

Выявленные в ходе исследования данные позволяют говорить о глубоко асимметричной языковой презентации в публичном пространстве штата Табаско. Несмотря на наличие значительного числа носителей коренных языков (прежде всего чонтальского), урбанонимия региона демонстрирует монолингвальную структуру, которая практически полностью подчинена нормам испанского языка.

Такой лингвистический ландшафт — визуально однородный, лишённый элементов автохтонной ономастики — отражает и воспроизводит иерархическую модель языковой видимости, в которой испанский язык функционирует как единственный легитимный код публичного пространства [7]. Присутствие элементов коренных языков ограничено сугубо частным сектором (гастрономия, реклама) и носит маркетинговый, а не коммуникативный характер. Таким образом, этнический компонент урбанонимии редуцирован до культурного символа или бренда, лишённого реального институционального веса.

Показательным является и тот факт, что автохтонные номинации отсутствуют даже в тех муниципалитетах, где доля носителей чонтальского языка достигает 10–15% (например, Теносике). Это еще раз подчеркивает разрыв между языковой политикой и лингвистической реальностью, а также о непроницаемости государственной номинативной системы для многоязычия.

Сравнение ситуации в Табаско с языковым ландшафтом штата Кинтана-Роо на полуострове Юкатан позволяет подчеркнуть региональную специфику. В центральных районах Кинтана-Роо (в частности, в муниципалитетах Фелипе-Каррильо-Пуэрто и Хосе-Мария-Морелос), где доля носителей юкатекской ветви языка майя превышает 50%, наблюдается высокая степень визуального присутствия автохтонного языка: названия улиц, магазинов, муниципальных учреждений и даже дорожные указатели дублируются или полностью выполнены на языке майя. Эта практика, обусловленная локальной языковой политикой и деятельностью культурных организаций, демонстрирует возможность иной модели — той, где автохтонный язык становится видимым, признанным и уважаемым элементом городской среды [8, с. 50].

В штате Табаско такой модели не наблюдается. Даже на уровне инициатив «снизу» (например, в названиях ресторанов, кафе или магазинов) использование чонтальских элементов минимально и не уходит дальше стилизованной экзотизации. Это свидетельствует не только о слабости институциональных механизмов языкового включения, но и о непrestижности коренных языков в общем восприятии. Язык, отсутствующий на улицах, табличках, фасадах и указателях, воспринимается как непригодный для публичной коммуникации, что ведёт к дальнейшей эрозии лингвистической идентичности.

Важно отметить, что современная социолингвистика рассматривает языковой ландшафт не только как зеркало языковой политики, но и как инструмент формирования идентичности и культурной памяти [9, 10]. Визуальное отсутствие коренных языков ведёт к «невидимости» этнических групп, закрепляя их символический статус как периферийных или «устаревших» элементов культуры. Следовательно, урбанонимия выступает как механизм символической ассимиляции, нивелирующий историческое и культурное многообразие региона.

Таким образом, полученные данные не только фиксируют языковую ситуацию, но и выявляют глубинную дисфункцию номинативной политики, неспособной обеспечить презентативность многоязычного состава населения. В контексте сохраняющейся этнической фрагментации и слабого культурного самоуправления публичная топонимика Табаско становится пространством культурной унификации, в которой нет места для коренного языка — как живого, так и символического.

Выводы

Проведённое исследование функционирования урбанонимов в многоязычном пространстве штата Табаско позволило выявить глубокое несоответствие между декларируемым многоязычием региона и фактической монолингвальностью его языкового ландшафта в публичном пространстве. Несмотря на наличие автохтонного населения, сохраняющего языковую и культурную самобытность, урбанонимическая система городов штата практически полностью подчинена испаноязычной норме. Это выражается как в официальных наименованиях улиц, учреждений и инфраструктурных объектов, так и в доминирующей части коммерческих и частных номинаций.

Языковая и тематическая структура собранных урбанонимов демонстрирует преобладание исторического, патриотического, религиозного и маркетингового дискурсов, в которых отсутствует место для полноценной этнокультурной репрезентации коренных народов. Даже там, где элементы автохтонных языков всё же присутствуют — например, в названиях заведений общественного питания — они играют преимущественно «декоративную» или рекламную роль и не свидетельствуют о включении этих языков в сферу публичной коммуникации.

Обращение к понятию языкового ландшафта позволило интерпретировать урбанонимию мексиканского штата Табаско как инструмент символического порядка, в котором испанский язык не только отражает социальную и культурную иерархию, но и закрепляет её визуально. Сравнительный анализ с ситуацией в штате Кинтана-Роо показал, что при наличии политической воли и локальных инициатив возможно формирование альтернативных моделей репрезентации, в которых автохтонный язык занимает достойное место в городской топонимике.

Таким образом, отсутствие коренных языков в урбанонимии мексиканского штата Табаско следует рассматривать не как случайное или нейтральное явление, а как результат длительного процесса символической маргинализации. Это подтверждает необходимость пересмотра номинативной политики в регионах с этнолингвистическим разнообразием и поднимает более широкий вопрос о роли языка в конструировании культурной видимости и социальной справедливости в городской среде.

Библиография

1. Павленко А. П. Языковой ландшафт и идентичность // Вопросы филологии. 2017. № 3. С. 34-42.
2. Кирилина А. В. Урбанонимы как знаки культурной памяти // Культура речи. 2020. № 2. С. 18-25.
3. Landry R., Bourhis R. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality // Journal of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16. P. 23-49.
4. Gorter D. Linguistic Landscape in a Multilingual World. Clevedon: Multilingual Matters, 2006.
5. Zavala V. Bilingual Public Space and Identity in Latin America // Language Policy in Latin America. 2015. P. 145-162.

6. Фирсова Н. М. Социолингвистика и языковая политика в Латинской Америке // Лингвистика. 2016. № 4. С. 89-97.
7. Martínez H. Lenguas indígenas y espacio público en México // Revista de Estudios Mesoamericanos. 2020. Vol. 22. P. 66-82.
8. Шахназарян В. М. Мексиканский территориальный диалект испанского языка штата Кинтана-Роо: дисс. ... канд. филол. наук. Москва: РУДН, 2023. 195 с.
9. Landry R., Bourhis R. Theoretical foundations of linguistic landscape // Language in Society. 2004. Vol. 33. P. 123-136.
10. Shohamy E. The Power of Language Policy in Linguistic Landscape // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2009. Vol. 12, No 2. P. 133-146.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена исследованию социолингвистического и этнокультурного аспектов функционирования урбанонимов в многоязычном пространстве мексиканского штата Табаско. Актуальность работы обоснованно аргументируется «необходимостью комплексного осмыслиения социолингвистической ситуации в мексиканском штате Табаско через призму урбанонимии как неотъемлемого элемента национально-культурной идентичности». Отмечается, что изучение урбанонимов «позволяет выявить механизмы взаимодействия между языками, оценить степень их визуального присутствия в публичном пространстве, а также проследить процессы языковой маргинализации или, напротив, культурной реабилитации и языковой ревитализации». Выбор штата Табаско на юго-востоке Мексики обусловлен тем, что он является историческим ареалом проживания народов майя и чонталь, и сохраняет определённый уровень языкового разнообразия.

Теоретической основой исследования выступили работы как отечественных, так и зарубежных ученых (в т. ч. на иностранных языках) по вопросам урбанонимии, языковому ландшафту и идентичности, социолингвистике и языковой политике в Латинской Америке и др. Библиография статьи насчитывает 10 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология исследования определена поставленной целью («выявить лингвистические и этнокультурные особенности функционирования урбанонимов в многоязычном пространстве штата Табаско, а также установить степень репрезентации автохтонных языков в городском номинативном ландшафте») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, научный поиск, методы описания, систематизации, обобщения и классификации, сравнительно-сопоставительный и статистический методы, историко-лингвистический и интерпретативный анализ, лингвокультурологический анализ и др. Эмпирической основой послужили материалы, собранные автором в ходе научной стажировки в штате Табаско в 2020 году. В процессе полевых исследований в регионе и документирования были зафиксированы 155 урбанонимов, представленных на фасадных вывесках, уличных указателях, рекламных конструкциях, в меню заведений и на цифровых картах.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи. Выявлено «глубокое несоответствие между декларируемым многоязычием региона и фактической монолингвальностью его языкового ландшафта в публичном пространстве»: несмотря на наличие значительного числа носителей коренных языков (прежде всего чонтальского), урбанонимия региона практически полностью подчинена нормам испанского языка, «этнический компонент урбанонимии редуцирован до культурного символа или бренда, лишённого реального институционального веса». Установлено, что «языковая и тематическая структура собранных урбанонимов демонстрирует преобладание исторического, патриотического, религиозного и маркетингового дискурсов, в которых отсутствует место для полноценной этнокультурной презентации коренных народов». Сделан вывод о том, что «отсутствие коренных языков в урбанонимии мексиканского штата Табаско следует рассматривать не как случайное или нейтральное явление, а как результат длительного процесса символической маргинализации».

Полученные результаты имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят существенный вклад в решение проблем национальной специфики урбанонимии и языкового ландшафта в поликультурной среде; дают представление о функционирования урбанонимов в многоязычном пространстве штата Табаско и могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике, в курсах по языкознанию, лингвокультурологии, лексикологии, урбанонимике и пр.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию, логика исследования четкая и понятная.

Обращаем внимание автора(ов), что ссылка на таблицу должна иметь следующий вид: «см. табл. 1».

Работа имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна заинтересованному кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Юань Ю. Эмотивный контраст в описании двух озер (на материале рассказа А. Матвеевой «На озере») // Филология: научные исследования. 2025. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.7.75212 EDN: IFNUEP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75212

Эмотивный контраст в описании двух озер (на материале рассказа А. Матвеевой «На озере»)

Юань Юйсинь

ORCID: 0009-0000-1273-2389

аспирант; факультет Русский язык. Языки народов России; Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, Санкт-Петербург, Морская набережная, 15 корпус 1, квартира 345, подъезд 11

✉ st121753@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.7.75212

EDN:

IFNUEP

Дата направления статьи в редакцию:

18-07-2025

Аннотация: Цель исследования – выявление особенностей эмотивного контраста в художественном описании двух озер в рассказе А. Матвеевой «На озере» и его значения в создании эмоциональной насыщенности, динамики повествования и эстетической выразительности произведения. В статье рассмотрена роль эмотивного контраста в передаче эмоциональных состояний персонажей и его влияния на восприятие читателя. В рамках анализа раскрывается специфика динамики повествования, обусловленной изменением эмоциональных оттенков повествования, а также обозначаются способы художественного построения, которые усиливают эстетическую выразительность рассказа. Материалом для исследования послужил рассказ А. Матвеевой «На озере» (Матвеева, 2012), а также ряд работ, посвященных жизни и творчеству данного автора (Липневич, 2002; Рахаева, 2013; Ремизова, 2003; Секретов, 2013; Серегина, 2016; Славникова, 2002), где, в частности, представлены интервью, воспоминания, разного рода критические оценки, раскрывающие особенности ее литературного стиля, тематики произведений и художественных приемов. В рамках

анализа текста были использованы методы: метод контент-анализа; описательно-аналитический метод; метод классификации; метод контекстного анализа, поскольку при анализе сравнительных структурных семантических и функциональных характеристик учитывается контекст их использования; индуктивный и сравнительный методы. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые освещаются аспекты эмотивного контраста на уровне текстового смысла и структурного построения рассказа А. Матвеевой «На озере»; особое внимание уделяется тому, как контрастные образы озер в художественном произведении служат активными участниками процесса передачи внутреннего мира героев. В результате исследования установлено, что в художественном описании озер в рассказе А. Матвеевой «На озере» эмотивный контраст выполняет важную функцию, обеспечивающую формирование эмоциональной насыщенности произведения. Он дает возможность, с одной стороны, акцентировать внимание на внутренних переживаниях героев, с другой, воссоздать динамичную и многогранную картину мира, которая отражает их внутреннее состояние.

Ключевые слова:

эмотивный контраст, языковые средства, функция противопоставления, оценочные эпитеты, динамика повествования, эстетическая выразительность, художественное восприятие, эмоциональная насыщенность текста, авторский стиль, художественный текст

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более детального рассмотрения художественных приемов, обеспечивающих передачу психоэмоционального состояния героев литературных произведений за счет использования разнообразных эмотивных компонентов: цветовых противопоставлений, образных сравнений, звуковых ассоциаций (Буянова, Нечай, 2016; Донскова, 2021; Коростова, 2009). При этом особый интерес представляет так называемый эмотивный контраст, определяемый нами, вслед за А. В. Кулешовой, как средство усиления эмоционального воздействия на читателя через сопоставление различных мотивов и образов, формирующих яркое эмоциональное напряжение и глубину психологического портрета персонажей (Кулешова, 2018). Эмотивный контраст играет важную роль в создании выразительных и запоминающихся художественных образов, тем самым дает возможность автору текста передавать внутреннюю динамику героев, их эмоциональные переживания и конфликты.

Ярким примером использования эмотивного контраста в художественном произведении служит рассказ А. Матвеевой «На озере» (Матвеева, 2012), где автор мастерски создает яркое противопоставление двух озер (символов разных эмоциональных состояний), что позволяет ей передать психоэмоциональное состояние героев и их переживания (через образы озер А. Матвеева создает многослойное повествование, в котором каждое озеро отражает внутренний мир героев и их отношение к окружающей действительности). Исследование эмотивного контраста в данном произведении носит значимый характер, поскольку оно раскрывает механизмы художественного воздействия на читателя (Зотова, 2010), а также способствует более глубокому пониманию способов выражения внутреннего мира персонажей через систему представлений (Pavlenko, 2008). Все это, безусловно, актуализирует проблему выявления особенностей эмотивного контраста в художественном описании двух озер в рассказе А. Матвеевой «На озере» в контексте

его функций в формировании эмоциональной насыщенности, динамики повествования и эстетической выразительности произведения, что, в конечном итоге, послужило целью настоящего исследования. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть роль эмотивного контраста в передаче эмоциональных состояний персонажей и его влияние на восприятие читателя;
- выявить общую динамику повествования, обусловленную изменением эмоциональных оттенков, и способы художественного построения, которые усиливают эстетическую выразительность рассказа.

Материалом для исследования послужил рассказ А. Матвеевой «На озере» (Матвеева, 2012), а также ряд работ, посвященных жизни и творчеству данного автора (Липневич, 2002; Рахаева, 2013; Ремизова, 2003; Секретов, 2013; Серегина, 2016; Славникова, 2002), где, в частности, представлены интервью, воспоминания, разного рода критические оценки, раскрывающие особенности ее литературного стиля, тематики произведений и художественных приемов.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области анализа эмотивности и эмоциогенности языка художественных произведений (Буянова, Нечай, 2016; Донскова, 2021; Зотова, 2010; Коростова, 2009; Kövecses, 2000; Pavlenko, 2008), а также базовых аспектов филологического анализа текста и его художественной выразительности (образных средств, композиционных элементов и пр.) (Виноградов, 1980; Головина, 2011; Николина, 2003).

Для исследования особенностей эмотивного контраста в художественном описании двух озер в рассказе А. Матвеевой «На озере», в том числе в контексте его функций в формировании эмоциональной насыщенности, динамики повествования и эстетической выразительности произведения, в данной статье применяются **методы** литературно-художественного анализа, включающие описание и интерпретацию художественных средств, а также методы контекстуального и сравнительного анализа, позволяющие комплексно подойти к исследованию литературного произведения А. Матвеевой, выявить его внутреннюю динамику и установить связь между художественными средствами и эмоциональным восприятием читателя.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов в практике литературного анализа и преподавания современной литературы, в том числе в рамках разработки курсов по творчеству А. Матвеевой. Результаты данного анализа могут служить основой для создания учебных пособий и методических рекомендаций, направленных на углубленное изучение русского художественного слова, а также на развитие навыков анализа текстов у студентов. Кроме того, представленный в статье материал может стать основой для исследовательских работ и студенческих проектов, направленных на изучение эмотивности и эмоциональной выразительности и их влияния на формирование характеров, конфликты и сюжеты в художественном произведении.

Обсуждение и результаты

Эмотивный контраст (как художественный прием) представляет собой эффективное **средство передачи эмоциональных состояний литературных героев**, изображение их внутреннего мира, противопоставление внешним обстоятельствам или различным ситуациям (Кулешова, 2018). Часто эмотивный контраст раскрывается в контексте

противоположных или абсолютно различающихся по психоэмоциональному содержанию образов. Так, в рассказе А. Матвеевой «На озере» автор использует данный прием для создания яркого эмоционального фона, подчеркивая внутреннюю драму главных героев: маленького мальчика Пети, его мамы, «маминого друга» Глебсона (Глеба Борисовича) и папы, который фигурирует лишь в воспоминаниях мальчика. Все повествование рассказа строится на противопоставлении двух озер: с одной стороны, это «озеро, на которое <...> ездили вместе с папой, летом», с другой, «озеро, на которое мы (мальчик Петя и его мама – авт.) едем в Петербурге» (речь идет о балетной постановке «Лебединое озеро») (Матвеева, 2012, с. 1). Такое противопоставление во многом обусловлено внутренним конфликтом героя (мальчика Пети), который чувствует разрыв между прошлым и настоящим, между воспоминаниями о папе, о совместных летних прогулках у озера и реальностью, в которой его больше нет рядом и он где-то далеко в другом городе: «... в Петербурге, я ложусь спать на чужом старом диване и представляю себе, что на самом деле лежу дома, в своей кровати, и на стене – старая бабушкина икона, и часы с шишеками, и за стеной папа смотрит биатлон» (там же, с. 3).

Важно отметить, что воспоминания мальчика о поездках к озеру и о тех временах, когда папа и мама были вместе, наполнены особым теплом и любовью, даже в те моменты, когда между родителями уже завязывались конфликты: «Мой папа очень сильный и очень добрый. Мама всегда раньше говорила – запомни, Петенька, твой отец невероятно добрый человек. Потом она стала говорить немножко по-другому – "твой отец слишком добрый человек, с ним трудно жить". Не понимаю. Добрый – это же хорошо. Всегда все хотят добрую маму, доброго папу, добрую учительницу» (там же, с. 7). В свою очередь, поездка в Петербург и «Лебединое озеро» как символ одиночества, печали, утраты ценного прошлого, становится для мальчика особым эмоциональным переживанием, отражением его внутреннего мира: «На этом озере, в театре, он (Глебсон – авт.) как дома, зато папу я здесь представить не могу: наш папа не любит балет. Я очень устал обо всём этом думать...» (там же, с. 7). Все эти воспоминания и размышления формируют особую атмосферу внутренней борьбы мальчика, его попыток понять сложные взаимоотношения между родителями через призму детского мироощущения и миропонимания.

Использование эмотивного контраста, обусловленного сопоставлением изображений двух озер, дает возможность автору акцентировать внимание на настроении всех персонажей, при этом усиливая эмоциональный эффект произведения. Например, при изображении эмоционального состояния мамы Пети, в эпизоде, посвященном воспоминаниям мальчика о прошлой жизни, отмечается: «мы ехали к озеру на папиной машине, и мама молчала всю дорогу, и на озере тоже не разговаривала...» (там же, с. 1); в свою очередь, в эпизоде посещения театра: «Мама улыбается, но я вижу, что ей это не очень нравится» или «Я не понимаю, что смешного, и мама тоже смеется ненастоящим смехом – когда рот улыбается, а глаза смотрят серьезно и даже обиженно» (там же, с. 3). То есть отношения мамы Пети с Глебсоном также вряд ли можно назвать счастливыми, ее эмоциональное состояние изображается через контраст между внешней улыбкой и внутренним напряжением персонажа, что подчеркивает внутреннюю борьбу и сложность эмоционального восприятия ситуации.

Данный прием помогает автору показать динамику развития событий и внутренние переживания героев. В частности, анализ произведения показал, что заявленное в самом начале противопоставление двух озер: «а я сначала подумал, что это будет опять то же самое озеро <...> Но потом я подумал, что папы здесь нет и к тому озеру ехать очень далеко – опять надо будет лететь в самолете» (там же, с. 1), далее по тексту

наблюдается практически во всех деталях повествования. «Два озера» становятся некими символами, некой отправной точкой для реализации двух противоположных эмоций: с одной стороны, радости, счастья, спокойствия, с другой – горя и тревоги, что позволяет автору сделать текст эмоционально насыщенным, создать у читателя ощущение присутствия живого, многогранного мира. Эмотивный контраст в данном случае неизбежно приводит к тому, что читатель «вынужден» более глубоко погружаться во внутренний мир персонажей, ощутить с ними более тесную эмоциональную связь.

Контрастные образы и мотивы (например, образы папы и Глебсона, мотивы разлуки и ожидания встречи), усиливают ощущение эмоциональной связи всех героев рассказа, создавая многослойную картину их внутренней жизни, при этом делают сюжет более выразительным и запоминающимся. Все это помогает удерживать внимание читателя, создавая ощущение живого и изменчивого мира, в котором ключевую роль играют эмоции героев (Зотова, 2010; Pavlenko, 2008). Все это способствует углублению тематической значимости произведения. Через смену эмоциональных состояний героев автор также раскрывает важные социальные вопросы, которые дают возможность читателю задуматься о роли семейных отношений в современном обществе, а также понять ценность семьи и искренних чувств между мужчиной и женщиной (родителями), особенно в контексте детского восприятия действительности. Эти темы подчеркиваются через тонкие детали и символы, которые автор вплетает в повествование: *«Вот сейчас мама снова умчится курить. Еще из-за этого они с папой постоянноссорились. Папа никогда не курил и всегда говорил маме: "Разве я думал, что у меня будет курящая жена?" А мама ему отвечала странно: "Любишь меня – люби мой зонтик!»* (Матвеева, 2012, с. 7). Внутренние диалоги и монологи героев раскрывают их внутренний мир и противоречия, которые обусловливают их поведение и отношения друг с другом.

Кроме того, анализ материала исследования показал, что эмотивный контраст (в процессе передачи эмоциональных состояний героев) оказывает существенное влияние на особенности восприятия произведения читателем и формирование у него более глубокого сочувствия и эмпатии к персонажам. Отметим, что данный прием дает читателю возможность лучше понимать внутренний мир героев, видеть сложность их переживаний, противоречивость чувств и мотивов, что, безусловно, обеспечивает более полное и всестороннее восприятие исследуемого произведения. При этом эмоциональное воздействие текста усиливается за счет использования контрастных эмоциональных элементов: чередование сцен радости и печали, счастья и непонимания. Эти элементы помогают создать насыщенную эмоциональную палитру, которая, с одной стороны, удерживает внимание читателя, с другой, способствует более глубокому эмоциональному вовлечению. Соответственно, эмотивный контраст – это прием, раскрывающий множественность реальностей и психологии персонажей, позволяющий переосмысливать понятия о радости и горе, надежде и отчаянии, и, в конечном итоге, предоставлять читателям возможность глубже понять природу человеческих взаимоотношений и переживаний. Роль эмотивного контраста в рассказе А. Матвеевой «На озере» состоит, прежде всего, в формировании особой эмоциональной палитры, которая служит инструментом выражения сложных чувств и состояний персонажей, а также средством, позволяющим более полно и ярко передать сюжет и внутренний мир героев.

Анализ материала исследования также позволил выделить **динамику повествования, обусловленную изменением эмоциональных оттенков и усилением эстетической выразительности** (за счет художественного построения литературного произведения). В частности, общая динамика повествования определяется изменением эмоционального

фона, который образуется за счет настроения персонажей, их внутренних переживаний и связей с образами двух озер. Так, если для мальчика Пети озеро, на котором были «вместе с папой, летом» (там же, с. 1) имеет особое значение, то для его мамы – это озеро, где «ей не понравились комары и то, что я (Петя – авт.) случайно провалился под воду» (там же), что подчеркивает разницу в восприятии и эмоциональном отношении к одному и тому же месту, к ситуациям.

В свою очередь, в отношении «Лебединого озера» картина складывается несколько иначе: в восприятии мальчика Пети это озеро, где «музыка красивая, но идет ужасно долго <...>. Очень противный (принц Зигфрид – авт.) <...>, думаю я и заставляю себя смотреть на сцену, хотя там почти ничего не меняется» (там же, с. 4); а также: «Исключительный Зигфрид уже снова стоит на сцене, и, главное, там теперь озеро! Я вытягиваю шею, но не вижу ни костра, ни волн, а только музыка играет так печально, что мне хочется плакать и спать сразу» (там же). В восприятии мамы Пети (которое автор представляет через призму восприятия мальчика), также прослеживается некая отчужденность: «Мама улыбается, но я вижу, что ей это не очень нравится <...>. Я не понимаю, что смешного, и мама тоже смеется ненастоящим смехом» (там же, с. 3); «...мама сразу отказалась стоять и пошла искать место, где можно покурить» (там же, с. 6); «Вот сейчас мама снова умчится курить...» (там же, с. 7). Внутренний мир Пети и его мамы ярко проявляется в контрасте их эмоциональных откликов и оценок одних и тех же ситуаций, что подчеркивает различия в восприятии мира и эмоциональной насыщенности их опыта (хотя следует учитывать, что практически все повествование – это поток сознания маленького мальчика Пети, который по-своему понимает чувства мамы, папы, Глебсона и др.).

Изменение эмоциональных оттенков в восприятии Пети двух озер обусловлено, главным образом, его внутренним состоянием и сменой настроения. Подобного рода колебания создают динамику, которая делает повествование рассказа А. Матвеевой более живым и выразительным. При этом для усиления эстетической выразительности произведения автор вводит в текст различные образы, сравнения, метафоры («в ужасно глубоком метро – даже не видно дна», «как моя рука догоняет мамину на поручне», «думал, что это просто большая яма, а на самом деле там много маленьких деревянных церквей» (там же, с. 1)), а также использует выразительный стиль описаний, который, важно отметить, больше характерен для сценарных текстов, где одна сцена перетекает в другую, без каких-либо лирических отступлений. Кроме того, произведение представлено особой ритмической организацией текста и изменением темпа повествования, где быстрый и короткий синтаксис подчёркивает напряжённые моменты: «Я очень люблю свою маму. Мамочка, я тебя люблю. А вот ты меня не любишь, потому что заставляешь ходить по Петербургу с Глебсоном и фотографироваться на каждом углу» (там же, с. 2), тогда как медленный, развернутый темп создаёт атмосферу задумчивости, размышлений героя: «Я смотрю на тонкий, ужасно тонкий нос Глебсона и думаю, что он (Глебсон, а не его нос), скорее всего, не умеет разводить костер и ловить рыбу – с ним на озере было бы нечего делать» (там же, с. 7). Все это в целом способствует формированию насыщенного эмоционального фона и глубокого психологического портрета героев, которые проявляются через контраст между динамическими и статичными эпизодами.

В изображении двух озер особую роль играют интонационные средства – изменение тембра, силы выразительности речи, использование эмоционально окрашенных слов и эпитетов. Например: «А он (принц Зигфрид – авт.) помнит ту лебединю с озера, которую заколдовал волшебник Ротбарт, и никакие другие балерины ему не нравятся. А его

мама, которая дала ему арбалет (кстати, где арбалет-то? Не умеет играть с нормальными вещами, вот и закинул куда-то), наоборот, заставляет его смотреть на этих балерин» (там же, с. 6). В данном случае интонационные средства помогают подчеркнуть внутреннее напряжение героя и его противоречивые чувства, за счет чего формируется яркая эмоциональная окраска текста. Изменение интонации, «громкости» и ритма речи в описаниях (а также в диалогах и монологах) не только повышает выразительность текста, помогает автору передать специфику психологического состояния героя (формируя эффект присутствия и погружая читателя в его внутренний мир), но и усиливает эстетическую выразительность произведения, создавая динамику в восприятии происходящего.

Еще одним художественным средством, используемым автором в рассказе «На озере» и играющим важную роль при изображении двух озер, является детальное описание окружающей среды, внешности героев, характерных жестов, звуков и пр. Так, в первом случае: «Папа любит лес, природу, рыбалку и охоту. Он не любит магазины, театры, гостей – всё, что любит мама. И поэтому им вместе трудно. <...> Но ведь в лесу правда хорошо. Мне нравится. Мне нравится наш лес, Урал – и наши невысокие горы, и озеро. Папа очень ловко умеет разводить костер, и еще он срезал мне удочку и научил ловить рыбу» (там же, с. 7). В частности, создается образ надежного и умелого человека, близкого к природе. Упоминание в тексте рыбалки, костра, леса – все это усиливает ощущение тепла, гармонии с природой, где мальчик Петя чувствовал себя в безопасности и комфортно. В случае с «Лебединым озером»: «Я смотрю на озеро, на то озеро, что на сцене, смотрю, как лебедина и колготочник танцуют друг с другом, и вспоминаю другое озеро...» (там же, с. 8). Автор передает отношения героя через визуальные образы танцующих «лебедини» и «колготочника» (танцора, выступающего в колготках). Отчасти презрительное отношение к выступающим у мальчика Пети отражает его внутренние переживания и конфликты. Сравнение двух озер – первого, родного и знакомого, и второго, впечатляющего, при этом искусственного – создает контраст, который подчеркивает различие между искренностью природного мира и поверхностностью балетного представления.

В совокупности все вышеупомянутые художественные средства дают автору возможность создавать богатую, многослойную картину, которая увлекает и трогает читателя, усиливает его эмоциональный отклик и раскрывает глубину восприятия художественного текста. При этом каждый элемент произведения играет свою уникальную роль, дополняя и усиливая общий эффект эмотивного контраста. Включение в текст рассказа разного рода метафор, символов, образных сравнений и других выразительных средств позволяет автору передать тонкие нюансы отношения мальчика Пети ко всем другим персонажам (характеристики которых также реализуются за счет контраста). Например, Глебсона мальчик видит как того, кто «скачет рядом с мамой, у него совершенно идиотская походка, и мне не нравится, как он всё время дышит тяжело, с открытым ртом. У него какой-то вечный насморк. И волосы стоят большим дыбом» (там же, с. 3). Папа представлен как «очень сильный и очень добрый» (там же, с. 7). Эти противопоставления помогают читателю лучше понять внутренний мир героя, его отношение к окружающим (папе, маме, Глебсону, танцорам балета), а также подчеркивают внутренние конфликты и эмоциональные переживания мальчика.

Необходимо также отметить, что динамика повествования и способы художественного построения рассказа А. Матвеевой (в том числе усиливающие эстетическую выразительность литературного произведения), открывает новые горизонты для интерпретации, обеспечивая не только пассивное восприятие текста, но и активный

диалог с ним. В различных ракурсах и на разных уровнях прочтения рассказа появляются различные идеи и ассоциации, например, вопросы взаимоотношений детей и взрослых, о том, какие психологические и моральные травмы получают дети при расставании родителей и как эти травмы влияют на их становление как личностей. А. Матвеева в своем произведении показывает, как неразрешенные конфликты и недопонимание между мамой, папой и мальчиком Петей оставляют глубокий след в его душе, формируя стойкие установки, которые будут сопровождать его на протяжении дальнейшей (в том числе взрослой) жизни: «...и я слышал однажды ночью, как они с мамой ругались, и папа крикнул: «Да этот твой, из Питера, он же полное чмо!» А мама заплакала, и тогда я тоже заплакал. Раньше, когда я плакал, мама или папа обязательно приходили ко мне в комнату, а тогда никто не пришел, и я долго боялся засыпать» (там же, с. 5). Этот эпизод олицетворяет собой ту глубокую боль, которую испытывает Петя, и отражает его внутренний мир, запечатлевая момент, в который мальчик вдруг оказывается озабочен не только собой, но и отношениями между родителями.

Каждый персонаж в рассказе «На озере» служит важным элементом, позволяющим раскрыть эмотивный контраст двух озер. Даже вскользь упомянутые бабушки Пети: «Бабушка Вера (папина мама) мне сказала, что мама совсем другой, чем папа, человек, а бабушка Таня (мамина мама) сказала, что папа никогда не думает про маму, а всегда хочет убежать в свой лес и палить там по глухарям» (там же, с. 7), помогают создать контраст не только между персонажами, но и между двумя мирами, которые они представляют. Все это в целом позволяет автору создать многослойные и насыщенные образы, которые делают произведение более выразительным, помогают глубже передать внутренний мир главных героев, а также раскрыть настроение и идею художественного текста. Практически каждая реплика и каждое суждение в рассказе вносят свою лепту в усиление эмотивного контраста двух озер. Герои не просто «двигают» сюжет, но и становятся олицетворением глубинных человеческих конфликтов, что и делает рассказ А. Матвеев «На озере» таким многослойным и интересным для анализа.

Заключение

Таким образом, приходим к следующим **выводам**. В художественном описании двух озер в рассказе А. Матвеевой «На озере» эмотивный контраст играет важную роль: он обеспечивает создание яркой эмоциональной насыщенности литературного текста, делая его более выразительным и запоминающимся. Как показывает анализ, использование контрастных эмоциональных оттенков при изображении двух озер помогает глубже понять внутренний мир героев, подчеркнуть важные моменты развития сюжета рассказа, что, в свою очередь, способствует формированию у читателя ярких образов и различных эмоциональных ассоциаций. Посредством этого приема автор погружает читателя в атмосферу литературного произведения, позволяя ему наблюдать за событиями, проживать их вместе с героями, ощущать тончайшие нюансы их переживаний и эмоций. Все это создает, с одной стороны, визуальный образ, с другой, эмоциональную глубину, которая наделяет повествование особой динамичностью и многослойностью.

Динамика повествования в рассказе (в контексте изображения двух озер) определяется последовательным изменением эмоциональных оттенков, которые отражают внутренние переживания героев и развитие сюжета. Использование разнообразных художественных средств (в том числе метафор, всевозможных описательных деталей), способствует усилиению этой динамики. Данные приемы не только подчеркивают важные моменты рассматриваемого литературного произведения, но и позволяют читателю глубже проникнуться смыслом происходящего, делая рассказ более выразительным и

эстетически привлекательным. Эстетическая привлекательность произведения также проявляется в его структуре, которая обусловлена строгим сценарным ритмом и чередованием сцен, создающих эффект напряжения и ожидания. Все это, прежде всего, отражается на описании двух озер, каждое из которых служит символом разных состояний и переживаний персонажей. Так, если первое озеро связано со светлыми воспоминаниями о прошлом, то второе – с тревожными мыслями и неясными предчувствиями о настоящем и будущем. Такой контраст позволяет автору воссоздать динамичную и многогранную картину мира, в которой каждый элемент текста – это неотъемлемая часть художественного целого.

В качестве **перспектив дальнейшего исследования** видится более углубленное изучение как художественных средств, так и контекстуальных факторов, способствующих формированию эмотивного контраста (среди которых: исторические, культурные, социальные и пр. факторы, оказывающие влияние на восприятие литературного текста).

Библиография

1. Буянова Л. Ю., Нечай Ю. П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: монография. М.: Флинта: Наука, 2016. – 232 с. EDN: TYYMХС.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: избранные труды. М.: Наука, 1980. – 360 с.
3. Головина Е. В. Филологический анализ текста как деятельность: дисс. ... к.ф.н. Оренбург, 2011. – 170 с. EDN: QFHXAX.
4. Донскова Л. А. Коммуникативная толерантность и эмотивность в художественном тексте: функционально-прагматический аспект: автореф. дисс. ... к.ф.н. Майкоп, 2021. – № 3. – С. 67-78.
5. Зотова А. Б. К вопросу о соотношении категорий "Эмоциональность", "Эмотивность", "Экспрессивность" // Известия ВГПУ. – 2010. – № 6. – С. 14-17.
6. Коростова С. В. Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 103. – С. 85-93. EDN: KHNTSR.
7. Кулешова А. В. Внутренняя семантика контраста: категориально-логический подход // Человек в современном мире. – 2019. – № 4. – С. 144-151.
8. Липневич В. Рыбка в небе // Дружба народов. – 2002. – № 9. – С. 195-198.
9. Матвеева А. На озере: рассказы. М.: Астрель, 2012. – 15 с. URL: <https://slovesnik.org/images/docs/sirius/2017november/pashchuk-n-m-sovremennaya-proza-tekst-k-zanyatiyu.pdf?ysclid=mc34h8762j651541640>.
10. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: "Академия", 2003. – 256 с.
11. Рахаева Ю. Перевал Матвеевой // Российская газета. – 2013. – № 139. – С. 17-21.
12. Ремизова М. Здравствуй, проза молодая...: наброски с натуры // Знамя. – 2003. – № 12. – С. 169-179.
13. Секретов С. Анна Матвеева. Подожди, я умру – и приду // Знамя. – 2013. – № 8. – С. 165-169.
14. Серегина Л. Завидное чувство Анны Матвеевой // Культура Урала. – 2016. – № 1. – С. 65-69.
15. Славникова О. А. Запретный сад: о книге прозы уральской писательницы: о мелодраматической повести "Па-де-труа" и повести "Перевал Дятлова" // Новый мир. – 2002. – № 3. – С. 107-118.
16. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 242 с.

17. Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the lexicon // Bilingualism: Language and Cognition. – 2008. – № 11(2). – С. 147-164.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Поэтика художественного текста может и должна в частности рассматриваться с позиций эмотивности, так как этот фактор влияет на реализацию авторского замысла, который считывается реципиентом. Как отмечает в начале рецензируемой работы автор, «актуальность исследования обусловлена необходимостью более детального рассмотрения художественных приемов, обеспечивающих передачу психоэмоционального состояния героев литературных произведений за счет использования разнообразных эмотивных компонентов», «цветовых», «компаративных», «звуковых». Стоит заметить, что проблема, поднятая в статье не так уж и нова, но литературный материал, взятый за основу нетривиален. Автору работы удается сконцентрировать внимание на рассказе А. Матвеевой «На озере», выявить магистраль эмотивных элементов, которые и создают контраст образов. На мой взгляд, статья достаточно грамотно сформирована, точка зрения автора аналитична, методы исследования современны и актуальны. Неплохо в сочинение представлена теоретическая база, собственно она и дает возможность автору достичь поставленной цели. Стиль соотносится с научным типом: например, «эмотивный контраст (как художественный прием) представляет собой эффективное средство передачи эмоциональных состояний литературных героев, изображение их внутреннего мира, противопоставление внешним обстоятельствам или различным ситуациям. Часто эмотивный контраст раскрывается в контексте противоположных или абсолютно различающихся по психоэмоциональному содержанию образов», или «использование эмотивного контраста, обусловленного сопоставлением изображений двух озер, дает возможность автору акцентировать внимание на настроении всех персонажей, при этом усиливая эмоциональный эффект произведения» и т.д. Работа с рассказом «На озере» логически точна, этому способствует прямая цитация художественного текста. Тема исследования раскрывается планомерно, последовательно; серьезных фактических ошибок не выявлено. Общие требования издания учтены; терминологический ряд достаточен для решения поставленных задач. Промежуточные выводы, которые означает автор, дают возможность поддерживать эффект диалога: например, «Соответственно, эмотивный контраст – это прием, раскрывающий множественность реальностей и психологию персонажей, позволяющий переосмысливать понятия о радости и горе, надежде и отчаянии, и, в конечном итоге, предоставлять читателям возможность глубже понять природу человеческих взаимоотношений и переживаний». Думаю, что материал может быть использован в рамках изучение и теории, и истории литературы. Статья соответствует жанру научного изыскания, она самостоятельна, оригинальна, интересна. В финальном блоке автор тезириует, что «в рассказе А. Матвеевой «На озере» эмотивный контраст играет важную роль: он обеспечивает создание яркой эмоциональной насыщенности литературного текста, делая его более выразительным и запоминающимся. Как показывает анализ, использование контрастных эмоциональных оттенков при изображении двух озер помогает глубже понять внутренний мир героев, подчеркнуть важные моменты развития сюжета рассказа, что, в свою очередь, способствует формированию у читателя ярких образов и различных эмоциональных ассоциаций» и т.д. Вполне удачно, что автор видит перспективу

изучения данной темы, это говорит об открытой заинтересованности предметом исследования. Библиографический список достаточен, при оформлении указания издания учтены. Считаю, что статья «Эмотивный контраст в описании двух озер (на материале рассказа А. Матвеевой «На озере»)» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Каюмова М.М. Женская переписка в Италии XVI в. и изменение роли женщины // Филология: научные исследования. 2025. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.7.75305 EDN: IFORQL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75305

Женская переписка в Италии XVI в. и изменение роли женщины

Каюмова Мария Маратовна

ORCID: 0000-0001-8777-4639

преподаватель; Учебно-научный Российско-итальянский центр; Российский государственный гуманитарный университет

107564, Россия, г. Москва, Богородское р-н, ул. Наримановская, д. 25 к. 3, кв. 55

✉ kaumovamaria@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.7.75305

EDN:

IFORQL

Дата направления статьи в редакцию:

26-07-2025

Аннотация: Предметом исследования является женская переписка Италии конца XV–XVI вв. (Изотта Ногарола, Лукреция Торнабуони, Лаура Баттиферри и Вероника Гамбара) раскрывающая трансформацию социальной роли женщин в указанный исторический период. Изучаются личные письма, демонстрирующие внутренние переживания и борьбу женщин за право быть признанными в культурной среде. Используются методы историко-филологического анализа и сопоставления. Работа демонстрирует, как посредством переписки женщины начинали приобретать общественный голос и личный авторитет, преодолевая ограничения общества и собственную робость. Новизна исследования заключается в выявлении конкретных примеров, показывающих поэтапное продвижение женщин в область науки и литературы, их влияние на культурную среду и укрепление женского присутствия в культуре и обществе. Метод исследования основан на историко-филологическом анализе женской переписки XVI века. Используется сравнительный подход для выявления изменений в социальной роли женщин. Новизна исследования заключается в

рассмотрении редких документов, незнакомых отечественному исследователю. Переводы выполнены автором статьи. На базе переписки показано, как постепенно женщины обретали уверенность в собственных силах, литературных способностях, а также значимость в глазах общественности, расширяя традиционные представления о женских возможностях и правах, снимая ограничения, которые веками ограничивали женщин. Выводы демонстрируют, что переписка позволяет увидеть не только изменения в положении женщин, но и механизмы преодоления гендерных стереотипов, становления женского самосознания и укрепления позиций женщин в культурно-социальной жизни эпохи Возрождения. При этом, несмотря на изменившиеся внешние обстоятельства и в целом одобрительное отношение к женской литературе в XVI в., полностью преодолеть ограничения не удается.

Ключевые слова:

Женская переписка, XVI век, Италия, Изотта Ногарола, Возрождение, Лаура Баттиферри, Положение женщин, Лукреция Торнабуони, Изменение роли женщин, Вероника Гамбара

В 1436 г. девятнадцатилетняя Изотта Ногарола написала письмо гуманисту Гуарино да Верона, в надежде, что он поддержит ее в ученых занятиях. Ногарола принадлежала к древнему аристократическому роду, в котором занятия науками почитались – как утверждает исследовательница В. Кокс даже среди семей похожего социального статуса образование дочерей не было правилом, скорее, можно говорить о личном выборе семьи и об особых семейных традициях. Умение читать и писать было обязательным лишь для жен правителей, поскольку она зачастую выполняла функции мужа во время его отездов или после его смерти. Более того образованность таких женщин одобрялась обществом [10, с. 4-5].

Итак, юный возраст Ногаролы и ее недостаточно высокий социальный статус, (недостаточно высокий, чтобы занятия науками воспринимались без предубеждения) подтолкнули ее к этому письму. В первом письме Изотта признает, что она «неопытна в литературных занятиях» [1, с. 193], и поэтому боялась писать известному гуманисту, но, «движимая его похвалой» [1, с. 193], все же решилась высказать ему признательность. Первое письмо достаточно короткое, в нем Изотта признает, что, узнав о том, что Гуарино высоко оценил ее ум в беседе со своим знакомым, она «должна уже меньше заботиться о суждениях других» [1, с. 193]. В конце письма она называет Гуарино «достопочтенным отцом» [1, с. 194] и признает, что считает его как бы своим родителем.

В этом первом письме мы видим неуверенность Ногаролы в собственных силах, а упоминание о том, что после похвалы Гуарино она может меньше думать об общественном мнении, наводит на мысль о том, что ее занятия встречают некоторое сопротивление. Ногарола стремится не только выразить Гуарино признательность, но ей очень важно получить от него публичное разрешение на занятия науками. Не получив ответ, во втором письме Ногарола изливает всю скорбь и отчаяние:

«Я обратилась к тебе, и так как я ничего не стою, ты больше [меня] не замечал, как если бы я никогда не рождалась. По городу меня высмеивают, мое сословие надо мной насмехается, нигде у меня нет постоянного пристанища, ослы меня мучают, кусая быки нападают с рогами» [1, с. 194].

Ногарола страдает из-за того, что женщина, по ее мнению, лишена права публично говорить, быть услышанной, оставлять память о себе, присутствовать в общественном пространстве. Попытки Ногаролы обрести право на ученый досуг, на занятия в соответствии с собственными желаниями, неизбежно наталкиваются на непонимание со стороны общества. Здесь важно отметить фразу «и так как я ничего не стою, ты больше [меня] не замечал» – мнение о себе Ногарола формирует исходя из внешних источников, а отсутствие ответа становится подтверждением ее незначительности. Она и правда не уверена в том, что женщине позволено заниматься науками, и положительный ответ Гуарино решил бы ее судьбу. Ногарола и сама разделяет низкую оценку женского пола – XVI в. с его многочисленными трактатами в защиту достоинства и благородства женщин еще впереди, а почву для него готовит Ногарола. О том, что пишущие женщины Кватроченто разделяют отрицательное отношение к женскому полу, упоминает и исследовательница М. Кинг^[4, с. 711-773].

Интересно в связи с письмами Ногаролы привести письмо ее современницы, которая, однако, относилась к правящей флорентийской семье. Это Лукреция Торнабуони, жена Пьера Медичи – она была блестяще образованна, писала стихотворения и поэмы, вела обширную переписку, дружила с гуманистами, и кроме того управляла многочисленным семейством, владела ремесленными мастерскими, после смерти мужа вела экономические, социальные и политические дела Флоренции^[8, pp. 3-45]. Нас интересует ее письмо к мужу из Рима, в котором она описывает потенциальную невесту сына Лоренцо:

«В четверг утром по дороге в Сан Пьеро я встретила мадонну Маддалену Орсини, сестру кардинала, рядом с которой шла ее дочь, 15 или 16 лет. Она была одета на римский манер, с покрывалом, и казалась мне в этой одежде очень красивой, белой и округлой, но поскольку девушка была укрыта, я не смогла ее полностью разглядеть»^[6, p. 62].

Вполне типичное описание внешности девушки, которую любопытная Лукреция смогла лучше рассмотреть через несколько дней, уже будучи в гостях сестры кардинала:

«Волосы у нее не светлые, потому что она не из наших мест, они скорее рыжие и густые. Лицо немного кругловато, но несмотря на это, кажется мне приятным, шея стройная, но немного тонкая или, лучше сказать, изящная. Грудь мы не смогли разглядеть, потому что римлянки прикрывают грудь, но кажется, что она вполне хороша. Она держит голову не прямо, как наши флорентийские девушки, а наклонив вперед, и мне кажется, делает это, потому что стыдится, хотя я не вижу в ней ничего того, чего она могла бы стыдиться. Ее руки длинные и изящные...»^[6, pp. 62-63]. После этого очень детального описания внешности Лукреция сразу переходит к перечислению родственников невесты, Клариче Орсини, упоминает еще несколько раз, как и в начале письма, что ее мать – сестра кардинала. Кроме цвета волос и длины рук про эту безмолвную девушку мы больше не узнаем ничего. Лукреция обращает внимание на внешний вид и здоровье девушки, необходимые для продолжения рода Медичи, а также на ее происхождение и экономическое положение семьи. Мы ничего не знаем про характер Клариче, кроме того, что она стыдлива, не располагаем сведениями о том, умеет ли она на момент встречи с Лукрецией читать и писать (выйдя замуж за Лоренцо, Клариче будет писать короткие письма родственникам). Поражает то, что Лукреция, находящаяся в атмосфере насыщенных культурных событий, общающаяся на равных с поэтами своего времени и сама являющаяся автором произведений в разных жанрах руководствуется в выборе невестки только ее здоровьем и приданым. Очевидно, что и сама Лукреция для своего времени является скорее исключением, чем правилом. Даже для правящей семьи,

живущей в центре гуманистических тенденций, образованность потенциальной невесты не является важным качеством, об этом не упоминается.

Совсем другие возможности были у поэтессы и правительницы Корреджо Вероники Гамбари, которая также оставила после себя сборник писем. Написанные в начале XVI в. (значительно позже, чем письма Ногаролы и Торнабуони), они показывают нам, что Гамбара вела переписку с Карлом V, Пьетро Бембо, Пьетро Аretино, Екатериной Медичи, а в ее доме собирались интеллектуалы и писатели. Гамбара имела высокое социальное положение, славу и общественное признание (в «Жизнеописании Вероники Гамбара, написанном синьором Бальдассаре Камилло Дзамбони» автор называет ее «женщиной удивительного дарования, в особенности в итальянской поэзии и прозе, восхваляемой почти всеми литераторами ее времени и последующих»[\[7, р. 25\]](#), а ее дом он считает «публичной Академией»[\[7, р. 64\]](#)). Несмотря на это в письме Пьетро Бембо от 22 января 1531 г., которое она сопровождает двумя сонетами на смерть Саннадзаро, в ожидании оценки гуманиста Гамбара извиняется за то, что она «женщина и невежественна»[\[7, р. 112\]](#). Переписка с Бембо, длящаяся в течение долгих лет, чем-то напоминает переписку Ногаролы с Гуарино да Верона: Гамбара, несмотря на уже достаточную известность, выступает в ней в роли ученицы, просительницы, пишет, чтобы получить одобрение наставника. В письме к Бембо от 19 сентября 1536 г. Гамбара просит его ««высказать мнение о полученном сонете и исправить его»[\[7, р. 115\]](#), в письме от 29 октября 1549 г., которое она сопровождает сонетом пишет: «я решилась отправить вам мой сонет, который еще никто не видел, рожденный неизвестно как...»[\[7, pp. 126-127\]](#), как бы заранее извиняясь за возможное несовершенство стиля.

Несмотря на упоминание о собственном несовершенстве, и некоторую робость в письмах к учителю, мы видим значительное изменение по сравнению с предшественницей Ногаролой – судя по имеющемуся в нашем распоряжении сборнике переписка Гамбари и Бембо длилась с 1529 г. по 1547 г. и закончилась в связи со смертью Бембо. Гуманист давал поэтессе советы, наставлял в литературных занятиях, исправлял и комментировал ее сонеты. Состоялся диалог и, хотя его нельзя назвать диалогом равных (на наш взгляд, Гамбара во всех письмах подчеркивает свой статус ученицы), можно говорить о некотором признании литературных талантов пишущей женщины. Гамбара получает право публично говорить, чего, например, была лишена ее предшественница Изотта Ногарола, она имеет собственный досуг и свой круг друзей, избранных ею по личному вкусу и предпочтениям. Мы также видим, что Гамбара, отправляя сонеты Пьетро Бембо, стремится представить себя интеллектуалкой, занять определенную нишу в культурной жизни своего времени, а также обрести славу.

Интересно упомянуть письмо Гамбари к поэту Франческо Мария Мольца, в котором она оплакивает преждевременную смерть молодого кардинала Ипполито Медичи. Смерть кардинала, на самом деле, является предлогом для описания собственных переживаний. Гамбара пользуется случаем, чтобы напомнить собеседнику о том, что она поэтесса, и приводит строчки из сонета, написанного по случаю:

« Ваше письмо с двумя сонетами на смерть несчастного Синьора заставили меня снова плакать, и погрузили во мрак, потому что, как вы справедливо пишете, погас не только свет Европы, но и всего мира. Я плачу не только с вами, но с Римом и со всем нашим безотрадным веком, который потерял все самое лучшее и красивое из того, что когда-либо было на земле.

Ах, смерть жестокая, ты погубила

Плод многих лет за несколько часов

Но зачем я говорю плод многих лет, если, едва успев расцвести, погиб тот, кто был достоин вечной жизни?»[\[7, pp. 137-139\]](#).

Далее Гамбара углубляется в описании собственных страданий, и в этом письме наиболее видно влияние Петrarки на ее лирику. Ее сосредоточенность на себе, на своем внутреннем мире, описание собственной скорби свидетельствуют об осознании ценности женского опыта. Важно, что лирический герой Петrarки – мужчина, и описываемый им опыт – это опыт мужской, в то время как здесь мы сталкиваемся с описанием женских чувств и опыта. Несмотря на это дальше Гамбара пишет: «Я бы не хотела говорить о такой возвышенной теме, достойной только вас»[\[7, p. 139\]](#), и здесь мы снова сталкиваемся с попыткой принизить собственные «женские» заслуги и литературные таланты. Но, кажется, что эта фраза является, скорее, данью традиции, фигурой вежливости по отношению к собеседнику, попыткой выразить уважение к его заслугам. Тот факт, что Гамбара на протяжении трех страниц описывает чувства, которые испытала после гибели Ипполито Медичи («Эта вселенская потеря настолько стала и моей, что она заставила меня чувствовать настолько сильную боль, что та превосходит любую, которую можно вообразить»[\[7, p. 139\]](#)) и считает это достойной темой для письма известному поэту, свидетельствует о том, что на самом деле она осознает собственный талант, а упоминания о невежестве – это лишь фигура речи.

Письма Гамбары написаны живым языком; особенной непосредственностью отличаются те, что адресованы торговцу и гонфalonьеру справедливости Лодовико Рocco. Корреспонденты обмениваются сонетами, оказывают друг другу различные услуги, шутят друг над другом и показывают нам пример многолетней дружбы между выдающейся женщиной и влиятельным мужчиной. Гамбара не прочь блеснуть образованностью и начитанностью, отсылая Рocco то к поэту Луиджи Пульчи «но кто ответил бы на эту гору пустословия, которая удивила бы Великого Морганте?»[\[7, p. 153\]](#), «письмо, которое вы мне пишите о этом Бартоломмео <...> меня так сильно смешит, что я боюсь умереть как Маргутте»[\[7, p. 179\]](#), то к Джованни Боккаччо «несмотря на то, что черта истинно человеческая – соболезновать страждущим...»[\[7, p. 158\]](#).

Гамбаре, как мы видим, удалось примкнуть к «мужской» культуре, ее письма необыкновенно интересно читать, она не лишена юмора, щеголяет знанием литераторов, приводит цитаты из своих сонетов. Поэтесса стремится подчеркнуть свою включенность в интеллектуальное сообщество, у нее, как и у мужчин-гуманистов, появляется свой досуг, не связанный с домашними и семейными обязанностями, а также свой дружеский круг. Гамбара вступает в переписку с гуманистами и литераторами, высказывает мнение о их литературных произведениях, но даже, несмотря на это, в ее письмах мы по-прежнему встречаем упоминания о робости, невежестве, отсутствии таланта, а отношения с мужчинами-интеллектуалами скорее следует рассматривать как отношения наставников и ученицы, а не как отношения равных.

От поэтессы Лаура Баттиферри, жены скульптора Бартоломео Амманати, к сожалению, до нашего времени сохранилось лишь небольшое количество писем. Она состояла в переписке с гуманистом Бенедетто Варки и обращалась к нему как к старшему другу и наставнику. Из письма от 25 ноября 1560 г. мы узнаем, что Джунти напечатал книгу Баттиферры, и она просит Варки помочь ей в написании благодарности, ссылаясь на отсутствие подобного опыта[\[5, p. 323\]](#).

И снова странное заявление для тридцатисемилетней поэтессы, которая, согласно В. Киркхэм, к этому времени уже является членом урбинской Accademia degli Assorditi (Академии Глухих) и сиенской Accademia degli Intronati (Академия Оглушенных), принятая в интеллектуальные сообщества Сиены и Флоренции, и благодаря мужу находится в гуще культурных событий, например, дружит с ювелиром Бенвенуто Челлини и художником Аньоло Бронзино [9, pp. 1-55]. Тем более удивительным оказывается отрывок из письма Варки от 21 июля 1561 г., в котором Баттиферри высказывает опасение о том, стоит ли ей посыпать сонет некоей Лучии Бертани, ведь он, возможно, не понравился Варки. Страх получить неодобрение наставника соседствует с указанием на вовлеченность в культуру эпохи. Кроме того, письмо, по мнению В. Киркхэм, содержит сведения об утраченном сонете, посвященном болонской поэтессе Лучии дель Оро Бертани. Поэтессы не были лично знакомы, и Баттиферри написала Бертани сонет, чтобы поддержать ее позицию в полемике между Лодовико Кастельветро и Аннибале Каро. Критика Кастельветро «Песни лилий» Каро состояла в том, что Каро использовал выражения, которые отсутствовали у Петрарки. Лучия Бертани выступила посредником в этой полемике и написала два письма Каро. Лаура Баттиферри заняла в этой полемике позицию Каро и поддержала Лучию Бертани [9, pp. 46-48].

В этом же письме Баттиферри сообщает Варки, что она написала сонет на смерть Маркизы Масса, в котором использовала слово «sgombrare» в значении «уносить», за что получила критику от двух уважаемых синьоров. Их аргумент состоял в том, что этот глагол не употребляется в таком значении ни у одного уважаемого автора. Баттиферри в качестве защиты возражала, что во Флоренции каждый носильщик знает, что «sgombrare» означает «нести» (можно сделать вывод о том, что Баттифerra считает, что в литературный итальянский язык можно включать слова в том значении, в котором их используют в разговорной речи простые флорентийцы).

Примечателен очень подробный ответ на это письмо от Бенедетто Варки, в котором он на пяти страницах рассуждает о том, в каком значении следует употреблять глагол sgombrare. Варки считает, что носильщики не родились со знанием языка, а значит, могут ошибаться в употреблении слов. Но и образованные люди порой совершают ошибки, и для развития этой мысли он приводит в пример Цицерона, который был «самым красноречивым человеком из живущих и обладавшим большой ученостью» [9, p. 330], но допустил ошибку в письме к Помпонию Аттику и узнал о ней от гребца.

На наш взгляд, эти два письма Баттиферри и Варки показывают включенность в «спор о языке» и непосредственный интерес к этому процессу. Как нам представляется, Варки и Баттифerra занимают одну и ту же позицию относительно стратегии выбора лексических средств для литературного произведения. Такова же и точка зрения Бальдассаре Кастильоне на литературный язык, которую он формулирует в «Придворном». Согласно Кастильоне необходимо взять приятные и изящные слова и выражения из разговорной речи, но при этом не следует исключать и подражание высоким образцам. Кастильоне советует лишь избегать архаизмов из Петрарки и Боккаччо [2, c. 54-68]. Безусловно, этот трактат и рассуждения о том, каким должен быть путь формирования единого литературного итальянского языка, не прошли мимо Лауры Баттиферри, которая, скорее всего, переняла их у своего наставника, Варки.

Как мы видим, вопрос об общем для всех итальянцев языке стоял особенно остро. В XVI в. Италия могла заявить о своем единстве как нации только в пространстве языка и культуры [3, c. 270-284]. Флоренция перестает быть центром создания текстов на

литературном тосканском языке, а развитие получил разговорный флорентийский диалект. Переехав в 1555 г. во Флоренцию, Баттиферри попадает в атмосферу «спор о языке», в котором стремится принять непосредственное участие, в частности, посылая утерянный ныне сонет Лучии Бертани.

Рассмотренные нами письма достаточно противоречивы. Если письма Изотты Ногаролы показывают ее первые робкие попытки заявить о себе как о гуманистке и получить поддержку Гуарино да Верона (как мы видим из письма ее современницы Лукреции Торнабуони, даже в правящей семье женская образованность не рассматривается как первостепенно важное качество), то упоминание о низком стиле, отсутствии таланта к письму кажется странным в письмах Вероники Гамбари и Лауры Баттиферри. Их восхваляют современники-мужчины, они ведут переписку с гуманистами. Несмотря на изменившиеся внешние обстоятельства и одобрительное отношение к женской литературе в XVI в., создается впечатление, что женщины-писательницы еще сами не осознали до конца, что достойны занять почетное место в традиционно мужском литературном каноне.

На рост интереса к женской литературе и признание за женщинами прав заниматься литературой и науками указывает и тот факт, что поэтические сборники Гамбари и Баттиферри печатаются еще при их жизни и получают широкое распространение. Во втором издании «Жизнеописаний» 1568 г. Вазари включает единственное жизнеописание женщины-скульптора – Проперции Росси, а в конце упоминает писательниц Веронику Гамбару, Лауру Баттиферру, Изотту Ногаролу и художницу Софонисбу Ангвиссолу. В 1599 г. Лодовико Доменики публикует сборник («Различные стихотворения разных благороднейших и выдающихся женщин, собранные синьором Лодовико Доменики и посвященные синьору Джанното Кастильоне миланскому дворянину», что показывает эволюцию в отношении к женщине. Женщины больше не могут сказать про себя словами Изотты Ногаролы, что «их никто не замечает, как если бы они никогда не рождались»^[1, с. 194], они постепенно осваивают публичное пространство и заявляют о своем праве быть услышанными.

Библиография

1. Переписка Изотты Ногарола и Гуарино из Вероны // Традиции воспитания и образования в Европе XI–XVII веков. – Иваново, 1995. – С. 206.
2. Кастильоне, Б. Придворный / Б. Кастильоне ; перевод с итальянского П. Епифанова. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022.
3. Топорова, А. В. Спор о языке / А. В. Топорова // История литературы Италии. – Т. II, кн. II. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 720 с.
4. King, M. Book-Lined Cells: Women and Humanism in the Early Italian Renaissance // Beyond Their Sex: Learned Woman of the European Past. – New York; London, 1980.
5. Laura Battiferra and Her Literary Circle / edited and translated by Victoria Kirkham. – Chicago: University of Chicago Press, 2006. – 494 p.
6. Tornabuoni, L. Lettere / a cura di P. Salvadori. – Firenze: Olschki, 1993. – 214 p.
7. Rime e Lettere di Veronica Gambara / raccolte da Felice Rizzardi. – Brescia: Gianmmaria Rizzardi, 1759.
8. Salvadori, P. Introduzione / Lucrezia Tornabuoni. Lettere / a cura di P. Salvadori. – Firenze: Olschki, 1993. – 214 p.
9. Kirkham, V. Volume Editor's Introduction // Laura Battiferra and Her Literary Circle / edited and translated by Victoria Kirkham. – Chicago: University of Chicago Press, 2006. – 494 p.
10. Cox, V. Women's Writing in Italy, 1400–1600. – Baltimore, 2008. EDN: QUNAZF

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье представлены результаты исследования женской переписки в Италии XVI в. и изменение роли женщины. Актуальность работы обусловлена исследовательским интересом к женской литературе и к развитию представлений о женщине в литературе и науке. Общеизвестно, что в эпоху Возрождения даже в среде гуманистов долгое время сохранялись традиционные взгляды на место женщины в культуре и науке. Видится важным проследить изменение роли женщины в итальянском обществе, как «они постепенно осваивают публичное пространство и заявляют о своем праве быть услышанными». Эмпирическим материалом послужили письма Изотты Ногаролы, итальянской писательницы-гуманистки эпохи Возрождения, поэтессы Лукреции Торнабуони, супруги Пьеро ди Козимо Медичи, Корреджо Вероники Гамбары, итальянской поэтессы и государственного деятеля эпохи Ренессанса, поэтессы Лауры Баттиферри.

Теоретической основой исследования выступили работы, посвященные женщине в итальянском гуманизме и женской литературе в Италии. Библиография составляет 10 источников. В целом, библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако, по мнению рецензента, автору(ам) следует чаще апеллировать к собственно научным трудам по изучаемой проблематике, в том числе к научным работам, изданным в последние 3 года, что позволило бы судить об актуальных достижениях научного сообщества в данной области знания.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, научный поиск, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию материала, методы социокультурного и интертекстуального анализа; метод сравнительно-исторического анализа и др.

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, проанализированы письма женщин разного возраста и социального статуса (у Изотты Ногаролы «юный возраст и недостаточно высокий социальный статус», чтобы «занятия науками воспринимались без предубеждения»; «совсем другие возможности были у поэтессы и правительницы Корреджо Вероники Гамбары», которой «удалось примкнуть к «мужской» культуре, ее письма необыкновенно интересно читать, она не лишена юмора, щеголяет знанием литераторов, приводит цитаты из своих сонетов»; Лукреция Торнабуони относилась к правящей флорентийской семье, «была блестяще образованна, писала стихотворения и поэмы, вела обширную переписку, дружила с гуманистами»). Проведенный качественный анализ позволил автору(ам) прийти к обоснованным выводам о том, что «несмотря на изменившиеся внешние обстоятельства и одобрительное отношение к женской литературе в XVI в., создается впечатление, что женщины-писательницы еще сами не осознали до конца, что достойны занять почетное место в традиционно мужском литературном каноне», «признание за женщинами прав заниматься литературой и науками указывает и тот факт, что поэтические сборники Гамбары и Баттиферри печатаются еще при их жизни и получают широкое распространение» и пр.

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и

практическую ценность: они вносят определенный вклад в изучение феномена итальянской женской литературы и изменения роли женщины в гуманистическом итальянском обществе эпохи Возрождения, могут использоваться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по истории и теории зарубежной литературы.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения тяготеет к научному типу. Все замечания носят рекомендательный характер. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Остапенко А.Б. Вербализация гендерных стереотипов в политическом дискурсе // Филология: научные исследования. 2025. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.7.74861 EDN: IJJZTP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74861

Вербализация гендерных стереотипов в политическом дискурсе

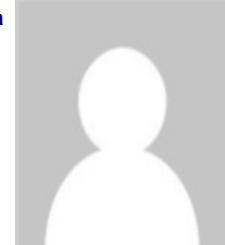
Остапенко Анна Борисовна

ORCID: 0009-0003-4621-6296

кандидат социологических наук

доцент; высшая школа лингводидактики; Тихоокеанский государственный университет

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, оф. 332ц

✉ 009098@tugudv.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.7.74861

EDN:

IJJZTP

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2025

Аннотация: Предметом исследования является язык и риторика, используемые в политическом дискурсе, а также их связь с гендерными стереотипами. В данной статье автор фокусирует внимание на таких аспектах как гендерные роли, гендерные нормы и их выражение в политическом дискурсе, а также инклюзивные речевые практики ведущих политических деятелей в разных странах. Объектом исследования выступают гендерные стереотипы, проявляющиеся в политическом языке, и их влияние на формирование общественного мнения и социальных норм. Гендерные стереотипы формируются через культурные, социальные и исторические контексты и находят свое выражение в технике общения, которая используется как политиками, так и журналистами в процессе публичных дебатов, выборов и политического анализа. Кроме того, в статье рассматривается, как конкретные слова и выражения, транслируемые в политическом дискурсе формируют общественное мнение о гендерных ролях. Одним из основных методов является дискурс-анализ. Этот подход позволяет исследовать, как язык используется в различных политических контекстах для формирования и

поддержания гендерных стереотипов. Метод контент-анализа служит для систематического изучения содержания текстов и их количественной оценки. Метод сравнительного анализа, показывает как различные источники или группы используют язык. Исследование вербализации гендерных стереотипов в политическом дискурсе актуально, поскольку требует использования разнообразных методов, обеспечивающих комплексный анализ языка, контекста и структур влияния. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к текстам различных категорий, включая политические дебаты, избирательные программы, интервью и СМИ, с целью выявления паттернов языкового обращения к мужчинам и женщинам в политике. Исследование вербализации гендерных стереотипов в политическом дискурсе позволяет понять, как язык не просто отражает реальность, но и активно создает и укрепляет гендерные роли, влияя на то, как общество воспринимает политиков и политику в целом. Критический подход к анализу этих явлений может помочь выявить неравенства, существующие в обществе, и предложить пути их преодоления, способствуя более равному и справедливому представлению женщин и мужчин в политике.

Ключевые слова:

гендерные стереотипы, гендерные роли, вербализация гендерных стереотипов, гендерные нормы, политический дискурс, инклюзивные речевые практики, гендерный аспект, диспозиции оценивания, доминирование, гендерное равенство

Введение

Политический дискурс является частью мирового сознания. Транслируя те или иные явления в массы, политические деятели формируют и меняют направления общественного менталитета. Поэтому крайне важно осознавать и научно подходить к письменной и устной речи для использования в политическом дискурсе. Целью данного исследования является показать важность трансляции политической речи для создания бесконфликтного коммуникативного пространства. Предмет исследования – гендерная маркированность языковых и речевых средств, коммуникативных стратегий и тактик в политическом дискурсе. Объект исследования – устная и письменная речь политических деятелей разных категорий – по национальному и гендерному признаку. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осознания влияния языка на восприятие гендерных ролей в обществе. В условиях современных социальных изменений важно критически анализировать, как политический дискурс может способствовать или препятствовать гендерному равенству. Политический дискурс является важным инструментом формирования общественного мнения и восприятия социальных норм. Принято считать, что «политика рассматривается в основном как сфера деятельности мужчин, женщины не часто играют важную роль в процессах принятия решений» [1]. В этом контексте гендерные стереотипы, которые часто укоренены в языке и риторике политиков, играют значительную роль в восприятии ролей мужчин и женщин в обществе. Вербализация гендерных стереотипов в политическом дискурсе не только отражает существующие предрассудки, но и способствует их закреплению, влияя на формирование политических и социальных реалий.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- систематизировать теоретический материал гендерных исследований в лингвистике;

- отобрать в средствах массовой информации материал, содержащий высказывания и речи политиков высшего уровня;
- интерпретировать и выявить уровень восприятия и оценивания гендерных стереотипов в политическом дискурсе.

Объектом для исследования послужили речи иностранных политических деятелей мужчин и женщин таких как Д. Трамп, Х. Клинтон, Т. Мэй, Б. Джонсон, а также речи отечественных политиков мужчин и женщин таких как В. Путин, Д. Медведев, губернатора Владимирской области С. Орлова, спикера Совета Российской Федерации В. Матвиенко. Кроме того, был проведен анализ материалов электронных изданий «Накануне», «Интрефакс» и других средств массовой информации.

Теоретическую основу исследования составили труды зарубежных и российский гендерологов, таких как Ф. Маутнер, Р. Лакофф, Д. Таннен, Т. Г. Станчулак, А. И. Жукова, Е. Д. Буцык, А. В. Кирилина, С. К. Гаспарян, А. Т. Князян и других ученых. Для исследования были использованы следующие методы:

- дискурс-анализа, представляющий подход, который позволяет исследовать, как язык используется в различных политических контекстах для формирования и поддержания гендерных стереотипов;
- контент-анализа, который служит для систематического изучения содержания текстов и их количественной оценки;
- сравнительного анализа, показывающий как различные источники или группы используют язык

Практическая значимость исследования заключается в его потенциале для повышения осведомленности о влиянии языка на формирование гендерных стереотипов, а также в разработке рекомендаций, программ и курсов по использованию инклюзивной риторики в политическом дискурсе, что может способствовать более равноправному обществу.

Обсуждение и результаты

Язык является мощным инструментом, который может как поддерживать, так и разрушать стереотипы. Так писал австрийский философ, лексикограф Ф. Маутнер еще в начале 20 века в знаменитом труде «Критика языка». По мнению Ф. Маутнера, язык не только отражает существующие культурные и социальные нормы, но и активно формирует наше восприятие мира. Это означает, что язык влияет на то, как мы понимаем и интерпретируем реальность вокруг нас [\[2\]](#).

Язык помогает формировать индивидуальную и коллективную идентичность. Выбор слов и выражений может подчеркивать принадлежность к определенной группе, будь то по гендерному, этническому или социальному признаку [\[3\]](#). Стереотипы, закрепленные в языке, могут влиять на то, как люди воспринимают себя и других, что в свою очередь может ограничивать или расширять их возможности. Ф. Маутнер подчеркивал важность критического отношения к языку. Мы должны осознавать, как слова могут формировать наши мысли и действия, и стремиться к более осознанному использованию языка. Язык не просто отражает наше мышление, он активно формирует наше восприятие мира, включая представления о гендере и гендерных стереотипах, которые могут быть встроены как в повседневную речь, так и в политический дискурс.

Гендерные стереотипы – это упрощенные и часто искаженные представления о ролях,

поведении и качествах мужчин и женщин, которые формируются и поддерживаются в обществе. Эти стереотипы проникают во все сферы жизни, включая язык, который мы используем в повседневной коммуникации [4].

Эти стереотипы могут варьироваться в зависимости от культурного контекста, но в целом они включают представления о мужественности, ассоциируемой с силой, агрессией и лидерством, и женственности, связываемой с мягкостью, заботой и подчинением. Подобные стереотипы по признаку пола могут быть как положительными, так и отрицательными, но в большинстве случаев они способствуют поддержанию традиционных гендерных ролей. Например, мужчины часто ассоциируются с силой, решительностью и лидерством, в то время как женщины воспринимаются как заботливые, эмоциональные и зависимые. Эти представления находят отражение в языке, который используется не только в повседневной коммуникации, но и в политике. В различных странах можно наблюдать, как гендерные стереотипы проявляются в политических дебатах и выборах.

В политическом дискурсе гендерные стереотипы могут проявляться через выбор слов, метафоры и риторические приемы. Например, использование агрессивной лексики по отношению к мужчинам и более мягкой, заботливой – к женщинам подчеркивает существующие предрассудки по признаку пола [5]. Политики могут использовать такие стереотипы для манипуляции общественным мнением, создавая образы, которые соответствуют традиционным гендерным ролям. Например, в предвыборных кампаниях женщины-политики нередко сталкиваются с вопросами о своей семье или внешности, в то время как их коллеги мужчины обсуждают свои политические программы и достижения. Это создает неравные условия для конкуренции и подрывает доверие к женщинам как к лидерам. В некоторых случаях политические фигуры используют гендерные стереотипы для манипуляции общественным мнением [6]. В ходе выборов иногда можно услышать, как кандидаты делают комплименты и подчеркивают «женственность» своих оппоненток, чтобы представить их как менее компетентных или менее подходящих для руководящих позиций. Такие приемы не только укрепляют стереотипы, но и могут оказывать влияние на выборы, формируя предвзятое восприятие кандидатов. Вербализация гендерных стереотипов в политическом дискурсе имеет серьезные последствия для общественного восприятия и политической культуры. Она может способствовать закреплению традиционных гендерных ролей и препятствовать равенству в политике. Когда язык, используемый в политическом дискурсе, продолжает поддерживать стереотипы, это создает барьеры для женщин, стремящихся занять руководящие должности. Кроме того, гендерные стереотипы в языке могут влиять на молодежь, формируя их представления о том, какие роли могут занимать мужчины и женщины в обществе. Это может привести к тому, что молодые люди будут менее склонны поддерживать женщин в политике или считать их менее компетентными. Однако наше общество разнополое и в политической деятельности должны участвовать равноправно мужчины и женщины.

Политики используют различные риторические приемы и языковые средства для формирования своих аргументов и убеждения аудитории. Одним из таких приемов является использование гендерно окрашенной лексики. Например, описывая политических деятелей, мужчины могут быть названы «лидерами», «защитниками» или «борцами», тогда как женщины часто получают эпитеты, связанные с их внешностью или семейным статусом, такими как «мать нации» или «мать-героиня». Это не только подчеркивает традиционные роли, но и умаляет профессиональные достижения женщин, сводя их к личным характеристикам.

В политическом контексте риторика и лексический выбор могут способствовать укреплению стереотипов, когда используются гендерно маркированные выражения или обобщения, которые ограничивают представления о ролях мужчин и женщин. Например, использование терминов, таких как «женская работа» или «мужская работа», может укреплять стереотипы о том, какие роли и профессии являются приемлемыми для мужчин и женщин. Однако, фраза «женская работа» часто ассоциируется с уходом за домом или детьми, что может ограничивать карьерные амбиции женщин. В то время как «мужская работа» подразумевает созидательный труд.

Политические дебаты зачастую содержат выражения, такие как «слабый пол» или «сильный пол» по отношению к женщинам и мужчинам, что подчеркивает стереотип о том, что женщины менее способны принимать важные решения, а мужчины доминируют и принимают на себя эту ответственность, как обязательство. Использование в официальном дискурсе фраз таких как, «женщины слишком эмоциональны» или «мужчины должны быть сильными» создает обобщенные представления о гендерных ролях [7]. Такие утверждения могут не только укреплять стереотипы, но и влиять на поведение и ожидания мужчин и женщин. В политических речах часто можно услышать утверждения о том, что «женщины должны заботиться о семье», и это транслирует и учреждает в обществе традиционную роль женщины как домохозяйки и матери, ограничивая ее возможности в других сферах. Мужчине же отводится роль защитника и кормильца семьи, что подсознательно освобождает его от обязанностей по выполнению домашних дел. Это зачастую является поводом для семейных ссор и конфликтов, поскольку в динамично меняющемся мире доходы женщин иногда выше мужских. При этом мужчины освобождены от строительства очага, тогда как женщины вынуждены выполнять обязанности по дому в соответствии с гендерными ролями и так называемым двойным контрактом.

В политическом дискурсе часто используются слова и фразы, которые подчеркивают традиционные гендерные роли. Мужчины часто описываются как «сильные», «прямолинейные» или «решительные», что ассоциируется с агрессией и силой. В то время как женщины могут быть представлены как «заботливые», «поддерживающие» или «сострадательные», что укрепляет представление о них как о менее сильных и более эмоциональных [8].

Рассмотрим примеры из речей зарубежных и российских политических деятелей, в которых подчеркиваются гендерные роли и используются стереотипные выражения.

Дональд Трамп в своих речах использует выражения, которые подчеркивают традиционные гендерные роли. Например, он говорит о женщинах как о «слабом поле» или использует фразы, которые намекают на то, что женщины должны быть более «чувствительными» или «эмоциональными» в определенных ситуациях. В приветственной речи по поводу его избрания президентом США он благодарил семью, сестер и братьев словами «I also want to thank my sisters, Marianne and Elizabeth, who are here with us tonight. Where are they? They're here someplace. They're very shy, actually. And my brother Robert, my great friend. Where is Robert? Where is Robert?» («Я также хочу поблагодарить моих сестер, Марианну и Элизабет, которые сегодня здесь с нами. Где они? Они где-то здесь. Они очень стеснительные (застенчивые), на самом деле. И моего брата Роберта, моего большого друга. Где Роберт? Где Роберт?») [9]. Это отражает традиционно нежное отношение к сестрам, и создает впечатление, что женщины стеснительны, застенчивы и менее способны, чем мужчины к принятию жестких решений.

В одной из своих речей Т. Мэй упомянула о «женских качествах» в контексте лидерства, подчеркивая, что женщины, как правило, более «сострадательны» и «внимательные». Хотя это может быть воспринято как положительное качество, оно также может укреплять стереотип о том, что женщины должны быть «мягкими» и «заботливыми», что ограничивает их возможности в других аспектах лидерства [\[10\]](#). Х. Клинтон использует мужскую риторику, однако в ее речи встречаются риторические вопросы, что характерно женским стратегиям привлечения внимания аудитории [\[11\]](#).

Анализируя гендерные особенности использования стилистических средств в своей работе «Гендерные особенности в политическом дискурсе: сравнительный анализ американских политических выступлений», Штудент Е. В. и Бергельсон М.Б. пришли к выводу, что речь Х. Клинтон более окрашена метафорами и эпитетами, в то время как речь Д. Трампа изобилует повторами. Что говорит о женском подходе, как более творческом, эмоциональном и о мужском, как более статистическом и рациональном [\[12\]](#)

В своих посланиях и выступлениях российские политические деятели часто используют фразы, которые подчеркивали традиционные роли мужчин и женщин, утверждая, что «мужчины должны быть защитниками» и «женщины должны заботиться о семье». Эти утверждения могут восприниматься как поддержка традиционных гендерных ролей и ограничение возможностей для женщин в профессиональной сфере.

В. Путин в своих выступлениях не раз говорил о традиционной роли женщин в обществе. В Послании Федеральному Собранию по поводу празднования 8 марта Владимир Путин подчеркнул важность семьи, поскольку она является основой общества, а женщины играют ключевую роль в ее сохранении и процветании. «Роль женщины, как хранительницы домашнего очага, бесцenna. Женщина – это, прежде всего, мать, хранительница домашнего очага. Это то, что делает нашу жизнь полноценной и гармоничной. Сейчас, когда мужчины защищают интересы нашей страны в зоне СВО, женщины остались в тылу и продолжают заботиться о своих близких» [\[13\]](#).

Эта цитата подчеркивает традиционное представление о роли женщины как матери и хозяйки дома, что может ограничивать восприятие женщин в других сферах. В то время как мужчины представлены лидерами, защитниками.

В одной из своих речей Д. Медведев заметил, что «мы должны поддерживать женщин в их стремлении быть успешными, но, в то же время, не забывать о семейных ценностях». Данным утверждением он подчеркивает необходимость баланса между карьерой и семейными обязанностями, что может восприниматься как поддержка традиционных гендерных ролей.

С. Орлова, губернатор Владимирской области, в своей речи отметила, что «женщина должна быть не только успешной на работе, но и заботиться о семье. Это важно для воспитания будущего поколения». Эта цитата также акцентирует внимание на том, что женщинам следует совмещать карьеру с семейными обязанностями, что может укреплять традиционные стереотипы.

В своей речи на XI Форуме женщин-спикеров парламентов спикер Совета Российской Федерации В. Матвиенко подчеркнула важность участия женщин в политике, однако добавила «в то же время не забывать о такой великой нашей миссии, как быть женой, матерью, оберегать домашний очаг, воспитывать детей» [\[14\]](#).

Эти примеры показывают, как языковые средства и риторика зарубежных и российских

политических деятелей могут отражать и поддерживать традиционные гендерные роли. Использование таких выражений может влиять на общественное восприятие и ожидания, создавая определенные стереотипы о том, что «должны» делать мужчины и женщины. Политические деятели, используя гендерно окрашенные выражения на высоком уровне, могут непреднамеренно поддерживать традиционные представления о том, что «должны» делать мужчины и женщины, что, в свою очередь, влияет на общественное восприятие и ожидания.

Говоря о политическом дискурсе, необходимо рассматривать речевые стратегии и языковые средства, которые используют ораторы женщины и мужчины. В политических дебатах мужчины часто используют метафоры войны и борьбы, что подчеркивает их агрессивные качества. Женщины же могут быть представлены через метафоры заботы и поддержки, что снижает их статус как лидеров. Например, фразы «борьба за права» или «взять на себя ответственность» могут быть использованы для описания мужских действий, в то время как женские действия могут описываться как «забота о будущем» или «поддержка инициатив». Женщины кандидаты и политические лидеры часто сталкиваются с более строгой критикой за свою внешность и манеру общения. Например, их прическа, стиль одежды или интонация могут обсуждаться в СМИ гораздо больше, чем у мужчин [\[15\]](#). Это создает атмосферу, в которой женщины должны соответствовать не только своим профессиональным качествам, но и определенным внешним стандартам. Мужчин же критикуют за «излишнюю брутальность» [\[13\]](#), что звучит и воспринимается комплементарно, несмотря на негативный контекст.

Часто в языке политических деятелей присутствуют маркеры, указывающие на гендер. Например, фразы, такие как «женская интуиция» или «мужская логика», подчеркивают различия, которые не всегда обоснованы. Такие выражения могут укреплять стереотипы о том, что женщины менее умны, но более эмоциональны, а мужчины – логичны, умны и более рациональны.

Эти примеры из СМИ подчеркивают важность осознанного использования языка в политическом дискурсе и его влияние на формирование общественных норм и представлений о гендере. Язык, используемый в медиа и политике, формирует общественное мнение о гендерных ролях. Женщины, которые используют «мужские» стили общения, могут восприниматься как менее привлекательные или менее подходящие для руководящих позиций. Это создает барьеры для женщин, стремящихся к лидерству, и в свою очередь, усиливает стереотипы о том, что только мужчины могут быть эффективными лидерами.

Для достижения конструктивных и созидательных целей в geopolитическом мире необходим гендерный баланс. Борьба с гендерными стереотипами в политическом дискурсе имеет критическое значение для создания более справедливого и равноправного общества. Для политических деятелей крайне важно научно и осознанно подходить к языковым практикам. Язык, используемый в политическом дискурсе, влияет на восприятие гендерных ролей и может укреплять или разрушать стереотипы. Политики, использующие инклюзивные и нейтральные формулировки, могут способствовать изменению общественного мнения и норм, что в свою очередь может привести к более равноправному отношению к женщинам и мужчинам.

Когда политический дискурс свободен от гендерных стереотипов, это создает более безопасную и инклюзивную среду для всех. Это важно не только для женщин, но и для мужчин, которые могут столкнуться с предвзятостью и стереотипами, связанными с их полом.

Исследования показывают, что равенство пола в политике, юрисдикции и менеджменте способствует экономическому росту. Устранение гендерных стереотипов может привести к более эффективному использованию талантов и ресурсов, что в конечном итоге принесет пользу обществу в целом. Борьба с гендерными стереотипами в политическом дискурсе способствует повышению осведомленности о гендерных вопросах. Это может привести к более глубокому пониманию и уважению к правам всех людей, независимо от их пола. Изменение языка и риторики в политическом дискурсе может способствовать более широкой смене культурных норм и ценностей. Тем самым приближая нас к более прогрессивному обществу, где гендерное равенство становится нормой, а не исключением.

Для предотвращения вербализации и закрепления гендерных стереотипов в языке важно расширять познания и информированность общества о том, как язык влияет на восприятие гендера. Это может быть достигнуто через образовательные программы, семинары и тренинги по использованию гендерно-нейтральных конструкций. Политики, медиа и общество должны стремиться использовать гендерно-нейтральный инклюзивный язык, который подчеркивает достижения и способности всех людей, независимо от их пола. Например, вместо использования гендерных маркеров можно говорить о «лидерах» или «экспертах», не указывая на пол. Важно критически анализировать язык, используемый в политическом дискурсе и медиа, и выявлять стереотипы, которые могут быть скрыты в повседневной речи, поскольку гендерные стереотипы, проявляющиеся в языке, оказывают значительное влияние на общественное восприятие ролей мужчин и женщин [\[16\]](#).

С другой стороны, язык может быть использован для деконструкции этих стереотипов. Политики и общественные деятели, выбирая инклюзивные и нейтральные формулировки, могут способствовать изменению общественного мнения и созданию более равноправной среды. Несмотря на существующие стереотипы, в последние годы наблюдается рост числа женщин на высоких политических постах, что свидетельствует о постепенных изменениях в восприятии гендера в политике. Успех женщин-лидеров, таких как Х. Клинтон, А. Меркель, Д. Ардерн, В. Матвиенко, Т. Голиковай других, показывает, что возможно разрушение традиционных стереотипов. Эти женщины смогли не только занять высокие должности, но и изменить общественное восприятие женского лидерства, продемонстрировав, что качества, ассоциируемые с женственностью, могут быть равноценны традиционным мужским качествам в политике.

Примеры успешного использования языка для изменения стереотипов включают кампании, направленные на улучшение представления женщин в политике и других сферах, где традиционно доминировали мужчины. Показательным в этом отношении является XI Форум женщин-спикеров парламентов в ОАЭ в Абу Даби, на котором спикер Совета Федерации В. Матвиенко сказала: «Похоже, что мужчины-политики со своим брутальным стилем не справились с управлением миром. Они допустили войны, конфликты, насилие. Это, конечно, шутка. Но, как говорят у нас в России, в каждой шутке есть доля правды. Жизнь показывает, что глобальная политика требует большей гибкости, толерантности, терпения, умения не только слушать, но и слышать, готовности к компромиссам. Все эти качества свойственны нам, женщинам, в гораздо большей степени, чем мужчинам», – объявила В. Матвиенко. Спикер также сообщила, что роль женщины в мире политики с каждым годом возрастает, и это дает основания считать, что женщины дают вдохновляющий пример для всех остальных. «Мир находится реально на распутье. Мы, женщины-парламентарии, действительно можем принимать решения,

предпринимать шаги, которые способны направить ход событий в созидательное русло в интересах всего человечества. И прежде всего – в интересах укрепления безопасности на планете, налаживания подлинного взаимовыгодного сотрудничества. Мы обязаны вовлекать их во все сферы жизни общества, от производства до управления государством. И в то же время не забывать о такой великой нашей миссии, как быть женой, матерью, оберегать домашний очаг, воспитывать детей. Многие из нас сумели сочетать все это. Наш долг – помочь всем женщинам занять активную жизненную позицию. Помочь политически, законодательно, личным примером», сказала В. Матвиенко. Кроме этого политик подчеркнула, что именно благодаря российским женщинам-политикам удалось достичь высоких показателей рождаемости, продолжительности жизни и т.п., пишет электронное издание «Интерфакс» [\[13\]](#). В своем труде «Gender and Political Representation: Current Empirical Perspectives» профессор Технологического университета Дублина И. Гэллигэнсолидарна с В. Матвиенко, говоря следующее: «There is growing evidence to indicate that female representatives in particular, although not exclusively, have been found to identify with promoting a more gender-equal society. Some have the political space and power actively to articulate and pursue this issue – as government ministers, political leaders, and a significant proportion of the legislature (Появляется все больше свидетельств, указывающих на то, что представители женского пола, в частности, хотя и не исключительно, отождествляются с движением к обществу, в котором больше равенства между мужчинами и женщинами. Некоторые из них обладают политическим пространством и властью для активного обсуждения и продвижения этого вопроса – в качестве министров правительства, политических лидеров и значительной части законодательной власти)» [\[17\]](#).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Исследование показало, что вербализация гендерных стереотипов в политическом дискурсе – это сложный и многогранный процесс, который требует внимательного анализа. Язык, используемый политиками, не только отражает существующие предвзятости, но и формирует общественное восприятие гендерных ролей. По мнению Махина К. О. и Курбанова И. А., «в современном политическом дискурсе имеются тенденции, возможно и невыраженные в должной степени на данный момент, заключающиеся в применении участниками политического дискурса разных гендерных речевых стратегий: как мужских, так и женских» [\[18\]](#). Понимание этих механизмов важно для разработки стратегий, направленных на устранение языковых и социальных неравенств. Важно, чтобы политики и общество в целом осознавали влияние языка на гендерные стереотипы и стремились к созданию инклюзивного дискурса, способствующего равноправию и справедливости. Только так можно надеяться на изменения в восприятии гендерных ролей и на более равноправное политическое пространство для всех. осознание и критический анализ языковых практик на каждом уровне помогут создать более справедливое и равноправное политическое пространство, где каждый может быть оценен по своим заслугам, а не по гендерным стереотипам. Это не только улучшит качество политического дискурса, но и обеспечит более широкий спектр представительства и участия в политической жизни. Изменение языка – это важный шаг на пути к гендерному равенству и справедливости в политике и жизни в целом. Чтобы продвигать гендерное равенство в политике, необходимо осознанно подходить к выбору слов и риторическим приемам, используемым в политическом дискурсе.

В качестве перспектив дальнейшего развития заявленной проблематики может стать выявление путей внедрения гендерно нейтральных языковых практик в политическом

дискурсе, чтобы избежать трансляции гендерных стереотипов на высоком общественном уровне. Политики, медиа и общество в целом должны стремиться к языку, который не только учитывает достижения и способности, но и разрушает традиционные представления о ролях мужчин и женщин. Осознанное использование языка в политическом дискурсе имеет потенциал не только для изменения восприятия гендерных ролей, но и для создания более справедливого и инклюзивного общества. Важно понимать, что каждое слово имеет значение, и его выбор может иметь далеко идущие последствия для формирования социальных норм и представлений о гендере.

Библиография

1. Арутамян Р. Проявление гендерных особенностей в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 242-247.
2. Maunthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Band 1 (Zur Sprache und Psychologie). 3. Auflage. Stuttgart und Berlin, 1921 (zuerst 1913). 740 s.
3. Lakoff R. Language and Woman's Place. New York: Harper & Row, 1975. 100 р.
4. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.
5. Буцык Е. Д. Конструирование гендерной идентичности в политическом дискурсе // Вестник МГИМО. 2015. № 3 (42). С. 167-171. EDN: TYCWIJ.
6. Гаспарян С. К., Князян А. Т. Гендерные стереотипы в политической сфере современного общества // Вестник ТГГПУ. 2017. № 2 (48). С. 43-47.
7. Boris Johnson's Tory fringe speech. 2018. URL: <https://blogs.spectator.co.uk/2018/10/full-text-boris-johnsons-tory-fringe-speech/>.
8. Станчуляк Т. Г., Жукова А. И. Лингвистические особенности выражения гендерных стереотипов в политической коммуникации (на примере публичных выступлений представителей британского и американского истеблишмента) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Выпуск 12. С. 3885-3891. DOI: 10.30853/phil20210642. EDN: BCGLOQ.
9. Donald Trump's victory speech. 2016. URL: <https://edition.cnn.com/2016/11/09/politics/donald-trump-victory-speech/index.html>.
10. Theresa May's speech on future UK-EU relations. 2018. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-43256183>.
11. Hillary Clinton's concession speech full transcript: 2016 presidential election. Vox. 2016. URL: <https://www.vox.com/2016/11/9/13570328/hillary-clinton-concession-speech-full-transcript-2016-presidential-election>.
12. Электронный ресурс: URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/364642352>.
13. Электронный ресурс: URL: https://vk.com/wall590394688_361?w=wall590394688_361.
14. Официальный сайт НАКАНУНЕРУ. Матвиенко раскритиковала мужчин-политиков за "брутальность". URL: <https://www.nakanune.ru/>.
15. Официальный сайт MKRU. Круглая челка Голиковой, чёрные костюмы Набиуллиной и кружевная спина Тимошенко: ошибки в одежде, которых лучше не повторять. URL: <https://www.mk.ru/politics/2014/06/17/imidzh-nichto-krasota-vse.html>.
16. Таннен Д. Ты просто меня не понимаешь: женщины и мужчины в диалоге // Гендер и язык: антология / сост. А. В. Кирилина. М.: МГЛУ, 2005. 228 с.
17. Galligan Y. Gender and Political Representation: Current Empirical Perspectives // International Political Science Review. 2007. P. 557-570. URL: https://www.researchgate.net/publication/249743393_Gender_and_Political_Representation_Current_Empirical_Perspectives/citation/download.
18. Махин К. О., Курбанов И. А. Особенности политического дискурса и его влияние на применение традиционных мужских и женских коммуникативных стратегий в политике //

Вестник Сургутского государственного университета. 2014. № 3(5). С. 70-75. EDN: VAWKEH.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Вербализация гендерных стереотипов в политическом дискурсе».

Предмет исследования – гендерная маркированность языковых и речевых средств, коммуникативных стратегий и тактик в политическом дискурсе.

Методология исследования основана на комплексном применении таких методов, как анализ источников, обобщение данных, их систематизация и интерпретация.

Актуальность работы обусловлена необходимостью осознания влияния языка на восприятие гендерных ролей в обществе, а также важностью осознанного использования языка в политическом дискурсе и понимания его влияние на формирование общественных норм и представлений о гендере, поскольку политики зачастую используют стереотипы для манипуляции общественным мнением, создавая образы, которые соответствуют традиционным гендерным ролям.

Научная новизна работы заключается в комплексном представлении коммуникативного поведения политических деятелей в аспекте его гендерной маркированности на новом фактическом материале.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, сформулированы задачи исследования; дана характеристика эмпирического материала; приведена теоретическая основа исследования; обозначена практическая значимость работы); обсуждение и результаты (автор рассматривает феномен гендерных стереотипов; продемонстрировано, как гендерные стереотипы проявляются в политическом дискурсе; теоретические измышления автора подкреплены иллюстративными примерами из речей зарубежных и российских политических деятелей; приведены примеры успешного использования языка для изменения стереотипов в политике и других сферах, где традиционно доминировали мужчины); заключение (автор делает общие выводы, обозначены перспективы дальнейшего развития проблематики); библиография (включает 14 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Результаты исследования будут интересны тем, кто занимается исследованием вербализации гендерных стереотипов в различного видах дискурса. Исследование значения полов и их роли в процессе генезиса культуры, их семиотического и символического воплощения в языке дает возможность выявить новые стороны и векторы развития общества.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект и предмет проведенного исследования. Стоит дать более подробную характеристику эмпирического материала (в частности, указать критерии отбора, временные рамки выборки, объем).
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников, в том числе зарубежных, также является недостаточным.
3. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как

подкрепление теоретические измышления автора статьи. Кроме того, было интересно на примерах из речей зарубежных и российских политических деятелей представить сходства и различия вербализации гендерных стереотипов в различных языках.

4. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть рекомендован к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает гендерная маркированность языковых и речевых средств, коммуникативных стратегий и тактик в политическом дискурсе. Актуальность работы обоснованно аргументируется «необходимостью осознания влияния языка на восприятие гендерных ролей в обществе». Отмечается, что «политический дискурс является важным инструментом формирования общественного мнения и восприятия социальных норм», «в условиях современных социальных изменений важно критически анализировать, как политический дискурс может способствовать или препятствовать гендерному равенству».

Теоретическую базу данного исследования составили труды зарубежных и российский гендерологов по лингвистическим аспектам гендера; проявлению гендерных особенностей в политическом дискурсе; гендерным стереотипам и их вербализации в политической коммуникации и др. Библиография насчитывает 18 источников, в том числе электронные ресурсы, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию материала, методы сравнительно-сопоставительного анализа, а также контент-анализа, который служит для систематического изучения содержания текстов и их количественной оценки; дискурс-анализа, представляющий подход, который позволяет исследовать, как язык используется в различных политических контекстах для формирования и поддержания гендерных стереотипов.

В ходе работы достигнута ее цель и решены поставленные задачи: систематизирован теоретический материал гендерных исследований в лингвистике; рассмотрены примеры из выступлений зарубежных и российских политических деятелей, в которых подчеркиваются гендерные роли и используются стереотипные выражения; выявлен уровень восприятия и оценивания гендерных стереотипов в политическом дискурсе. Сформулированы обоснованные выводы о том, что «вербализация гендерных стереотипов в политическом дискурсе – это сложный и многогранный процесс, который требует внимательного анализа», «чтобы продвигать гендерное равенство в политике,

необходимо осознанно подходить к выбору слов и риторическим приемам, используемым в политическом дискурсе», «осознанное использование языка в политическом дискурсе имеет потенциал не только для изменения восприятия гендерных ролей, но и для создания более справедливого и инклюзивного общества» и т. д.

Полученные результаты имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в изучение гендерной проблематики и могут использоваться в вузовских курсах по общему языкознанию, стилистике, гендерной лингвистике, социолингвистике, медиалингвистике и психолингвистике. Обозначены перспективы дальнейшего развития заявленной проблематики, которые состоят в «выявлении путей внедрения гендерно нейтральных языковых практик в политическом дискурсе, чтобы избежать трансляции гендерных стереотипов на высоком общественном уровне».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию.

Обращаем внимание автора(ов) на ошибки технического характера (см «Объектом для исследования послужили речи иностранных политических деятелей мужчин и женщин таких как...», «Кроме того, был проведен анализ материалов электронных изданий «Накануне», «Интрефакс» и других средств массовой информации»).

Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Вагизиева Н.А., Темирбулатова С.М. Морфологические средства выражения категории числа имен прилагательных в даргинском языке (на материале кадарского, хайдакского и цудахарского диалектов) // Филология: научные исследования. 2025. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.7.75020 EDN: INAABL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75020

Морфологические средства выражения категории числа имен прилагательных в даргинском языке (на материале кадарского, хайдакского и цудахарского диалектов)

Вагизиева Наида Арсланхановна

кандидат филологических наук

научный сотрудник; ДФИЦ РАН

367000, Россия, республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева 45

✉ naida.vagizieva@mail.ru

Темирбулатова Сапияханум Муртузалиевна

доктор филологических наук

главный научный сотрудник; ДФИЦ РАН

367000, Россия, респ. Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева 45

✉ sapiyakhanum@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.7.75020

EDN:

INAABL

Дата направления статьи в редакцию:

29-06-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию морфологических средств выражения категории числа в именах прилагательных кадарского, хайдакского и цудахарского диалектов даргинского языка. Актуальность исследования заключается в том, что представленные идиомы обладают богатой морфологической системой, грамматические категории которых остаются неисследованными до настоящего времени. Проблема определения точного количества диалектов и говоров является актуальной в настоящее

время. Слабая изученность некоторых даргинских идиом затрудняет классификацию и их подсчет. Полагаем, что исследование морфологических средств выражения категории числа имен прилагательных в представленных диалектах прольёт свет в исследование актуальных вопросов в области даргинской диалектологии. Так как образование множественного числа в даргинских диалектах, закономерности его образования остаются еще не раскрытыми до конца, хотя в научной литературе определенное внимание уделялось образованию форм плюралиса даргинских существительных. Цель работы заключается в выявлении формантов плюралиса и изучении способов образования форм множественного числа прилагательных в диалектах: суффиксальный, классно-числовой, смешанный. Для достижения данной цели используются сравнительный и дескриптивный методы. Для сбора устного материала использовались методы полевой лингвистики: анкетирование, интервьюирование и др. Предметом исследования послужили материалы научной экспедиции в Буйнакский (с. Чанкурбе, с. Кадар), Левашинский район (с. Куппа, с. Цудахар) и Хайдакский районы (с. Санчи, с. Маджалис). Новизна работы заключается в том, что морфологические средства выражения категории числа имен прилагательных кадарского, хайдакского и цудахарского диалектов впервые проанализированы в даргинской диалектологии. В ходе проведенного исследования определены способы образования плюральных форм в исследуемых диалектах и выявлены их отличительные особенности. Разные способы образования плюральных форм прилагательных подтверждают факт самостоятельного развития форм множественного числа прилагательных кадарского, хайдакского и цудахарского диалектов даргинского языка. Отсутствие аблautного чередования и широкого ряда маркеров плюралиса прилагательных позволяет предположить, что образование форм множественного числа прилагательных в сравнении с существительными носит более поздний характер. Результаты исследования могут быть применимы при подготовке сравнительно-исторической грамматики даргинских диалектов, типологических исследованиях и спецкурсах по изучению даргинской диалектологии.

Ключевые слова:

дагестанские языки, даргинский язык, кадарский диалект, хайдакский диалект, цудахарский диалект, категория числа, категория класса, адъектив, формы плюралиса, классно-числовое выражение

Даргинский язык – наиболее диалектно-дифференцированный из дагестанских языков. Отличительные особенности в даргинских идиомах присутствуют на фонетическом, лексико-грамматическом, синтаксическом уровнях. Диалектные формы прилагательного со значением «радостный» свидетельствуют об уникальности морфологического строя языка и многообразии адъективообразующих формантов, свойственных его идиомам:

«Разиси Акуш., Лев; Кищ; Гапш**разиси**; Урк, Гул **разиган**; Мюрг; Дегв разий; Губд; Кадр разийил; Шукт; Чирг**разизе**; Кубч разизив; Санч**разикай**; Барш, Карц, Санч разикан; Мекг; Урах, Бурд, Кнс, Кчг, Мург, Мугр, Нмл, Герг; Муг, Вмл, Мегб, Викр, Дарш, **разил**; Дейб; Тант, Усиш**разисе**; Харб разиссе; Сирх, Ицар, Амух, Джеб, Ктг **разици**; Кунк **разице**; Цуд**рязисе**; Харб **талихIкевсе**; Меус **талихIкисси**; Мугр **хIулкIуй**; Ашт ццихъсив «радостный»» [8, с. 375]

Материалом исследования послужили устные тексты, записанные Н.А. Вагизиевой в ходе научной экспедиции 2023-2025 гг в сс. Чанкурбе, Кадар Буйнакского района (кадарский

диалект); с. Куппа Левашинского района (цудахарский диалект); а также тексты и материалы из личных архивных записей С.М. Темирбулатовой (хайдакский диалект). Для сбора устного материала использовались методы полевой лингвистики. На основе текстов выявлены форманты плюралиса кадарских, хайдакских и цудахарских адъективов и изучены способы образования их форм плюралиса. Для достижения данной цели использованы сравнительный и дескриптивный методы.

Проблема определения точного количества диалектов и говоров является актуальной в настоящее время. Слабая изученность некоторых даргинских идиом затрудняет классификацию и их подсчет. Полагаем, что исследование морфологических средств выражения категории числа имен прилагательных в малоизученных даргинских диалектах, таких как – кадарский, цудахарский и хайдакский, прольёт свет в исследование актуальных вопросов в области даргинской диалектологии. Так как образование множественного числа в даргинских диалектах, закономерности его образования остаются еще не раскрытыми до конца, хотя в научной литературе этому вопросу уделялось определённое внимание [6,7].

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые выявляются особенности образования форм плюралиса адъективов в представленных диалектах.

В литературном даргинском языке и его диалектах, как правило, прилагательные выступают в формах единственного и множественного числа. В данной работе впервые предпринимается попытка исследовать средства выражения форм плюралиса кадарских, хайдакских и цудахарских прилагательных. В ходе исследования выявлены некоторые особенности в образовании форм множественного числа в сравнении с литературным даргинским языком и некоторыми его диалектами. Наиболее распространенным типом атрибутивных словосочетаний в исследуемых диалектах является имя прилагательное + имя существительное, где имя прилагательное выступает зависимым словом. В роли определяемого выступают имена существительные в единственном и множественном числах. Например: кадар. *багъай т'улека* – «дорогое кольцо», *багъай т'улукме* – «другие кольца». Прилагательное в диалектах даргинского языка представлены полной и краткой формами. Полная форма прилагательных морфологически четко оформлена.

Основными формантами кадарских адъективов являются *-ай*, *-ил*, *-а (-я)*, *-кеб*, *-къа*, *-на*, *-ла*. Адъективы с суффиксом *-ай* выражают внешние или внутренние признаки и свойства предметов или лиц. Суффикс *-а* принимают адъективы, обозначающие цвет или форму определяемого предмета:

гъантIа курди «короткое платье» – *гъантIа курдне* «короткие платья»;

хъанцIа щащка «синяя чашка» – *хъанцIа щащкне* «синие чашки»;

гIянцIа тIама «глухой звук» - *гIянцIа тIамре* «глухие звуки»;

бухъутIа дамгъа «желтое пятно» - *д-ухъутIа дамгъне* «желтые пятна»;

алашай хъялхъи «низкая крыша» - *алашай хъялхъурбе* «низкие крыши»;

дурхъай баз «священный месяц» – *дурхъай бузре* «священные месяцы»;

аргъай дуги «длинная ночь» - *аргъай дугурбе* «длинные ночи».

Изменяющемуся классному суффиксу прилагательных литературного даргинского языка и большинства диалектов **-чев (Iкл.), -чер (IIкл.), -чеб (III кл.)** в кадарском диалекте

соответствует его фонетический вариант **-кеб**. «...адъективный суффикс -чеб является классным: конечный **-в** представляет собой варьирующий классный экспонент мужского класса (ср. **-чер** – женский класс, **-чеб** – класс предметов. Другой его характерной особенностью является «прозрачность семантики: он означает «обладатель, владелец»» [1, с.188]. В отличие от литературного даргинского в кадарском варианте суффикса классный показатель **-б** является окаменелым. Соответственно, кадарские прилагательные с адъективообразующим суффиксом **-кеб** не образуют форм множественного числа классно-числовым способом и связаны с определяемым существительным способом примыкания:

кадар. **девлекеб амарса** «богатый мужчина» - **девлекеб амарсуле** «богатые мужчины»; **девлекеб хъунул** «богатая женщина» - **девлекеб хъунре** «богатые женщины»

кадар. **гIякълукеb уста** «умный мастер» - **гIякълукеb устабе** «умные мастера». С процессом ослабления грамматических классов связана и утрата классных форм кадарским суффиксом адъектива **-кеб**. О явлении унификации грамматических классов во множественном числе в дагестанских языках описано в статье А.А. Магометова [5, с. 94].

Сравните, литературные адъективы, имеющие классно-числовые формы: **давлачевси** мурул «богатый мужчина», **давлачеси** хъунул «богатая женщина», **давлачебси** улка «богатая страна», **давлачеб-ти адамти** «богатые люди».

Прилагательные, образованные посредством суффикса **-ил**, «выражают постоянный индивидуализирующий признак качества, присущего или приписанного данному предмету или лицу» [4, с. 46], выделяют предметы из ряда сопоставляемых и придают именам подчеркнуто эмфатическое значение: «тот, который», «тот самый» [1, с. 253]. С помощью суффикса **-ил** маркируется большая часть оформленных прилагательных. Как правило, прилагательные с суффиксом **-ил** в кадарском диалекте не изменяются по числам, т.е. не имеют форм множественного числа:

варгил / варгина «маленький/-ая/-ое, -ие»,

хугил / хугина «большой/-ая/-ое, -ые»

шаил «светлый/-ая/-ое /-ые»

дямил «крепкий-ая/-ое /-ие»

цIябил «темный-ая/-ое /-ие»

гIялинкIил «прохладный/-ая/-ое/ -ые»,

жагьил «молодой-ая/-ое /-ые»

дямил урши «крепкий парень» – **дямил уршбе** «крепкие парни»;

хугил хъали «большой дом» - **хугил хъулре** «большие дома»

Вместе с тем, выявлен небольшой пласт адъектипов с суффиксом **-ил**, множественное число которых образуется посредством изменения классно-числового показателя в препозиции основы: классно-числовой маркер **б-** существительных I и II классов сменяется на показатель **д-** для образования множественного числа неодушевленных существительных, показатель **б-** для одушевленных. В данных атрибутивных

словосочетаниях имя прилагательное согласуется с именем существительным в функции определяемого слова в числе и классе. Например:

кадар. 0-ухъенил урши «высокий юноша» – **бухъенил уршбе** «высокие юноши»;

рухъенил рурси «высокая девушка» – **бухъенил рурсбе** «высокие девушки»;

бухъенил хъали «высотный дом» – **духъенил хъулре** «высотные дома».

В кадарском диалекте мало распространены суффиксы **-къа**, **-на** и встречаются лишь в единичных примерах прилагательных буркъа «старый, изношенный», ухъна «старый, взрослый»:

кадар. **б-уркъа** курди «старое платье» – **д-уркъа** курдне «старые платья»;

кадар. **0-ухъна амарса** «старый мужчина» – **б-ухъна амарсуле** «старые мужчины».

В кадарском диалекте отсутствует атрибутивный суффикс **-с и**, свойственный литературному даргинскому языку. Литературному даргинскому **-си** в кадарском диалекте соответствует суффикс **-ил**:

кадар. жагъил урши «молодой парень» - жагъил уршбе «молодые парни»;

лит. жагъси урши «молодой юноша» – жагъти уршиби «молодые юноши»;

кадар. шайл бари «светлый» - шайл барумбе «светлые дни»;

лит. шаласи бархIи «светлый день» - шалати бурхIини «светлые дни».

кадар. буцIарил картущка «горячая картошка» - дуцIарил картущкуле «горячие картошки»;

литер. буцIарси картушка «горячая картошка» - дуцIарти картушкаби «горячие картошки».

Суффикс **-чев** характерен и для хайдакского диалекта. Как в даргинском литературном языке, он образует прилагательные со значением «носитель, обладатель» признака, названного в основе прилагательного: давлачев букв. «обладатель богатства» – «богатый»; сабурчев «терпеливый», гIякълучев «умный», диччичев букв. «любовью обладающий, любовь имеющий» – «приветливый, обходительный», пагъмучев «способный».

Но в отличие от литературного языка в хайдакском диалекте суффикс **-чев** является классным, в качестве суффикса он застыл в форме мужского класса. Здесь, как и в кадарском диалекте, наблюдается тенденция к унификации (нивелировке) категории лексико-грамматического класса имён, но в отличие от кадарских адъективов в хайдакском диалекте множественное число прилагательных образуется присоединением к формам единственного числа категориального суффикса мн. числа **-ти**: давлачев – давлачев-ти «богатый- богатые», сабурчев – сабурчев-ти «терпеливый - терпеливые», гIякълучев – гIякълучев-ти «умный -умные».

В других случаях формы мн. числа прилагательных, как правило, образуются присоединением категориального суффикса **-ти** к основам кратких (неоформленных) прилагательных: чакква – чакква-ти «красивый – красивые», хула – хул-ати «большой – большие», бицци – бицци-ти «вкусный – вкусные», музи – музи-ти «сладкий – сладкие», хъанцIа – хъанцIа-ти «синий – синие».

Посредством суффиксально-префиксальных показателей формы плюралиса образуются у ряда адъективов, имеющих в составе префиксального классный показатель: **бихъна къвял** - **дихънати** къвяли «старая корова - старые коровы»; **буршу урцул** - **дуршути** урцул «толстое бревно - толстые бревна»; **бухъин тIуп** - **духъинти** тIиппи «длинный палец - длинные пальцы»; **бархъ пIелкIа** - **дархъти** пIилкIи «прямая палка - прямые палки», **вялхъя мургул** - **бялхъти** мургли «шустрый муж - шустрые мужья» и т.д.

В хайдакском диалекте наблюдается одна интересная особенность употребления суффикса **-ти** в значении ед. числа с оттенком уточнения, указания. Такие притяжательные прилагательные образуются от форм генитива некоторых терминов родства, местоимений и собственных имен, ср.: *абала* -ти «тот, который принадлежит маме»; *уццилла* -ти «тот, который принадлежит брату»; *субела* -ти «тот, который принадлежит мужу»; *дилати* «тот, который мой»; *ила* -ти «тот, который твой»; *ниссала* -ти «тот, который наш»; *Шапила-ти* «тот, который принадлежит Шапи»; *Гияшатла-ти* «тот, который принадлежит Айшат». Но эти же формы согласуются и с именами во мн. числе: *уццилла-ти* *къалам* «карандаш брата»; *уццилла-ти* *къаламти* «карандаши брата».

Большая часть оформленных прилагательных, выражающих признак качества, присущего определенному предмету или лицу в цудахарском диалекте маркируется с помощью суффикса **-се**, являющегося фонетическим вариантом литературного даргинского **-си**. Плюральные формы данных адъективов образуются посредством присоединения к основе суффикса множественности **-сне**:

хъхъанцIасе *ххалдари* – *ххъанцIасне* *ххалдурте* «синяя чашка»;].

гIIёшсе *хъалжи* «низкая крыша» – *гIIешсне* *хъалгурбе* «низкие крыши»;

цIубссе *рурссе* «белая девочка» - *цIубсне* *рурсбе* «белые девочки»;

духусе *урщи* «умный мальчик» – *духусне* *уршбе* «умные мальчики»;

ник1асе *кIай* «маленькое озеро» – *ник1асне* *кIуйре* «маленькие озера»;

хулассе *гIIенрукI* «большой орел» – *хуласне* *гIIенрукIе* «большие орлы»;

хъярхъсе *ружери* «быстрый ручей» – *хъяркъсне* *ручурпле* «быстрые ручейки»;

чIёммясе *урщи* «крепкий парень» – *чIёммясне* *уршбе* «крепкие парни»;

ххуласе *хъали* «большой дом» – *ххуласне* *хъунре* «большие дома»;

гIIэркъасе *дуччи* «длинная ночь» – *гIIэркъасне* *дуккурбе* «длинные ночи»..

В цудахарском диалекте суффикс **-чеб**, как и в литературном даргинском, выражает значение «обладателя, владельца». Множественное число цудахарских прилагательных с атрибутивным формантом **-чеб** образуется смешанным способом: заменой в постпозиции классного показателя **-в** (муж. кл.), **-р** (жен. кл.), **-б** (ср. кл.) на **-б** (**одуш. кл.**) и добавления суффикса плюралиса **-снe**. Определяемое существительное согласуется с атрибутивом в классе и числе.

гIIякълучерсе *рурсси* «умная девочка» – *гIIякълучебсне* *рурсбе* «умные девочки»;

гIIякълучевсе *урщи* «умный мальчик» – *гIIякълучебсне* *уршбе* «умные мальчики».

Относительные прилагательные в литературном даргинском языке и в исследуемых диалектах образуются посредством адъективообразующего форманта **-ла**. Представлены

фонетические варианты: в кадарском диалекте **-аа**, в цудахарском **-лла**. Формы плюралиса не образуют.

кадар. дурала «внешний, уличный», гъадикала – «прежний, ранний», дузла – «лесной, деревянный», мигъла «железный», щицала «стеклянный», дудещла – «отчий», нещла – «материнский», бамбала – «ватный», халтIила – «матерчатый», унраа – «соседский», Чанк1урбаа – «Чанкурбенский», хунараа – «женский», амарсулаа – «мужской» и т.п. Суффиксы **-ла**, и его кадарский вариант **-а**, являясь маркером генитива даргинского имени, одновременно выполняют роль адъективного форманта. Адъективы образуются и путем добавления суффикса **-ла** к наречиям: гъадила «передний», дурала «внешний», арагъала «задний» и др.

цудах.

мургъела тIулека «золотое кольцо» – *мургъела тIулукме* «золотые кольца»;

арцла кулехха «серебряный браслет» – *арцла кулуххме* «серебряные браслеты»;

мехла туп «железный» – *мехла туппе* «железные пушки»;

урщилла хъат «сыновья ладонь» – *урщилла хъутре* «сыновьи ладони»;

урцуулла къусса – *урцуулла къусне* «деревянные ложки»

нешла ккатIи – *нешла ккатIи* «мамины платки»

мургуулла хIэва – *мургуулла хIэвне* мужские рубашки

гIIёрямла чирахъ – *гIIёрямла чиракъе* «уличные фонари»

шишала бур – *шишала бурне* «стеклянные двери»

Примечательно образование в речи кадарцев и цудахарцев относительных прилагательных с оттенком уточнения по модели:

существительное во множественном числе + кадарский вариант **-аа**:

кадар. *рурсбе* «девочки, девушки» + **аа** = *рурсбaa* *курдne* «женские платья»;

существительное во множественном числе + цудахарский вариант **-лла**:

цудах. *тулттme* «деревья» + **лла** = *тулттмалла* *уркъласумппе* «деревянные окна»

ср. лит. *рурсби+ ла* = *рурсбала хIевни* «женские платья».

В цудахарском диалекте адъективы с атрибутивным формантом **-а** выражают признаки, свойства предмета или лица: цвет, форма, состояние и др. Множественное число данных прилагательных образуется сменой классного показателя в препозиции основы.

Буркъа хIэва – **дуркъа хIэвне** «старые рубашки»

БухъутIа агвари – **духъутIа агруме** «желтые пятна»

Множественное число цудахарских прилагательных с атрибутивным суффиксом **-а** образуется сменой классного показателя *в-*, *р-*, или *б-* в препозиции на *д-* (*IV кл.*)

Неоформленные прилагательные в хайдакском и цудахарском диалектах встречаются в поэтическом языке и благопожеланиях и т.д.

цудах. гІяссягІят бихваб «в добрый час» (вместо – гІяссе ссягІят);

къан замана «в позднее время» (вместо – къансе замана);

ахъ дубурла вава «цветок высокой горы» (вместо – ахъсе);

цІяб дуччи «темная ночь» (вместо – цІябсе);

цІакъ мургул «смелый мужчина» (вместо – цІакъсе);

урчIилиз къабул дурхIя «приятный сердцу мальчик' (вместо – къабулсе);

цІуб антта «белый лоб» (вместо – цІубсе);

бацI къап тIашгIэбилцца «пустой мешок не стоит» (вместо бацIce)

Многие исконные основы неоформленных (кратких) прилагательных даргинского литературного языка в целом и его диалектов родственны с основами кратких прилагательных лакского языка [9, с.108]. «Основы кратких прилагательных во многих случаях являются общими основами различных имен и глаголов. Среди них встречаются основы, совпадающие с прямой основой имен существительных: хайдак. цІакъ «сила» – цІакъкай; цІакъил, литер. цІакъси «сильный»; къакъа «теснина, улица» – къакъакай «тесный»; шала «свет» – шалакай «светлый»; гІяхI «добро» – гІахIкай «хороший, добрый»; вяхIи «зло» – вяхIикай «злой, плохой». В литературе приведены следующие слова – основы: сукъур «слепец, слепой»; чулахъ «калека, увечный»; пякъир «бедняк, бедный», мисккин «бедный, бедняк»; къиркъир «сконец, скупой»; сахават «щедрый человек, щедрый» [2, с.120].

Краткие формы прилагательных в хайдакском и цудахарском диалектах, как правило, используются в фольклорных произведениях, в поэтическом языке, в кадарском же диалекте – лишь в благопожеланиях: «кадар. Дуги гІяхI дараб! – «Спокойной ночи!» (букв.: «ночь хорошей пусть будет!»); «Гъунбе гІяхI дугъаб! – «Пусть дороги будут хорошими!» («Счастливого пути!»)» [3, с. 40].

Неоформленные прилагательные в цудахарском диалекте, как и в других даргинских идиомах, не согласуются с определяемым существительным в числе:

цудах. ахъ дубури «высокая гора» – ахъ дубурте «высокие горы»;

цІяб дуччи «темная ночь» – цІяб дуккурбе «темные ночи»;

дянг авлахъ «просторное поле» – дянг авлакъе «просторные поля»;

цІуттар бери «черный день» – цІуттар берме «черные дни».

Однако классные краткие прилагательные, как в даргинском языке, так и в его диалектах, согласуются с определяемым словом посредством префиксального классного показателя единственного числа **б-** (III кл.), который чередуется с классным экспонентом множественного числа **д-** (V кл. неодуш.); **в-, р-** (1, 11кл.) – **б:**

литер.

б-ац1 бадира «пустое ведро» – **д-ац1** бадираби «пустые вёдра»

б-ухъут1а вава «жёлтый цветок» - **д-ухъут1а** вавни «жёлтые цветы»

р-ухъна хъунул «старая женщина» – **б-ухъна хъунри** «старые женщины»;

кадар.

б-ухъутIа «желтый» – **д-ухъутIа** «желтые»;

б-ухъенил хъали «высокий дом» – **д-ухъенил хъулре** «высокие дома»;

р-ухъна хъунул «старая женщина» – **б-ухъна хъунре** «старые женщины»;

б-ухъна тумпушка «старая тумбочка» - **д-ухъна тумпушкуле** «старые тумбочки»

цудах.

б-ацI бидра «пустое ведро» – **дацI бидруме** «пустые вёдра»

б-ухъутI къурч «желтый персик» – **духъутI къурче** «желтые персики»

хайдак.

б-ац1 бедира «пустое ведро» – **дац1 бедруми** «пустые вёдра»;

б-ухъу жужа «жёлтый цветок» – **духъу жужни** «жёлтые цветы»;

б-увкка дис «острый нож» – **дувкка дисби** «острые ножи»;

в-ихъна мургул «старый муж» – **бихъна миргли** «старые мужья»;

р-ихъна хъулум «старая женщина» – **бихъна хъумри** «старые женщины».

Цудахарскому диалекту свойственен смешанный способ образования форм плуралиса классных адъективов, у которых число, как правило, маркируется дважды классно-числовыми показателями и суффиксальными формантами.:

цудах.

чебяхIсе бац «великий месяц» – **чедяхIсне баццане** «великий месяц»;

давлачесе рурссе «богатая девушка» – **давлачебсне рурсне** «богатые девушки»;

ухънасе мургул «старый мужчина» – **духънасне мургле** «старые мужчины»;

валкIунсе адим «кривой человек» – **балкIунсне адимте** «кривые люди»;

давлачевссе мургул «богатый мужчина» – **давлачебсне мургле** «богатые мужчины».

В вышеперечисленных цудахарских атрибутивных словосочетаниях категория числа адъективов маркируется дважды: классным показателем в препозиции или постпозиции и суффиксом множественного числа **-сне**.

В результате исследования заключаем, что разные способы образования плуральных форм прилагательных подтверждают факт самостоятельного развития форм множественного числа прилагательных кадарского, хайдакского и цудахарского диалектов даргинского языка. Отсутствие абраутного чередования и широкого ряда маркеров плуралиса прилагательных позволяет предположить, что образование форм множественного числа прилагательных в сравнении с существительными носит более поздний характер. Выводы исследования:

1. Отличительной особенностью кадарских прилагательных является, то, что от основ с

атрибутивообразующими формантами *-а*, *-ай*, *-на*, *-ил*, *-ла*, *-кеб* формы плюралиса не образуются.

2 . Классные краткие прилагательные с префиксальными классными показателями единственного числа ***б-*** (*в-*, *р-*), **как в даргинском языке, так и в его диалектах**, мн. число образуют их сменой на классные показатели множественного числа ***д-*** (неодуш.) и ***б-*** (одуш.):

3 . Отсутствие суффиксов множественного числа или классно-числового чередования в кадарских адъективах связано с процессом ослабления грамматических классов в системе и др. С процессом ослабления грамматических классов связана и утрата классных форм хайдакским суффиксом адъектива ***-чев*** и кадарского ***-кеб***.

4 . В отличие от кадарского диалекта, которому свойственен лишь классно-числовой способ образования форм плюралиса адъективов, в цудахарском и хайдакском диалектах формы множественного числа прилагательных образуются суффиксальным, классно-числовым и смешанным способами.

5 . Множественное число цудахарских прилагательных с атрибутивообразующими формантами: *-а* образуется классно-числовым способом; *-чеб* – классно-числовым и смешанными способами. В цудахарском диалекте допустимы два варианта образования форм плюралиса прилагательных с суффиксом *-чеб(-в, -р)*: смена классного показателя + окончание множественного числа:

давлачерсе рурссе – давлачебсне рурсне «богатые девушки»;

давлачер рурссе – давлачеб *рурсне* «богатые девушки».

6 . Если в кадарских атрибутивных словосочетаниях между компонентами всегда установлена связь примыкание, то в хайдакском и цудахарском диалектах между компонентами присутствует синтаксическая связь: согласование или примыкание.

Библиография

1. Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. Том. Морфология. М.: Наука; Институт языка, литературы и искусства Даг. науч. центра РАН, 1993. – 473 с.
2. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка. Махачкала, 1954. – 216 с.
3. Вагизиева Н.А. Структурно-семантическая характеристика благопожеланий кадарского языка. Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2019; № 19: 39 – 44. DOI: 10.33580/2227-7978-2019-17-3-40-45. EDN: JDOMAV.
4. Жирков Л.И. Грамматика даргинского языка. Москва: Центр. изд-во народов С.С.С.Р., 1926. – 103 с.
5. Магометов А.А. Унификация грамматических классов во множественном числе в дагестанских языках // Категория грамматических классов в ИКЯ: Сб. ст. АН ГССР, Абхазский ин-т языка, лит-ры и истории. Тбилиси, 1989. – С. 94.
6. Мусаев М.-С.М. Именное словоизменение даргинского языка (категория числа). Махачкала, 1980. – 111 с.
7. Мусаев М.-С.М. О внутренней флексии при образовании форм множественности даргинских субстантивов // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. – С. 128-130.
8. Темирбулатова С.М. Диалектологический словарь даргинского языка (более 2000 словарных статей и более 50 тысяч диалектных вариантов слов). Под редакцией Х.А. Юсупова. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; АЛЕФ, 2022. – 575 с. DOI:

- 10.33580/9785001289197. EDN: ZMZGEZ.
9. Темирбулатова С.М. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала, 2004. – 301 с. EDN: QSFAZF.
10. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание V. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892. – 670 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи точен, фактически позиционен – это морфологические средства выражения категории числа имен прилагательных в даргинском языке. Автор в начале труда указывает, что «даргинский язык – наиболее диалектно-дифференцированный из дагестанских языков. Отличительные особенности в даргинских идиомах присутствуют на фонетическом, лексико-грамматическом, синтаксическом уровнях». Следовательно, вектор исследования задан правильно, он концептуально мотивирован. Материалом исследования послужили «устные тексты, записанные Н.А. Вагизиевой в ходе научной экспедиции 2023-2025 гг в сс. Чанкурбе, Кадар Буйнакского района (кадарский диалект); с. Куппа Левашинского района (цудахарский диалект); а также тексты и материалы из личных архивных записей С.М. Темирбулатовой (хайдакский диалект)». Эмпирическая база работы, на мой взгляд, верифицирована, она вполне объективна. При этом методы сбора информации актуальны, противоречий в этой части нет. Научная новизна исследования заключается в том, что в работе «впервые выявляются особенности образования форм плуриса адъективов в обозначенных диалектах». Стиль сочинения соотносится с научным типом: например, «Наиболее распространенным типом атрибутивных словосочетаний в исследуемых диалектах является имя прилагательное + имя существительное, где имя прилагательное выступает зависимым словом. В роли определяемого выступают имена существительные в единственном и множественном числах. Например: кадар. багъай тIулека – «дорогое кольцо», багъай тIулукме – «дорогие кольца». Прилагательное в диалектах даргинского языка представлены полной и краткой формами. Полная форма прилагательных морфологически четко оформлена» и т.д. Примеров по ходу работы достаточно; отмечу, что автору удается поддерживать аналитический тон по всему тексту. Например, «кадарские прилагательные с адъективообразующим суффиксом -кеб не образуют форм множественного числа классно-числовым способом и связаны с определяемым существительным способом примыкания: кадар. девлекеб амарса «богатый мужчина» - девлекеб амарсуле «богатые мужчины»; девлекеб хъунул «богатая женщина» - девлекеб хъунре «богатые женщины» кадар. гIякълукеб уста «умный мастер» – гIякълукеб устабе «умные мастера». С процессом ослабления грамматических классов связана и утрата классных форм кадарским суффиксом адъектива -кеб». Автор отчасти систематизировал данные по исследуемому вопросу, включил цитаты по ходу разверстки темы. Считаю, что серьезная правка не требуется, общие требования издания учтены. Выводы по работы имеют смежный с основным блоком тон: «разные способы образования плуральных форм прилагательных подтверждают факт самостоятельного развития форм множественного числа прилагательных кадарского, хайдакского и цудахарского диалектов даргинского языка. Отсутствие аблautного чередования и широкого ряда маркеров плуриса прилагательных позволяет предположить, что образование форм множественного числа прилагательных в сравнении с существительными носит более поздний характер». Замечу, что

поставленная цель исследования достигнута, материал имеет практический характер, но при этом может быть дополнен и далее. Библиография к работе достаточно, она включает разные типы изданий. Рекомендую статью «Морфологические средства выражения категории числа имен прилагательных в даргинском языке (на материале кадарского, хайдакского и цудахарского диалектов)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Шигуров В.В., Шигурова Т.А., Панфилова Д.В. Транспозиция беспредложных форм родительного падежа существительного в адвербальный подкласс с пространственным значением (на материале словоформы «дома») // Филология: научные исследования. 2025. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.7.75059 EDN: INHVYG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75059

Транспозиция беспредложных форм родительного падежа существительного в адвербальный подкласс с пространственным значением (на материале словоформы «дома»)

Шигуров Виктор Васильевич

ORCID: 0000-0002-4898-6484

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

✉ shigurov@mail.ru

Шигурова Татьяна Алексеевна

ORCID: 0000-0001-5342-8471

доктор культурологии

профессор; кафедра культурологии и библиотечно-информационных ресурсов; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

✉ shigurova_tatyana@mail.ru

Панфилова Дарья Витальевна

педагог; Центр дополнительного образования «Гимназика. Русская классическая школа»; г. Саранск; РФ

430000, Россия, респ. Мордовия, г. Саранск, ул. Севастопольская, д. 56, к. 2, кв. 194

✉ dashavitpan@mail.ru

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2025.7.75059

EDN:

INHVYG

Дата направления статьи в редакцию:

04-07-2025

Аннотация: Актуальность исследования обосновывается необходимостью комплексного синхронного анализа типов, признаков и предела функциональной и функционально-семантической транспозиции языковых единиц в системе частей речи. Предметом анализа являются субстантивные образования, функционально сближающиеся с адвербиальной лексикой, объектом – словоформы, эксплицирующие разные стадии адвербиализации. Цель исследования – охарактеризовать единицы, вовлекающиеся в разной степени в процесс категориального перерождения в наречия места статической и динамической направленности. В работе выявлены тип и признаки транспозиции существительных без предлогов в подкласс пространственных наречий. Обосновывается мысль о ступенчатом и скачкообразном характере адвербиальной транспозиции беспредложных форм существительных. На примере словоформы «дома» показаны семантико-грамматические сдвиги, которые происходят в структуре словоформ, подвергающихся функционально-семантической адвербиализации. Исследование осуществлялось с использованием структурно-семантического метода, метода оппозиционного анализа, лингвистического эксперимента, дистрибутивного и компонентного анализа. В результате проведенного анализа установлено, что при транспозиции в локальное наречие словоформа «дома» минует стадии периферии исходного существительного и периферии производного наречия. Нет у нее в современном языке и стадии гибридных, субстантивно-адвербиальных структур. Динамически процесс адвербиализации словоформы «дома» проявляется в изменении пропорции дифференциальных признаков исходной и производной частей речи. Вследствие адвербиальной транспозиции словоформа «дома», во-первых, утрачивает семантику предмета и грамматические категории рода, числа и падежа, падежно-числовую парадигму, изменяемость, систему флексий, первичную функцию дополнения, синтагматические характеристики существительного в виде адъективных и присубстантивных распространителей, а во-вторых, приобретает признаки адвербиального класса слов – значение вторичного признака, неизменяемость, первичную адвербиальную функцию обстоятельства. Показано, что изменению подвергся и характер присловных подчинительных связей словоформы «дома» на уровне как словосочетания, так и предложения: из управляемой словоформы она превратилась в прымывающую. Выявлено, что адвербиализация словоформы «дома» – это факт грамматики и словаря, так как образование наречия сопряжено здесь с появлением новой лексической единицы языка.

Ключевые слова:

русский язык, грамматика, адвербиальная транспозиция, существительное без предлога, наречие, шкала переходности, стадия, ядро, периферия, гибрид

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

1. Вводные замечания

Актуальность работы определяется необходимостью исследования механизма адвербиальной транспозиции беспредложных форм существительных в русском языке, порождающего как грамматические и лексико-грамматические омонимы, так и синкретичные структуры, синтезирующие в разной пропорции признаки взаимодействующих при адвербиализации классов слов. Новизна работы состоит в том, что в нем впервые на примере отдельной субстантивной словоформы предпринята попытка осмыслиения природы семантико-грамматических сдвигов в структуре образования, подвергшегося функционально-семантической трансформации в локальное наречие; осуществлен сравнительный анализ ступенчатого характера адвербиализации существительных, представляющих в современном русском языке разные стадии адвербиализации; показана лексикографическая интерпретация словоформы *дома* в исходном и конечном «пунктах» межчастеречной транспозиции.

Цель работы – выявление характера адвербиальной транспозиции родительного падежа существительного, его стадий и признаков, т.е. изменений на уровне лексической и частеречной семантики, грамматических категорий и парадигм, морфемной структуры, синтагматических свойств. Материалом послужили предложения с исследованными словоформами из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и собственные примеры авторов статьи. В работе применялись структурно-семантический метод, метод оппозиционного анализа, лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного и компонентного анализа. Объект исследования – механизм транспозиции существительных без предлогов в наречия места. предмет рассмотрения – признаки и предел транспозиции формы родительного падежа существительного *дома* в подкласс пространственных наречий. Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных авторов по проблеме категориальной транспозиции (трансляции, деривации, конверсии) [1; 9, с. 5-11; 14, с. 9-25; 17; 20, с. 25-38; 28; 29], а также собственные наработки в области переходности и синкретизма в грамматическом строении русского языка (см., напр.: [26, с. 42-55; 27; 30, с. 177-191]).

2. Результаты и обсуждение

Результаты исследования адвербиальной транспозиции существительных без предлогов в наречия свидетельствуют о том, что данный процесс имеет градуальный (ступенчатый) характер. Некоторые субстантивные словоформы при адвербиализации эксплицируют в разных типах контекстов несколько этапов отхода от существительного и приближения к наречиям. Не является в этом смысле исключением и группа существительных, сближающихся в той или иной мере с адвербиальным классом.

Как известно, беспредложные формы падежей существительных издавна служили базой для пополнения разных семантических разрядов адвербиальной лексики. А. А. Шахматов, например, отмечал отсубстантивные наречия места типа *дома*, *домой*, *верхом*, *город*, *кругом* и др.; наречия времени *вечером*, *зимой*, *летом* и др., количественные наречия *малость*, *чуточку*, *страсть*, *страх*. Например: *Поднимитесь малость* повыше; *Она осталась малость* позади нас; *Подвиньтесь чуточку* назад (см.: [25, с. 459, 502, 503]).

Что касается родительного падежа существительного без предлога, то его транспозиция в локальные наречия представлена единичными случаями. Этот процесс иллюстрируется обычно адвербиальной словоформой *дома*. В соответствии с этимологическими словарями русского языка считается, что наречная лексема *дома* восходит к старой форме местного падежа единственного числа существительного *д о м* [*domo*], означавшего буквально 'строение, построенное (руками человека) жилище'. Само слово

дом при этом трактуется как производное (в диахроническом аспекте) от **demti* в значении 'строить';ср. греч. *dēmo* со значением 'строю' (см., напр.: [23, с. 75–76; 24, с. 129]). Однако Е. М. Федорук-Галкина, в своей работе о наречиях замечает, что исследователи далеко не единодушны в такой интерпретации древней субстантивной словоформы *дома*: одни ученые считают ее дательным падежом, другие – родительным (см. об этом: [21, с. 110]). Добавим, что на базе существительного *дом* путем адвербиализации с сопутствующей фонетической трансформацией его древнерусской формы дательного падежа единственного числа возникло также наречие *домой*: *домо(в)и* --> *домои* --> *домой*.

С собственно синхронической точки зрения наречия *дома* и *домой* могут быть соотнесены с существительным *дом* и осмыслены соответственно в рамках морфологического суффиксального словообразования (см.: [19, с. 308]).

Диахронически адвербиальную словоформу *дома*, соотносящуюся в современном языке с родительным падежом существительного *дом*, можно интерпретировать также в рамках адвербиализации. В. В. Виноградов, рассматривая случаи адвербиальной трансформации беспредложных форм существительных, отмечал, что наречие *дома* относится к «непроизводительной группе наречий», соотносительных с омонимичными формами родительного падежа существительных (см.: [5, с. 299]).

Ср. употребление омонимичных словоформ *дома* (сущ.) (1) и *дома* (нареч.) (2):

(1) Нередко при покупке жилья японцы обращают внимание и на то, имеется ли неподалёку от их **нового дома** «удобный магазин» [К. Головина, Е. Кожурин. Япония: нестандартный путеводитель (2006)] [НКРЯ];

(2) Петрок прислушался: старик роптал, что пригнали сюда его, старого человека, в то время как другие **остались дома**, их не трогают [В. Быков. Знак беды (1982)] [НКРЯ].

Как частеречные омонимы, сформировавшиеся в результате адвербиализации родительного падежа существительного *дома*, трактуются эти субстантивная и адвербиальная словоформы в специализированном «Словаре грамматических омонимов русского языка» О. М. Ким и И. Е. Островкина [11, с. 176]. См. примеры условий их контекстуального употребления в указанном словаре:

1. **Дома**, сущ., род., ед. от *дом*, м. Продажа *дома*. Князь со всеми и всегда был язвителен и властен, но в отношениях с особами царствующего *дома* – мнителен. Задорнов. *Фашизм стоял у дверей нашего дома*. Тихонов.

2. **Дома**, нареч. Сидеть *дома*. Чувствуя себя как *дома*. Мужчины все ушли на охоту, *дома* остались *старики*, *женщины* и *дети*. Арсеньев. «Теперь мы уже *дома!*» – «Ты-то *дома*, а я в *гостях...*» Бабаевский.

Рассматриваемые омонимы демонстрируют крайние звенья адвербиальной транспозиции родительного падежа существительного. Словоформа *дома* как ядерное наречие представляет высшую степень, предел адвербиализации существительного: этот тип адвербиализации связан с полным обособлением субстантивной словоформы, выпадением ее из парадигмы исходной лексемы, нарушением тождества слова и выходом за пределы семантической зоны существительного.

Смысловой отход от «материнской» лексемы (*дом*) обнаруживает себя в том, что адвербиализованная словоформа *дома* обозначает в функции обстоятельства места «не...

«в доме», а только «в моем доме, в моем жилище, в родном kraю» [10, с. 263]. Отрыв семантически обособившейся словоформы от парадигмы лексемы *дом* сопряжен с утратой ею грамматических категорий рода, числа и падежа исходного существительного. Следствием асимметрии языкового знака стало формирование наречия, употребляющегося в виде лексико-грамматического омонима относительно исходной формы родительного падежа существительного. Обособление словоформы от флексийной системы имени привело к ее «окостенению» в неизменном виде (см.: [2, с. 193–194]).

Отсубстантивное наречие *д о м а* фиксируется в числе беспредложных форм существительных, подвергшихся адвербиализации, в академических грамматиках русского языка (см.: [6, с. 309; 15, с. 704; 13, с. 259]).

Не подлежит сомнению тот факт, что степень адвербиализации разных беспредложных падежей существительных неодинакова степень адвербиализации разных беспредложных падежей существительных может быть неодинакова; ср., например, разные стадии адвербиальной транспозиции словоформ типа *низом*, соотносительные со следующими звенями шкалы переходности: ступень **А / С(ущ)** (ядро существительных в роли дополнения или предиката; напр.: *Эта часть оврага называется низом*) -- > ступень **АБ / С(ущ) н(ареч)** (периферия существительных в роли обстоятельства места; напр.: *Первое время мы шли низом оврага*) -- > ступень **аБ / с(ущ) Н(ареч)** (периферия локальных наречий, употребляющихся в семантической зоне исходной субстантивной лексемы; напр.: *Сначала передвигались низом, потом верхом*).

Некоторые беспредложные формы творительного падежа существительных, употребляясь в функции обстоятельства места, демонстрируют лишь первую, собственно синтаксическую стадию транспозиции в локальные наречия. Речь идет о таких словоформах, как *берегом*, *лесом*, *полем*, *степью*, *селом*, *садом*, *лощиной*, *околицей*, *улицей*, *опушкой*, *коридором*. Напр.:

(3) В тот час ехал **полем** приказчик из экономии, Егор Титов, видел он, как перевернулись мы, видел, как Ларион пропал; когда я стал тонуть – Титов уже раздевался на берегу [М. Горький. Исповедь (1908)] [НКРЯ]; Батюк ушел **берегом** с ротой охраны штаба на пожар, чтобы попытаться отвести огненный поток и помочь выбраться из огня людям, стоящим на берегу [В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)] [НКРЯ].

Как показывает исследование, транспозиция словоформы *дома* в локальное наречие имеет скачкообразный характер. Это означает, что в современном языке есть лишь начальная и конечная стадии адвербиализации; последняя имеет исключительно функционально-семантический характер. Приведем типовые контексты употребления исходного ядерного существительного в родительном падеже без предлога (4) и возникшего на его основе ядерного локального наречия *дома* (5):

(4) Домой отчего-то пока не пускают, да у многих никакого **дома** и нет – потерялись они в миру [В. Астафьев. Обертон (1995-1996)]; Наконец толкнули перекошенную калитку, шарахнулись от бросившейся на них свирепой дворняги и начали стучать в дверь низкого, нищего, со слепыми оконцами **дома** [И. Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)] [НКРЯ];

(5) Еще через час был выработан план, а в одиннадцать утра я уже звонила в дверь к Борису, молясь про себя, чтобы он мирно спал **дома** [Д. Донцова. Микстура от

косоглазия (2003)]; Другой знакомый вообще не хотел эмигрировать – ему, адвокату, и **дома** жилось хорошо, – но сделал это по настоянию сына [Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999-2000)] [НКРЯ].

Сема ‘место’, содержащаяся в смысловой структуре отсубстантивного наречия **дома**, определяет его синтагматические связи с такими глаголами, которые предполагают локализацию предмета (в широком смысле слова) в пространстве; ср.: *дома находиться, оказаться, спать, отдыхать, работать, петь, писать, читать, передвигаться, ходить, играть* и т.п. Напр.:

(6) *Бабка Рафика и **дома** ходит* в белом халате, поэтому он у нее весь в пятнах [Р. Ибрагимбеков. Забытый август // «Юность», 1972] [НКРЯ];

(7) **Дома спал** Казанцев [И. Бабель. Гюи де Мопассан (1922-1928)] [НКРЯ];

(8) *Наташа Герцен находилась дома*, и с ней вроде наставницы была англичанка miss Reeve, очень умная и образованная девушка средних лет [Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания (1890)][НКРЯ];

(9) *Зарубин оказался дома*, хотя и собирался куда-то убегать [А. Маринина. Последний рассвет (2013)] [НКРЯ];

(10) *Погода сегодня морозная, туманная, с температурой за минус 50 °. День провел дома – отдыхал*, читал [Б. Вронский. Дневник (1961)][НКРЯ].

При этом в качестве главного компонента присловной подчинительной связи с наречием **дома** может выступать любая из четырех основных форм глагола. Прилагольность, как известно, является основной чертой всех структурно-семантических типов наречий (см., напр.: [\[22, с. 143\]](#)).

См. употребление адвербиала **дома**:

– при личных (финитных) формам глагола:

(11) *Вечером отказываюсь от обычной еженедельной бани и **работаю дома***, приводя в порядок мои небольшие архивы и дополняя их [В. Ламсдорф. Дневник (1895)] [НКРЯ];

– при инфинитивных формах глагола:

(12) *У представителей так называемых творческих профессий есть мода **работать дома***, без регулярного посещения офиса (крайнее крыло поборников этой моды даже переходит на ночной режим существования [В. Авченко. Правый руль (2009)] [НКРЯ];

– при деепричастных формах глагола:

(13) *Сейчас уже другая жительница райцентра осваивает воспитательскую деятельность, **работая дома*** [Л. Данилкина. Ловушка в законе (01.04.2013) // «Новгородские ведомости», 2013] [НКРЯ];

– при причастных формах глагола:

(14) *Крестьянин, **работающий дома**, никогда не выработает таких денег, хотя работает целый день* [Г. Успенский. Власть земли (1882)] [НКРЯ].

В качестве примыкающего компонента рассматриваемое наречие может быть употреблено также:

– с отглагольными существительными:

(15) *Да и вообще работа дома*, если нет своего изолированного угла, – не работа [Б. Вронский. Дневник (1945)] [НКРЯ];

(16) *Понедельник. Целый день отдых дома* [Е. Мравинский. Записки на память: дневники (1962)] [НКРЯ];

(17) *Началось переодевание учеников, вместо гулянья по улицам пойдет картежная игра дома* [Н. Шубкин. Дневник (1915)] [НКРЯ];

– с прилагательными:

(18) *Добродушный и веселый дома*, он был строгим формалистом на службе [А. Зарин. Живой мертвец (1915)] [НКРЯ].

Адвербиальная словоформа *дома* может использоваться и в качестве локального детерминанта, определяющего пространственную локализацию ситуации. Ср. ее употребление, например, в безличных конструкциях с главным членом, выраженным предикативом (словом категории состояния и / или оценки):

(19) *Дома тепло, натоплено, оттаяли окошки, видно гибкую рябину в инее* [Л. Сычева. Иней (1997) // Журнал «Самиздат», 2006] [НКРЯ].

Как и ядерное пространственное наречие *рядом* (см.: **Рядом** никого не было) [\[12, с. 118\]](#), наречие *дома*, возникшее в результате функционально-семантической адвербиализации существительного, не имеет уже никаких семантико-грамматических характеристик исходного субстантивного класса слов. Оно лишено общеграмматического значения предмета и средств его экспликации в виде классификационной категории рода и словоизменительных категорий и парадигм числа и падежа, системы флексий, первичной синтаксической функции дополнения, типичных распространителей в виде адъективных согласуемых слов и присубстантивных управляемых форм родительного падежа, отнесенности к подклассам нарицательных, неодушевленных и конкретных существительных. Однако в отличие от адвербиализации, например, словоформы *рядом*, имеющей, как известно, не только функционально-семантический, но и чисто функциональный характер [ср.: **Рядом** находилось красивое озеро (\approx 'недалеко, близко') и Березки на пригорке выстроились **рядом** (\approx 'ровно')], ядерное отсубстантивное наречие *дома* всегда функционирует как самостоятельная лексема, грамматический и лексический омоним исходного существительного в родительном падеже *дома*. При адвербиальной транспозиции *дома* нарушается тождество исходной субстантивной лексемы (*дом*), обусловленное выходом адвербиализованной словоформы за пределы ее семантической зоны.

Процесс адвербиализации словоформы *дома* связан, с одной стороны, с утратой частеречных признаков существительных – семантических, морфологических и синтаксических (см. о них выше), а с другой – с приобретением адвербиальных свойств – категориальной семантики признака признака, неизменяемости, первичной функции обстоятельства, примыкания как способа присловной подчинительной связи с главным компонентом словосочетания. Функциональный диапазон наречия места *дома* не ограничивается ролью обстоятельства (20). Оно может употребляться также в синкетичной позиции предиката и обстоятельства места (21), а также несогласованного определения (22); ср.:

(20) *Несколько дней работали дома и во дворе: надо было готовиться к отъезду;*

(21) Родителя – **дома**;

(22) Ему нравилась работа **дома**.

Отметим также позицию пространственного детерминанта, типичную для наречия *дома*:

(23) **Дома** тихо и спокойно.

Отсубстантивный авербиал фиксируется в словарях русского языка как самостоятельная лексема в виде отдельной словарной статьи. Так, в «Большом академическом словаре русского языка» [3 с. 247–248] у наречия *дома* отмечены два лексических значения: 1. ‘В своем доме, в своем жилище’. Напр.: «Теперь мы уже *дома!*» – «Ты-то *дома*, а я – в гостях». Бабаев. Кавал. Зол. Звезды; 2. ‘У себя на родине, в родных местах’. Напр.: «У нас *дома* небось давно и отпахались, и отсеялись», – умильно думает дядя Терень. И он вспоминает родную сторонушку. Горбат. Большая вода. Сходное толкование значений этого наречия находим и в других словарях (см., напр.: [4, с. 272]). В специализированном «Словаре наречий и служебных слов русского языка» [16, с. 144] у наречия *дома* выделены два значения: 1. ‘У себя, там, где живешь’ и 2. ‘На родине, в родных местах’.

Т. Ф. Ефремова в «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» [8, с. 171] предлагает несколько иную лексикографическую интерпретацию смысловой структуры наречия *дома*. У него отмечается прямое значение ‘В своем жилище’ и два переносных значения: 2. ‘В своей семье’ и 3. ‘У себя на родине, в родных местах’.

Авербиал *дома* со значениями ‘в своем доме, в своем жилище’ и ‘у себя на родине, в родных местах’ входит в группу лексических единиц, представляющих местонахождение субъекта (в широком смысле слова). Локализация предмета изображается здесь в виде точки. Авербиализованная словоформа *дома* стоит в одном ряду с предложно-падежными формами существительного *дом* (*в доме, вне дома, перед домом, на доме, под домом, у дома*), отвечающими на вопрос «Где находится предмет?» (см.: [18, с. 11]). Пространство чаще всего обозначается при помощи существительных и наречий, специализирующихся на выражении разных граней пространственной ориентации предметов. Наречия обладают способностью лексикализовать некоторые типы синтаксического употребления субстантивных словоформ. Согласно В. Б. Евтюхину, именно под синтаксические функции были созданы статическое и динамическое (направительное) наречия *дома* и *домой*. Первое из них обозначает место расположения предмета, а второе – направление движения к точке отсчета (*дом*). Для передачи направления движения «от дома» потребуется, по В. Б. Евтюхину, создать отдельную авербиальную лексему (см., напр.: 7, с. 510–511).

3. Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что транспозиция субстантивных словоформ в наречия места представлена формами родительного и творительного падежей без предлогов. Стадии их авербиализации неодинаковы: одни существительные делают лишь первый, собственно синтаксический шаг в сторону наречий (*лесом, полем, лугом* и т.п.), другие представляют в типовых контекстах сразу несколько стадий авербиализации, эксплицирующих зоны ядра, периферии существительных и периферии наречий (*низом*), третья могут выступать как функциональные, собственно грамматические и ядерные наречия (*рядом*), четвертые

эксплицируют лишь две стадии адвербиализации – начальную и конечную (*дома*). Наречие *дома* в результате функционально-семантической адвербиализации утратила семантико-грамматические свойства существительных и приобрела все категориальные свойства класса наречий. Она демонстрирует образование новой части речи, локального наречия, а также выход за пределы семантической зоны исходной лексемы, т.е. образование новой лексической единицы языка.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Библиография

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
2. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики: (Из университетских чтений). – М.; Л.: Соцэкиз, 1935. 356 с.
3. Большой академический словарь русского языка / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. Т. 5. М.; СПб: Наука, 2006. 694 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
6. Грамматика современного русского литературного языка / С. Н. Дмитренко и др.; отв. ред. Н. Ю. Шведова; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. М.: Наука, 1970. 767 с.
7. Евтохин В. Б. Наречие // Морфология современного русского языка / С. И. Богданов, В. Б. Евтохин, Ю. П. Князев и др. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2013. С. 499-538.
8. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. 2-е изд., испр. М.: Астрель: ACT, 2004. 814 с.
9. Зализняк А. А. Русское разве: от предлога к вопросительной частице // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 5-11. DOI: 10.31857/S241377150010943-0 EDN: LHMEAT.
10. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 1. Изд-е 2-е. Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1965. 302 с.
11. Ким О. М., Островкина И. Е. Словарь грамматических омонимов русского языка. М.: Астрель; ACT; Ермак, 2004. 842 с.
12. Кравцов С. М. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность / А. Ю. Голубева; С. М. Кравцов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 170 с. EDN: VVQNTJ.
13. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина и др.; под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина; Ин-т рус. яз. АН СССР. М.: Рус. яз., 1989. 639 с. EDN: RVIRQP.
14. Мельчук И. Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [и Y-ни] и ВЗЯТЬ [и Y-нуть] // Русский язык в научном освещении. 2023. № 2. С. 9-25. DOI: 10.31912/rjano-2023.2.1 EDN: QNWLOP.
15. Русская грамматика: В 2-х т. / ред. коллегия: Н. Ю. Шведова и др.; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
16. Словарь наречий и служебных слов русского языка; [Сост. В. В. Бурцева; Ред. Н. М. Семенова]. М.: Русский язык-Медиа, 2005. 750 с.
17. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

18. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 230 с.
19. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1985. 856 с.
20. Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и "наивная" картина мира // Вопросы языкознания. 1996. 4. С. 25-38. EDN: PYIOPR.
21. Федорук-Галкина Е. М. Наречие в современном русском языке. М.: Моск. гос. ин-т истории, философии и лит-ры, 1939. 156 с.
22. Чурмаева Н. В. История наречий в русском языке. М.: Наука, 1989. 176 с.
23. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.
24. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1975. 543 с.
25. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
26. Шигуров В. В. "Судя по" в контексте модаляции и препозиционализации: к исчислению индексов транспозиции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 6. С. 42-55. DOI: 10.31857/S241377150013063-2 EDN: GSXGES.
27. Шигуров В. В. Теория транспозиционной грамматики русского языка: модаляция как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи. М.: НИЦ Инфра-М, 2025. 1063 с. DOI: 10.12737/2198970.
28. Eichinger L. M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen, 1982. 241 p.
29. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
30. Shigurov V. V., Shigurova T. A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man in India, 2017, Т. 97. № 25, Рр. 177-191. EDN: XXYSOD.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают признаки и предел транспозиции беспредложных форм родительного падежа существительного в адверbialный подкласс с пространственным значением. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью механизма адверbialной транспозиции беспредложных форм существительных в русском языке, порождающего как грамматические и лексико-грамматические омонимы, так и синкетичные структуры, синтезирующие в разной пропорции признаки взаимодействующих при адвербиализации классов слов.

Теоретической основой исследования выступили труды отечественных и зарубежных авторов по теоретическим аспектам функциональной грамматики; узуальной и окказиональной конверсии; синтаксической деривации; проблеме категориальной транспозиции, а также наречиям в русском языке. Библиография статьи насчитывает 30 источников, в том числе лексикографические (Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова, Толковый словарь служебных частей речи русского языка Т. Ф. Ефремовой, Словарь грамматических омонимов русского языка О. М. Ким, И. Е. Островкиной, Словарь наречий и служебных слов русского языка В. В. Бурцевой и др.),

соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методологическую базу исследования составили описательный, структурно-семантический, трансформационный, функциональный, прагматический методы, лингвистический эксперимент, метод оппозиционного анализа, элементы дистрибутивного и компонентного анализа. Выбор методов оправдан и соответствует цели и задачам работы («выявить характер адвербиальной транспозиции родительного падежа существительного, его стадий и признаков, т. е. изменений на уровне лексической и частеречной семантики, грамматических категорий и парадигм, морфемной структуры, синтагматических свойств»). Материалом исследования послужили предложения со словоформами «дома» из Национального корпуса русского языка и собственные примеры авторов статьи.

В ходе исследования проведен анализ теоретического материала и его практическое обоснование, на примере отдельной субстантивной словоформы изучена природа семантико-грамматических сдвигов в структуре образования, подвергшегося функционально-семантической трансформации в локальное наречия; осуществлен сравнительный анализ ступенчатого характера адвербиализации существительных, представляющих в современном русском языке разные стадии адвербиализации; показана лексикографическая интерпретация словоформы 'дома' в исходном и конечном «пунктах» межчастеречной транспозиции. Сформулированы выводы о том, что «транспозиция субстантивных словоформ в наречия места представлена формами родительного и творительного падежей без предлогов», «стадии их адвербиализации неодинаковы: одни существительные делают лишь первый, собственно синтаксический шаг в сторону наречий, другие представляют в типовых контекстах сразу несколько стадий адвербиализации, эксплицирующих зоны ядра, периферии существительных и периферии наречий, третьи могут выступать как функциональные, собственно грамматические и ядерные наречия, четвертые эксплицируют лишь две стадии адвербиализации – начальную и конечную» и др.

Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в развитие теории частей речи, функциональной грамматики и грамматической стилистики и заключается в том, что на материале словоформы 'дома' изучены особенности транспозиции беспредложных форм родительного падежа существительного в адвербиальный подкласс с пространственным значением. Практическая ценность работы определяется возможностью использования полученных результатов в вузовских курсах по морфологии и словообразованию современного русского языка; по грамматической стилистике и современным языковым процессам и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания.

Обращаем внимание на следующие языковые недочеты: см «Новизна работы состоит в том, что в нем впервые...», «Наречие дома в результате функционально-семантической адвербиализации утратила семантико-грамматические свойства существительных и приобрела все категориальные свойства класса наречий» и др.

В целом, статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Лобанова Т.Н., Бадретдинова А.А., Дубяга А.М. Терминология индустрии моды и языковые средства экспрессии в современном русском, китайском и английском языках // Филология: научные исследования. 2025. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.7.74747 EDN: IIXBTL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74747

Терминология индустрии моды и языковые средства экспрессии в современном русском, китайском и английском языках

Лобанова Татьяна Николаевна

ORCID: 0000-0003-4901-3251

доктор филологических наук

профессор; кафедра индоевропейских и восточных языков; Государственный университет просвещения
директор Регионального центра китайского языка и китаеведения; ГУП

141031, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Малая Бородинская, 1, кв. 1

✉ lobanovaty@mail.ru

Бадретдинова Альбина Абдулбариевна

Ведущий референт; Управление внешнего взаимодействия, протокола и наград; Московская областная Дума

129594, Россия, г. Москва, р-н Марьина роща, ул. 4-я Марьиной Роши, д. 4, кв. 45

✉ tazikova.albina@yandex.ru

Дубяга Анастасия Михайловна

ORCID: 0009-0002-1743-4377

преподаватель; кафедра иностранных языков; ГБОУ №1367
аспирант; кафедра Кафедра теории языка, англистики и прикладной лингвистики; Федеральное
государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный
университет просвещения»

115547, Россия, г. Москва область, г. Москва, ул. Ул Бирюлёвская, д 58 к 1, оф. 90

✉ anastasiya.dubyaga.96@mail.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.7.74747

EDN:

IIXBTL

Дата направления статьи в редакцию:

08-06-2025

Аннотация: В XXI веке потребность в развитии fashion-журналистики возрастает с каждым днем. Медиаиздания стараются следить за отбором фотографий, визуального контента и иллюстративного материала, где главным критерием выступает визуальное представление концепции и ценностей редакции и учредителей издания (журнала). Особо остро стоит вопрос о развитии модных СМИ в России в санкционное время в связи с падением спроса на данные вид услуги. Изучается терминология индустрии моды в рамках медийного дискурса на трех языках (английский, китайский и русский). Исследовательским предметом выступают терминология и языковые средства экспрессии индустрии моды в медиа в материалах глянцевой прессы и онлайновой fashion-журналистики на трех языках (английский, китайский и русский языки). Целью статьи является комплексное исследование английской, русской и китайской терминологии индустрии моды. Методами исследования выступают дефиниционный анализ, дискурс-анализ, переводческий и лингвокультурологический анализ текстов и др. Материалом исследования служит аутентичный корпус текстов, отобранных автором методом сплошной выборки с медийно-сегрегированных источников за период с 2020-2025 гг. Основное содержание сконцентрировано вокруг понятий «термин», «индустрия моды» и др. При работе с медиа применяются методики лингвистического и мультимодального анализа текста используется при работе с медиатекстами. При анализе полученных данных использовались такие приемы, как наблюдение, обобщение, классификация. Текст глянцевого журнала и цифровой медиатекст выступают в качестве базовой единицы анализа при изучении современных китаеязычных и англоязычных медиа. Научная новизна исследования обусловлена предметом исследования и отсутствием современных исследований в аспекте изучения терминологии и языковых средств экспрессии индустрии моды в медиа (в глянцевых журналах и цифровых продуктах-аналогах). Новизна определяется также тем обстоятельством, что до настоящего времени не проводился полный анализ терминосистем медиадискурса глянцевых журналов и онлайновой fashion-журналистики, практически не анализировались структурные и морфемные особенности терминологических моделей в аспекте сопоставления или перевода (на материале английского, китайского и русского языков). Изучение терминологии индустрии моды, а также функционирования языка в вышеупомянутых материалах является актуальнейшим направлением современной фундаментальной и прикладной лингвистики.

Ключевые слова:

термин, медийный дискурс, языковые средства, экспрессия, индустрия моды, цифровой медиатекст, китаеязычные медиа, англоязычные медиа, fashion-журналистика, цифровой аналог

ВВЕДЕНИЕ

Современная российская медиасфера fashion-журналистики находится в центре социально-гуманитарного знания. Настоящее исследование выполнено в междисциплинарном ключе в русле теории языка, медиакоммуникаций и прикладной лингвистики, прикладной политологии и информационной лингвистики: оно

актуализирует вопросы медиакоммуникаций и теории языка в целом, и, в частности, вопросы «знакового» цифрового языка.

Теоретической базой исследования послужили работы авторов, посвященные проблематике термина, терминологии и словообразовательным моделям в терминологической лексике современного китайского и английского языков [2],[3],[4],[8], концепции российских и зарубежных авторов по гендерной лингвистике и формированию женского образа в медиа-материалах [5],[6],[11], а также работы по изучению иноязычного и русскоязычного дискурса моды, журнального дискурса и коммуникативных стратегий в медиадискурсе [1], [6],[7],[9],[10],[12],[13] и др.

Объектом исследования выступает терминология. Исследовательским предметом выступают терминология индустрии моды (в рамках медийного дискурса в материалах глянцевой прессы и онлайновой fashion-журналистики на трех языках: английском, китайском и русском).

Целью статьи является комплексное исследование английской, русской и китайской терминологии индустрии моды. Эмпирическую базу исследования составили два блока изданий, активно использующих визуализацию модных женских образов: глянцевые журналы для девушек и молодых женщин, которые издаются в России и за рубежом: «Marie Claire», «Elle Girl», «Cosmopolitan», «Harper's Bazaar», цифровой аналог «Vogue»; китаеязычные 《时尚北京》, 《瑞丽》, а также русскоязычные действующие современные медиаиздания, такие как «РБК Стиль», «Женские секреты» (проект Комсомольской правды), «Коммерсантъ Стиль» и другие, в том числе в цифровом формате. Объем текстового корпуса составляет – 105 публикаций. Эмпирическая база исследования, включающая материалы цифровых аналогов глянцевых журналов России и Китая, позволяет проанализировать дискурс индустрии моды с различных перспектив.

Изучение феномена терминологии индустрии моды с применением функционального подхода на материале печатных глянцевых журналов и их цифровых аналогов (сфера fashion-журналистики) в русле антропологической парадигматики выступает неотъемлемой частью теории языка, переводоведения, дискурса и медиакоммуникаций, так и смежных прикладных гуманитарных областей научного знания.

Научная новизна исследования обусловлена предметом исследования и отсутствием современных исследований в сфере онлайновой журналистики в аспекте изучения терминологии и языковых средств экспрессии индустрии моды в медиа (в глянцевых журналах и цифровых продуктах-аналогах).

СТАНОВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНДУСТРИИ МОДЫ.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Каждое исследование имеет смысл начать с анализа базовых понятий, на которые приходится опираться в процессе изучения вопроса, так как от четкого понимания научных понятий и терминов в значительной мере зависит его эффективность.

Современные медиа предполагают, что каждая социально-политическая сила старается присутствовать в системе национальных СМИ. Под медиапространством мы понимаем печатную продукцию медиа и информационное поле Интернета, издаваемые и наполненные контентом от учредителей национальных медиаинститутов – компаний телерадиовещания, издателей журналов, в том числе онлайновых.

Становление феноменологии терминологии индустрии моды, а также функционирования языка предполагается изучать в рамках медийного дискурса глянцевых журналов и онлайновой fashion-журналистики. Fashion-журналистика – это журналистская деятельность и продукция, транслирующие основные модные тенденции в аспекте новинок одежды, образов, индустрии красоты и реализующие идеи посредством печатных глянцевых журналов и их цифровых аналогов современной российской и зарубежной fashion-журналистики.

В санкционное время fashion-издания в России выступают в качестве посредника между мировой модой и российской аудиторией. Внедрение раздела fashion в концепцию действующих современных изданий, таких как «РБК Стиль», «Женские секреты» (проект Комсомольской правды), «Коммерсантъ Стиль» и другие сегодня подобно межкультурной коммуникации в данной области. В менеджменте и выборе коммуникационных стратегий маркетинга большое влияние на деятельность глянцевой прессы в России оказывают рыночные реалии – борьба за выживаемость, конкуренция, финансирование.

Рассматривая понятие «термин» в плоскости или ткани текстов медиадискурса, необходимо обратиться к истокам данного понятия и его концептуальному наполнению. По определению В. М. Лейчика, «термин – есть лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [\[3, с. 33\]](#). Становление терминоведения как научной дисциплины оформляется в 80-х гг. XX в.: вопросами терминоведения активно занимаются советские, российские и китайские ученые: В.М. Лейчик, Ю.Н. Марчук, А.В. Суперанская и др.

В современном терминоведении термин рассматривается как лексическая единица, характеризующаяся различными признаками и параметрами. Например, В.М. Лейчик выделяет содержательную и формальную стороны [\[3\]](#). В. И. Литовченко в статье «Классификация и систематизация терминов» говорит о содержательной (семантической) структуре (однозначные и многозначные термины), формальной структуре (термины-слова и термины-словосочетания), морфемной структуре (непроизводные, производные, сложные термины и аббревиатуры [\[4\]](#) и морфологической структуре терминов-слов (части речи) [\[4\]](#)). Термин существует не только в языке, но и в составе определенной терминологии.

Методологическую основу составили также исследования по проблематике гендерной лингвистики, глянцевых журналов, женских образов и стереотипов в прессе и медиа, а также исследования по применению инструментов ИИ в данном сегменте журналистики (О. В. Ромах, В. А. Гапутиной, А. А. Слепцовой, Е. Ю. Коломийцевой, О. П. Фроловой Yorgos C. Zotos, Fang Pan) [\[11\]](#),[\[7\]](#),[\[8\]](#),[\[6\]](#),[\[9\]](#),[\[10\]](#), а также зарубежные исследования [\[11\]](#),[\[12\]](#), [\[13\]](#) и др.

Учитывая современные достижения лингвистической науки в «экспрессию» считаем целесообразным включить экстралингвистические артефакты в рамках конкретного дискурса. Диапазон вербальных и экстралингвистических явлений изучаемого дискурса, в том числе электронных медиа и Интернета является достаточно широким. Особая область исследования – применение дискурс-анализ методик и лингвокультурологического анализа текстов: анализ текстов в рамках герменевтической парадигмы играет важную роль. В рамках этой парадигмы используются различные методы и подходы – от интерпретационных до психолингвистических.

**ИНОЯЗЫЧНЫЙ И РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС МОДЫ (ТЕРМИНОЛОГИЯ ИНДУСТРИИ МОДЫ)
В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА: В МЕДИАТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ
FASHION-ЖУРНАЛИСТИКИ И ГЛАНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ**

Важным компонентом коммуникационной стратегии модного бренда выступает «реклама». Реклама позволяет рассматривать предлагаемый продукт или услугу как «продаваемый» объект с целью коммерциализации как продукции, так и издания. Для достижения этих целей применяется один из наиболее эффективных механизмов создания «правильных образов» – глянцевые журналы и их цифровые аналоги.

В первом блоке исследования методом рандомной выборки выделим некоторые термины (фэшн-термины), функционирующие в англоязычном и русскоязычном сегментах (в журналах «Marie Claire», «Elle Girl», «Cosmopolitan», «Harper's Bazaar», цифровой аналог «Vogue» [\[14\]](#), [\[15\]](#) и др.).

Таблица 1.

Примеры фэшн-терминов (выборка – рандомная)

Фэшн-термин	Происхождение	Описание и коннотации
<i>Атлайзер</i>	от англ. athletics + leisure	Стиль спорт-шик. Его главные атрибуты – спортивная одежда, комфортные ткани, среди которых лидирует трикотаж
<i>Бельтбэг</i>	от англ. belt + bag	Поясная сумка или сумка на пояс через плечо
<i>Гленчек</i>		Номинация для ткани. Одна из многочисленных разновидностей шотландской клетки
<i>Гольф</i>		Высокий воротник «под горло».
<i>Дастер</i> <i>Duster Coat</i> [12]	от англ. duster	Свободного кроя пальто. Без петель и застежек, но с поясом. Считается, что американские ковбои при езде верхом надевали такое пальто, чтобы защитить брюки от пыли.
<i>Джоггеры</i>	от англ. jogging	Спортивные брюки с манжетой внизу
<i>Кросскоди</i>	от англ. cross body	Любая сумка с длинным ремешком, которую перекидывают через

		плечо.
Спенсер		Короткий пиджак или жакет.
Toyt	от англ. tote	Сумка, похожая на «хозяйственную»; большая, вместительная с двумя ручками.
Чайное платье	от англ. tea dress	Платье «струящееся» из легкой ткани с приятным для глаз принтом в мелкий цветочек.
Groufit [12]	(от англ. grey + outfit)	Серый look для студентов и обучающихся. Такая одежда ассоциируется с комфортом, не отвлекающей от учебы или научной дискуссии.

Как видно из терминологии таблицы 1, большинство русскоязычных терминов индустрии моды имеет «прозападное» происхождение, так как сами форматы одежды или цветовые предпочтения пришли из США или стран Европы; затем они закрепляются в словаре модной индустрии. Можно даже утверждать, что это своего рода «сленг» или профессионализмы, понятные только определенному кругу лиц в индустрии моды: не каждая женщина хорошо ориентируется в данной терминологии.

Кроме того, язык медиа способствует развитию новых культурных форм и «обновлению» цифрового языка: инкорпорирование дискурса моды в сферу массмедиа видоизменяет его свойства. В связи с вышесказанным медиа-исследователи изучают медиа-нarrативы и визуальные нарративы. Обратимся к визуальным нарративам.

На рисунке 1 испанская актриса Пенелопа Крус в стилизованном образе 20-30-х гг. XX в. представила свой женский образ как сочетание качеств женственность, кинодивы, стиля 30-х гг. начала прошлого века и моды того времени. Таким образом, данный эстетический образ является комплексным, не представляющим стереотипизированный образ молодой испанки 2000-х гг. XXI в. [\[5\]](#). Предлагаемый на рисунке 1 образ актуализирует понятие и образует термин индустрии моды – «ретро-сексизм», нередко используемый медиа и к которому прибегают зарубежные ученые: «it is interesting to observe that modern media seem to portray female bodies through the use of "retro-sexist" imagery of women in advertising. Retro-sexism is defined as a social and stylistic phenomenon, based on the communication of culturally sanctioned aspects of femininity related to notions of dependency, attractiveness, and adherence to household tasks.

Whereas some researchers suggest that retro-sexism in advertising appears to empower women, others contend this phenomenon can be seen as a backlash against feminism» / Ретро-сексизм определяется как социальное и стилистическое явление, основанное на распространении культурно санкционированных аспектов женственности, связанных с понятиями зависимости, привлекательности и приверженности выполнению домашних обязанностей. [\[13, с. 448\]](#) (здесь и далее перевод – наш).

Рис. 1. Пенелопа Крус в образах Christian Dior Haute Couture

авторства Джона Гальяно для испанского Vogue, 2000 [\[5\]](#)

Изучая образность женщин в глянцевых журналах, зарубежные ученые указывают на следующую тенденцию: «Evidence regarding female sexualized images in magazine advertisements is conflicting. Conversely, female depictions in professional settings and carrier roles are rarely promoted, and even in case they appear, women tend to be portrayed in clerical, sales and service type of jobs and not as executive professionals, decision makers and entrepreneurs» [\[13, с. 450\]](#).

Ответ известен только медиаиздателям глянцевых журналов и связан с коммерческой эффективностью: журналы сексуализированными образами лучше расподаются и соответственно лучше распространяют рекламу продукции в них. Кроме того, очевидно, что каждый виток времени «несет» свой образ: Мадонна – это 1990-е гг. ХХ в., а Марко Робби – это 2010-2020-е гг. ХХI в. Но, нельзя не учитывать и специфику национальных типов женских образов: австралийская актриса Николь Кидман подходит как образец или представитель – женский образ Австралии.

В данном блоке исследования выделим некоторые термины, функционирующие в выборке русскоязычного сегмента в медиаизданиях «РБК Стиль», «Женские секреты» (проект Комсомольской правды), «Коммерсантъ Стиль» и др.

Пример 1. «История российской аутдор-индустрии началась только в 1980-е, но сегодня локальные бренды стоят на одном уровне с большими международными. Пионеры русского аутдора Red Fox официально сотрудничают с Gore-tex (единственные в России), Sivera делают пуховики, которые давно и всерьез сравнивают с Arc'teryx. А компания Bask, еще один старожил индустрии, за последние годы отличилась своим супертехнологичным производством. У Bask есть цифровая фабрика в Москве, где все взаимодействует с минимальным участием человека.» [\[16\]](#).

Пример 2. «Если вы хотите обновить офисный гардероб, загляните в шоурум Lécode. Петербургский бренд делает ставку на лаконичный крой, комфорт и качественные материалы — другими словами, делает все, чтобы одежда служила долго и не зависела от быстротечных трендов. Если вы еще не знакомы с Lécode, начать знакомство стоит с

костюмов — в ассортименте представлены варианты с юбками из фактурного твида, с брюками из тонкой шерсти, трикотажные двойки и из натуральной кожи.» [\[17\]](#).

Лексико-стилистической особенностью данного материала выступает частотность англоязычных/иноязычных вкраплений, как транслитерированных, так и аутентичных, несмотря на государственное регулирование в сфере языковой политики РФ.

Анализ визуальной части медиапубликаций свидетельствует о том, что современные российские женские образы красоты в России ассоциируют с Тиной Канделаки, Ксенией Собчак, Анастасией Ивлеевой и другими представительницами поп-музыки, тележурналистики и медиабизнеса.

Современный этап индустрии моды в Китае связывают с пятым периодом становления терминологии, который характеризуется появлением ряда мировых брендов в Китае. В настоящее время одежда является способом проявления индивидуальности. С повышением жизненного уровня требования китайцев к одежде становятся все выше. На улицах можно встретить целое разнообразие фасонов женского платья: 迷你连衣裙 [Mínlíányīqún] платья-мини, 短袖高腰连衣裙 [Duǎn xiù gāo yāo liányīqún] платье с короткими рукавами и высокой талией, 吊带连衣裙 [Diàodài liányīqún] платье на бретелях, 西装翻领连衣裙 [Xīzhuāng fānlǐng liányīqún] платье с европейским отложным воротничком и т.д.

В 1990-е гг. XX в. китайцы в качестве нарядной одежды предпочитали всевозможный трикотаж: футболки T恤衫 [T xùshān], спортивные костюмы 运动套装 [Yùndòng tàozhuāng] и прочее. Но сегодня эта традиция изжила себя — трикотаж стал повседневной одеждой. И в целом, мир моды стал менее тенденциозен. В XXI в. китайцы стремятся к индивидуальности, плюрализму в одежде. Они уже не слепо следуют моде, а выбирают свой собственный стиль. Уличный стиль китайцев заметно отличается от привычного нам стиля, который диктуют европейские модельеры.

Отбеленные напудренные лица, воздушные шелковые платья, изящные кружевные зонтики, спасающие от палящего солнца — первое, что выделяет иностранный турист в современной моде Поднебесной. Улицы мегаполисов пестрят необычными кукольными фасонами и яркими цветами одежды, смелые китайцы не стесняются проявлять свою индивидуальность, не оглядываясь на общепринятые каноны. Неотъемлемой частью так называемого «кукольного» стиля в одежде 可爱的衣服 [Kě'ài de yīfú] являются леггинсы 打底裤 [Dǎ dǐ kù] и гольфы 丝袜 [Sī wà], разнообразие их цветов и моделей позволяет создавать оригинальные и яркие комплекты одежды. Дополняют образ платья с рюшами 蕾丝边群 [Lěisī biān qún], шорты с кружевной окантовкой 蕾丝花边短裤 [Lěisī huābiān duǎnkù], футболки с блестками и изображением мультипликационных героев 卡通亮片短袖的T [Kǎtōng liàngpiàn duǎn xiù de T xù]. Обувь на высокой платформе 松糕鞋 [Sōnggāoxié] является излюбленным атрибутом китайских модниц.

Крупнейший китайский производитель одежды под маркой NeTiger, как наследник китайской культуры, принял за философию своего дизайна «отражение древности в настоящем, сближении Китая и Запада». NeTiger взял на себя обязательства возродить роскошь китайской культуры и создать бренд класса люкс. Основатель компании Чжан Чжифэн и его помощники блестяще справились с поставленными задачами. Бренд вышел на международный уровень и пользуется большим спросом за рубежом.

Национальная грация Поднебесной отражается в коллекции платьев с цветочным принтом «花服». Создатель уникальных платьев хуа-фу охватил основной спектр символов Поднебесной и умело воплотил их в одежде. NeTiger свел дизайнерскую концепцию хуа-фу к основным чертам: использование королевской ткани 锦 [Jǐn],

мастерство вышивки 绣 [Xiù], правило пяти основных цветов (черный, красный, синий, зеленый, желтый). С давних времен китайцы проявляли необычайную привязанность к цветам. Каждый цветок имел соответствующее значение и использовался преднамеренно. Пион 牡丹 [Mǔdān] – один из символов Поднебесной, именовался царем цветов или цветком богатства и чести, является излюбленным атрибутом коллекции «花服» (хуа-фу). Пион является символом женской красоты, любви и привлекательности.

Другой символ Китая – красный цвет, также нашел отражение в коллекции хуа-фу. Считается, что он символизирует мир, радость, успех, смелость, процветание, духовный мир Поднебесной. В терминологии дизайна одежды в китайском языке существует семь основных оттенков красного: нежный гранатовый (娇嫩的榴红jiāonèn de liú hóng), глубокий пурпурно-красный (深沉的枣红shēnchén de zǎohóng), киноварь (华贵的朱砂红 huáguì de zhūshā hóng), каркасный, близкий к гончарной глине (朴浊的陶土红pǔ zhuó de táo tǔ hóng), вишневый (鲜亮的樱桃红xiānliang de yīngtáo hóng), кармин (明妍的胭脂红 míng yán de yānzhī hóng), мягкий оранжевый (绯红和暖暖的橘红fēihóng hé nuǎn nuǎn de júhóng). Все эти цвета NeTiger использовал в коллекции хуа-фу. В красных платьях с длинными рукавами мистер Чжан сохранил изысканные элементы нарядов династии Хань, ярко передающие шарм и дух древности.

В китайском медиасегменте присутствуют англоязычные глянцевые журналы «Marie Claire», «Elle Girl», «Cosmopolitan», «Harper's Bazaar» и цифровой аналог «Vogue», задающие основные модные тренды для китайских потребителей индустрии моды. Вместе с тем, медиаряд индустрии моды представлен и национальными изданиями (рисунок 2).

Рис. 2. Обложки глянцевых китаеязычных журналов《时尚北京》(«Модный Пекин») и《瑞丽》(«Жуйли»)

В данном блоке исследования выделим некоторые термины, функционирующие в выборке китаеязычного сегмента в медиаизданиях 《时尚北京》(«Модный Пекин») и《瑞丽》(«Жуйли») и др.

Пример 1. ONLY 是欧洲著名的国际时装公司丹麦BESTSELLER拥有的四个著名品牌之一。ONLY 拥有许多设计师, 他们遍布巴黎、米兰、伦敦和哥本哈根等主要时尚发源地, 这使ONLY 永远站在欧洲流行的最前沿。ONLY1996年来到中国, BESTSELLER集团成立于1975年。ONLY 是丹麦国际时装公司BESTSELLER集团旗下知名品牌之一。集团成立于1975年, 以其独特的设计和卓越的经营为都市女性, 男性, 儿童及青少年提供了最受欢迎的流行服饰。旗下拥有ONLY (女装)、VERO MODA (女装)、JACK&JONES (男装)、EXIT (童装) PLECES、NAME IT、VILA等15个知名品牌。又一全新品牌—SELECTED男装于2008年8月15日正式登陆国市场。

集团创立以来, 已经在全球26个国家拥有650间形象专卖店和超过6000间加盟店。主要市场包括挪威、丹麦、瑞典、德国、芬兰、荷兰、西班牙等11个欧洲市场。Bestseller的设计师遍布欧洲, 总是站在世界潮流的前沿, 为大都市的年轻人营造超级时尚。在中国上市的有ONLY, JACK&JONES, VERO MODA, SELECTED四个

牌。[\[18\]](#).

[ONLY – один из четырех известных брендов, принадлежащих BESTSELLER, датской международной модной компании. У ONLY множество дизайнеров в Париже, Милане, Лондоне, Копенгагене и других местах зарождения модной индустрии, благодаря чему ONLY всегда находится в авангарде европейской моды. ONLY пришел в Китай в 1996 году, группа BESTSELLER была основана в 1975 году. Основанная в 1975 году, компания ONLY является одним из ведущих брендов BESTSELLER Group, датской международной компании индустрии моды. Основанная в 1975 году, BESTSELLER Group предлагает самую популярную модную одежду для женщин, мужчин, детей и подростков с уникальным дизайном. Ей принадлежат 15 известных брендов, включая ONLY (женская одежда), VERO MODA (женская одежда), JACK&JONES (мужская одежда), EXIT (детская одежда, PLECES, NAME IT и VILA. Еще один новый бренд мужская одежда SELECTED – 15 августа 2008 года официально вышел на китайский рынок. С момента своего основания группа владеет 650 имиджевыми бутиками и более чем 6000 франчайзинговых магазинов в 26 странах мира. Основные рынки включают Норвегию, Данию, Швецию, Германию, Финляндию, Голландию, Испанию и другие 11 европейских рынков. Дизайнеры Bestseller работают по всей Европе, всегда находясь в авангарде мировых тенденций, создавая супермоду для молодежи мегаполисов. В Китае представлены четыре бренда ONLY, JACK&JONES, VERO MODA, SELECTED].

Пример 2. 吴英男:独立女性是柔软和坚强的结合体,特立独行的设计师,时尚品牌缔造者等,是各大媒体给Rfactory创始人吴英男的标签,比起五花八门的头衔,更喜欢被称为Rfactory品牌的创始人。“这给我的感受,是一种不破不立的勇气、一种不断尝试的精神、一种持续经营的努力,我非常看重这些特质。而这个标签不仅是对我个人的认可,更是对我做的事情、建立的品牌、创造的产品的认可。[\[19\]](#)。 [By Иннань: независимая женщина – это сочетание мягкости и силы, дизайнер-чуда, создательница модного бренда. By Иннань предпочитает быть известной как основательница бренда Rfactory. «Это дает мне ощущение несгибаемого мужества, непрерывных экспериментов, постоянного стремления к бизнесу и я очень ценю эти качества. Этот лейбл – не только признание меня лично, но и признание того, что я делаю, бренда, который я создаю, и продуктов, которые я создаю»].

Лексико-стилистической особенностью китаеязычного медиасектора также выступает частотность англоязычных аутентичных вкраплений при упоминании международных брендов и терминов. Основной интенцией дискурсологов журнального дискурса моды является воздействие на адресата.

Таким образом, визуальные образы в журналистике и медиа, в том числе «женские образы» – это своего рода «общественный договор» или квинтэссенция общественного договора относительно того, как внешне должна выглядеть успешная женщина той или иной нации; а через образы транслируются и ценности этого общества. Начиная с 1990-х гг. XX в. на страницах и обложках глянцевых журналов и онлайновой fashion-журналистике появляются «транснациональные» женские образы, претендующие на международный формат: диктующие «образные» нарративы независимо от нации. Вместе с тем, китайские «модные образы» более репродуктивны от западных образов. Одним из конститутивных признаков дискурса моды признается его ярко выраженный аксиологический характер и постоянно меняющаяся аксиосфера.

При этом в китайской речевой культуре медиа языковые средства экспрессии представлены в значительной мере. Исследование также выявило, что достаточно большое число китайской терминологии индустрии моды лакунарно; ее семантику определяют китайские фразеологизмы, топонимы, антропонимы: зачастую их достаточно

сложно передать на русский язык при помощи дословного перевода или подобрать эквивалент без описательного перевода в связи с различиями в национально-культурной специфике русского и китайского народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Медиадискурс глянцевых журналов и онлайновой fashion-журналистики — это результат активного теоретико-методологического и профессионально-ориентированного взаимодействия субъектов моды, дизайна и потребителей, основой данного продукта выступают сложившиеся составляющие, термины в диахроническом и синхроническом срезах, которые существуют в современной дизайннерской ментальной и объективной действительности. Современные «глянцевые» медиа (печатные и цифровые) – отдельный социальный институт.

Словарный состав языка чутко реагирует на историко-политические события и модификации в современном обществе, в том числе в индустрии моды. Термин заимствует и фиксирует элементы теории, знания и опыт специалистов, более того «обеспечивает возможность конвенциональной ориентации специалистов» в процессе профессиональной коммуникации. Большинство терминов имеет «прозападное» происхождение; термины постепенно закрепляются в словаре модной индустрии. Можно даже утверждать, что это своего рода «сленг» или профессионализмы, образующие «языковой паспорт» индустрии моды.

Терминосистемы медиадискурса глянцевых журналов и онлайновой fashion-журналистики находятся в состоянии постоянной динамики. Русскоязычные медиаиздания fashion-журналистики продолжают «пестрить» англоязычными терминами-заимствованиями в формате транслитерации или непосредственных иноязычных вкраплений при обозначении предметов моды и дизайна. Лексические инновации характеризуют китайский язык в целом; медиадискурс индустрии моды, в особенности: пополнение терминологического вокабуляра индустрии моды носит регулярный характер; новая терминологическая единица проникает через тексты медиа и научных работ, затем происходит фиксация понятия в словарях на основе дисциплинарной принадлежности. В статье продемонстрировано, что лексические лакуны (в терминологии индустрии моды) объективно существуют в русском, английском и китайском языках, в том числе в силу факторов типологической разнородности и разноструктурности трех языков.

Библиография

1. Коломийцева Е. Ю. Формирование женского универсального журнала в отечественной журналистике XVIII-XX веков: история развития и типологические особенности: дис. ... доктора филологических наук: 10.01.10, 10.01.01. Краснодар, 2008. 400 с. EDN: QEHWTL.
2. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование. М., 2016. 86 с.
3. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
4. Литовченко В. И. Классификация и систематизация терминов // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. Академика М. Ф. Решетнева. 2006. С. 156-159.
5. Лобанова Т.Н., Дубяга А.М. Репрезентация и стереотипизация женского образа в современных масс-медиа (на материале глянцевых журналов) // Litera. 2024. № 4. С. 375-387. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70344 EDN: OIMVZM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70344

6. Лобанова Т.Н. Языковые средства выражения коммуникативных стратегий в некооперативном дискурсе (на материале англоязычных ток-шоу) // Филология: научные исследования. 2024. № 1. С. 138-149. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69507 EDN: EOFVYE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69507
7. Ромах О. В., Слепцова А. А. Содержание и структура глянцевых журналов // Аналитика и Аналогия. 2009. № 14. С. 39-45.
8. Фролова О. П. Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка: монография. М.: Восточная книга, 2011. 168 с.
9. Fang Pan. AI in Language Teaching, Learning, and Assessment. Published in the United States of America by IGI Global, 2024. 384 p.
10. Gaputina V. A. Mediadiscourse of fashion: processes, phenomena, effects. 2021. 160 p. DOI: 10.29039/02079-1. EDN: VYVOCH.
11. Mamataliyeva I. A. Linguistic Evolution in Fashion Discourse: A Diachronic Case Study of Significant Fashion Terms from the 19th to the 21st Century // European International Journal of Philological Sciences. 2025. Vol. 5. Pp. 72-75. DOI: 10.55640/eijps-05-04-17.
12. Xinting Yin, Lyubov Goncharova. Linguistic Means of Creating Female Images in Contemporary Russian Fashion Media Discourse // Scientific Research and Development Modern Communication Studies. 2025. Volume 14. № 1. Pp. 95-103. DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-1-95-103. EDN: YFTRUK.
13. Yorgos C. Zotos, Eirini Tsichla. Female Stereotypes in Print Advertising: A Retrospective Analysis // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2014. Pp. 446-454.
14. Модный словарь: термины, о которых вы могли не знать | Marie Claire. URL: <https://www.marieclaire.ru/moda/modnyiy-slovar-terminyi-o-kotoryih-vyi-mogli-ne-znat/> (дата обращения: 15.04.25).
15. Проверьте себя: fashion-термины, которые нужно знать этой осенью | Marie Claire. URL: <https://www.marieclaire.ru/moda/novii-modnii-slovar-fashion-termini-kotorie-nuzhnii-etoii-osenju/> (дата обращения: 15.05.25).
16. Мембрана, пух и беговая одежда: что нового освоили российские компании | РБК Стиль. URL: https://style.rbc.ru/fashion/6717ac819a7947a2c954ee7e?utm_source=style_readalso_right&utm_medium=style_right&utm_campaign=6717ac819a7947a2c954ee7e (дата обращения: 15.05.25).
17. Для тех, кто искал: идеальная белая рубашка и кроссовки для гольфа | РБК Стиль. URL: <https://style.rbc.ru/items/6825d3b69a7947731d997001> (дата обращения: 14.06.25).
18. ONLY女装.《瑞丽服饰美容》. 2025年4月总第172期.
19. 时尚北京杂志订阅| 时尚北京. URL: <https://shishangbeijing.xueshu.com/> (дата обращения: 12.06.25).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Терминология индустрии моды и языковые средства экспрессии в современном русском, китайском и английском языках».

Предмет исследования – терминология индустрии моды и языковые средства экспрессии в современной фэшн-журналистике.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, интерпретации, обобщения и синтеза.

Актуальность работы обусловлена тем, что терминология и языковые средства экспрессии в современной фэшн-журналистике не являлись предметом масштабных

научных изысканий. Кроме того, исследование носит сравнительный характер, что позволяет выявить лингвокультурологические особенности и национально-культурную специфику медиатекстов на русском, китайском и английском языках.

Научная новизна исследования обусловлена предметом исследования и отсутствием современных сопоставительных исследований терминологии индустрии моды и языковых средств экспрессии в современной фэшн-журналистике.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы; автор аргументирует актуальность выбранной темы; дана характеристика эмпирического материала); ключевые понятия и методы (дан обзор теоретической базы исследования; дана характеристика методологической основы исследования); терминология индустрии моды и языковые средства экспрессии в медиатекстах современной fashion-журналистики (рассмотрены фэшн-термины; отмечено, что язык медиа и цифрового видео и кино способствует развитию новых культурных форм и «обновлению» языка; рассмотрены визуальные нарративы в медиатекстах современной фэшн-журналистики в русском, китайском и английском языках; теоретические измышления автора подкреплены иллюстративными примерами); заключение (автор делает общие выводы; отмечено, что терминосистемы медиадискурса глянцевых журналов и онлайновой фэшн-журналистики находятся в состоянии постоянной динамики); библиография (включает 14 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Результаты исследования будут интересны тем, кто занимается исследованием современной фэшн-журналистики. Статья также будет полезна широкому кругу лиц, магистрантам и аспирантам профильных вузов.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет и научная новизна проведенного исследования. В начале статьи следует дать более подробную характеристику эмпирического материала, в частности, уточнить объем текстового корпуса. Возможно, для лучшего восприятия текста стоит ввести подзаголовки 2 уровня.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников, в том числе зарубежных, также является недостаточным.
3. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретические измышления автора статьи (например, в части, касающейся китайской фэшн-журналистики было хорошо привести примеры отрывков медиатекстов, по аналогии с русскими и английскими).
4. Следуют перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов (Термин существует не только; экспрессии в медиатекстах; Пенелопа Крусьобразах)
5. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает терминология индустрии моды в рамках медийного дискурса в материалах глянцевой прессы и онлайновой fashion-журналистики на английском, китайском и русском языках. Актуальность работы очевидна и обусловлена, как повышенным интересом современных лингвистов к дискурсу моды и медиасфере fashion-журналистики, так и «отсутствием комплексных исследований в сфере онлайновой журналистики в аспекте изучения терминологии и языковых средств экспрессии индустрии моды в медиа». Динамично развивающийся дискурс моды демонстрирует существенную необходимость в целостном научном подходе.

Теоретической основой научной работы являются фундаментальные и актуальные труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблематике термина, терминологии и словообразовательным моделям в терминологической лексике современного китайского и английского языков, вопросам гендерной лингвистики, презентации и стереотипизации женского образа в современных массмедиа, различным аспектам дискурса моды, коммуникативным стратегиям в медиадискурсе и др. Библиография статьи насчитывает 19 источников, в том числе 6 электронных ресурсов, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи.

Эмпирическую базу исследования составили глянцевые журналы для девушек и молодых женщин, которые издаются в России и за рубежом («Mai Claire», «Elle Girl», «Cosopolitan», «Harper's Bazaar», цифровой аналог «Vogue»; китаеязычные 《时尚北京》, 《瑞丽》, а также русскоязычные действующие современные медиаиздания, такие как «РБК Стиль», «Женские секреты», «Коммерсантъ Стиль» и др., в том числе в цифровом формате). Объем текстового корпуса – 105 публикаций.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный и описательный методы, методы контекстуального, дискурсивного анализа и лингвокультурологического анализа текстов: анализ текстов в рамках герменевтической парадигмы играет важную роль.

В ходе исследования проанализированы базовые понятия (медиапространство, fashion-журналистика, понятие «термин» в плоскости медиадискурса); изучен иноязычный и русскоязычный дискурс моды (терминология индустрии моды) в пространстве современных массмедиа. В заключении сформулированы обоснованные выводы о том, что «медиадискурс глянцевых журналов и онлайновой fashion-журналистики – это результат активного теоретико-методологического и профессионально-ориентированного взаимодействия субъектов моды, дизайна и потребителей, основой данного продукта выступают сложившиеся составляющие, термины в диахроническом и синхроническом срезах, которые сосуществуют в современной дизайнерской ментальной и объективной действительности», «русскоязычные медиаиздания fashion-журналистики продолжают «пестрить» англоязычными терминами-заимствованиями в формате транслитерации или непосредственных иноязычных вкраплений при обозначении предметов моды и дизайна», «лексические инновации характеризуют китайский язык в целом; медиадискурс индустрии моды, в особенности» и т. п..

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключается в том, что результаты исследования расширяют знание в области теории номинации и словообразования, теории перевода, теории дискурса и медиакоммуникаций и могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по терминоведению в современном русском, китайском и английском языках, стилистике и интерпретации текста, по дискурсивной лингвистике и

медиалингвистике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется доступностью и логичностью.

Обращаем внимание автора(ов) на наличие технических ошибок: см «вопросами терминоведения активно занимаются советские, российские и китайские ученые», «Термин существует не только в языке, но и в составе определенной терминологии», «исследовательским предметом выступают терминология индустрии моды».

Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Семенова Е.М. Дискурсивная компетентность и девербализация как основные коммуникативные характеристики современной политической риторики // Филология: научные исследования. 2025. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.7.71531 EDN: ITJSIO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71531

Дискурсивная компетентность и девербализация как основные коммуникативные характеристики современной политической риторики

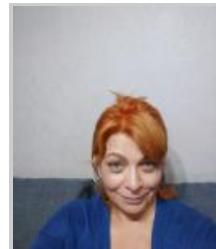
Семенова Елена Михайловна

ORCID: 0000-0001-5923-6032

доктор филологических наук

профессор; кафедра языковых коммуникаций и психологии; Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

196634, Россия, г. Санкт-Петербург, Колпинское шоссе, 59, кв. 66

[✉ wincherry2004@list.ru](mailto:wincherry2004@list.ru)

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.7.71531

EDN:

ITJSIO

Дата направления статьи в редакцию:

20-08-2024

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются особенности отбора языковых средств и организации речевого высказывания в современном политическом американском дискурсе. Цель – выявить соотношение между главными коммуникативными характеристиками политической риторики США сегодня: дискурсивной компетентностью и девербализацией. Рабочая гипотеза, требующая верификации, следующая: публичные выступления американского президента Дж. Байдена характеризуются невысокой степенью дискурсивной компетентности, что проявляется как на лексическом, так и на синтаксическом и семантическом уровнях языка. Выявление способов актуализации данной характеристики дискурса является основной задачей автора данной статьи. Ее решение осуществляется посредством отбора, анализа и интерпретации языковых средств, эксплицирующих названные параметры дискурса. Определяются характеристики и критерии выявления степени

девербализации и дискурсивной компетентности продуцента речевого высказывания. Методами исследования послужили: наблюдение за политическим американским риторическим дискурсом, метод сплошной выборки, интерпретативный анализ. Новизна исследования заключается в практическом применении теоретических понятий, определяющих коммуникативные характеристики дискурса, к области политической риторики, расширении критериев девербализации, предложенных В. И. Карасиком, выявлении характерных особенностей современного политического риторического американского дискурса. Проведенное исследование позволило подтвердить выдвинутое предположение и прийти к следующим выводам: 1) девербализация в речах политического лидера США преобладает над степенью его дискурсивной компетентности; 2) основными характеристиками девербализации дискурса можно считать его гибридность (смешение стилей), активное использование десемантизованных аффективов, (эмотивной лексики, не несущей конкретного смыслового содержания), обращение к абстрактным категориям и понятиям; 3) степень дискурсивной компетентности говорящего детерминируется в том числе качеством восприятия информации реципиентом, и может быть точнее верифицирована при учете этого фактора.

Ключевые слова:

дискурсивная компетентность, девербализация, политическая риторика, коммуникативные характеристики дискурса, речевое высказывание, стилистический регистр, американский дискурс, гибридность дискурса, десемантизованные аффективы, языковые средства

Нет смысла подробно освещать понятие «дискурс» во всем разнообразии существующих подходов к его исследованию, поскольку на эту тему опубликовано бесчисленное множество научных трудов. Остановимся лишь на ключевых моментах.

Термин «дискурс» был введен в обиход Ю. Хабермасом для обозначения вида речевой коммуникации, предполагающей рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни [1]. Основное его значение – «разумное размышление» (от лат. *discursus*).

Голландский ученый Т. ван Дейк утверждает, что между дискурсом, познанием и обществом существует взаимосвязь, которая может быть осознана только «если она выражена в широком мультидисциплинарном поле» [2, с.16].

Эта идея отражена и в исследованиях отечественных ученых, в частности, В. И. Карасика, который считает, что дискурс представляет собой «текст, погруженный в ситуацию общения», который допускает «множество измерений» и взаимодополняющих подходов в изучении, в том числе прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический [3, с. 5-6].

Н. Д. Арутюнова также учитывает этот важный аспект, рассматривая дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь» [4, с. 136-137].

Е. С. Кубрякова и О. В. Александрова под дискурсом понимают когнитивный процесс,

связанный с речепроизводством, созданием речевого произведения, а текст видится им как конечный результат процесса речевой деятельности, имеющий определенную завершенную (и зафиксированную) форму [5, с. 186-197].

М. Л. Макаров выделяет три возможных подхода к дискурсу [6, с. 68-72]: 1) дискурс – «язык выше уровня предложения или словосочетания»; 2) дискурс – функциональное определение как всякого «употребления языка»; 3) «дискурс как высказывание».

По мнению В.А. Чернявской дискурс образует некое «рамочное пространство вокруг некоторых однородных идей, теорий, смыслов, овеществленных в текстах» [7, с. 18-19]. Он может рассматриваться как «языковой коррелят определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым стоит социально, идеологически и исторически обусловленная ментальность» [7, с.19].

Границы дискурса могут устанавливаться по-разному, быть довольно гибкими, и определяются в соответствии с критериями выделения типа дискурса. Среди которых можно выделить следующие - некоторый период времени (дискурс советской эпохи), сферу общественной практики (политический, религиозный дискурс), область знания (медицинский дискурс), типологию текстов (диалогический дискурс) или другие объективно существующие параметры.

Принцип выделения единиц дискурсивной практики реализуется эмпирическим путем. Будем исходить из того, что основой изучения того или иного дискурса служат тексты, объединенные содержательно-смысловыми и интенциональными характеристиками. При этом под интенциональными характеристиками будет пониматься pragматический аспект высказывания, предполагающий, прежде всего, учет коммуникативной цели (намерения) говорящего.

Методологический принцип, лежащий в основе дискурсивно-ориентированного подхода, предполагает анализ не только языковой специфики предмета исследования, но и его экстраграмматической детерминированности, другими словами, учет условий, в рамках которых осуществляется коммуникация.

Что, в рамках такого взгляда на дискурс, тогда, следует понимать под дискурсивной компетентностью/ компетенцией?

Логично предположить, что дискурсивная компетенция, являясь одним из компонентов коммуникативной компетенции, представляет собой способность строить и понимать целостные, связные и логичные высказывания и осуществлять релевантный отбор языковых средств в зависимости от типа высказывания и ситуации речевого общения.

С другой стороны, по мнению Bhatia [8], дискурсивная компетенция может рассматриваться как некое интегративное понятие, объединяющее текстовую компетенцию - способность создавать и интерпретировать контекстуально уместные тексты; жанровую компетенцию — способность создавать и интерпретировать тексты конкретных жанров в типичных или новых коммуникативных ситуациях на основе конвенций, связанных с их использованием; социальную компетенцию - способность использовать язык для участия в социальном или институциональном взаимодействии, умение выражать собственную социальную идентичность в конкретных социальных ситуациях речевого взаимодействия.

Нетрудно заключить, что отсутствие вышеперечисленных характеристик, определяющих

качество создания или восприятия текстовых смыслов, говорит о проявлении противоположного явления – отсутствии дискурсивной компетенции, или девербализации (в терминологии Карасика) [9].

Если первая коммуникативная способность (дискурсивная компетентность) свидетельствует о достаточно высоком уровне культуры говорящего, то девербализация (неспособность адекватно выразить мысль и подобрать аутентичные языковые средства в соответствии с ситуацией общения), характеризует языковую личность с прямо противоположной стороны.

В.В. Карасик выделяет следующие признаки процесса девербализации:

- сокращение вокабуляра;
- размытая семантика базовых единиц;
- увеличение доли эмоционального содержания высказывания по сравнению с рациональным;
- сокращенный и упрощенный синтаксис;
- снижение стилевого регистра [9, с. 92].

Целью статьи является анализ специфических особенностей современного политического риторического американского дискурса с точки зрения соотношения вышеназванных базовых коммуникативных характеристик.

В ходе анализа учитывается, что дискурс – явление не статичное, он, скорее, похож на живой организм, и во многом определяется теми изменениями, которые происходят во внешнем мире. Если рассматривать дискурс в рамках политического пространства, то, как пишет Р. Харатунян, необходимо принимать во внимание так называемые стратегии воздействия (the influence strategies), приемы и способы оказания влияния на сознание массовой аудитории, что, в свою очередь, возможно, через изучение специфических языковых явлений, риторических приемов, способов передачи скрытых смыслов, принятия во внимание случаев замалчивания реальных событий, если они относятся к так называемой «нежелательной реальности», способов придания излишней эмоциональности политическим высказываниям и т.д. [10, с.53].

Кроме того, следует учитывать, как соотносятся между собой такие понятия, как власть, идеология и идентичность [11]. Именно анализ персуазивных механизмов и риторических приемов позволяет обнаружить идеологическую предвзятость (ideological biases) продуцента речи, а также способы, при помощи которых он продвигает свои политические интересы (advance individual agendas) [Там же].

Материалом для настоящего исследования послужили публичные выступления президента США Байдена за 2023-2024 г. г. («Remarks by President Biden on the Terrorist Attacks in Israel» (11 October, 2023); «Statement by President Joe Biden on Securing the Release of Americans Detained in Russia» (1 August, 2024); «Remarks of President Joe Biden — State of the Union Address As Prepared for Delivery» (07 March, 2024)).

Наблюдение за риторикой президента США показало, что Дж. Байден склонен использовать как возвышенные, так и сниженные в стилистическом отношении языковые средства в рамках одного и того же выступления, что подтверждает представление о гибридном характере современного медиадискурса [12].

Обратимся к анализу примеров, представленных в таблице1.

Таблица 1.

Возвышенный стилевой регистр	Сниженный стилевой регистр
- the pure, unadulterated evil is unleashed on this world	- These atrocities have been sickening
- sheer evil	- Do whatever the hell you want!
- violation of every code of human morality	- But my predecessor came to office determined to see Roe Wade overturned.
- we must be crystal clear	- No kidding.
- the loss of innocent life is heartbreaking	- Remember the spike in crime
- an atrocity on an appalling scale	- The UAW worked like hell to keep the plant open and get those jobs back.
- who are suffering unspeakable losses	- If you want to make a million bucks - great!
- Our hearts may be broken, but our resolve is clear	- Look, I'm a capitalist.
- The deal ... was a feat of diplomacy	- I sure don't. I'm going to keep fighting like hell to make it fair.
- All have endured unimaginable suffering and uncertainty	- Many of my Republican friends want to put Social Security on the chopping block.
- Freedom and democracy were under assault in the world	- that's why we're cracking down on corporations...
- History is watching. And history is watching another assault on freedom.	- I'm also getting rid of junk fees those hidden fees added at the end of your bills without your knowledge.
- And I thank Vice President Harris for being an incredible leader	- we can finally end the scourge of violence against women in America!
- We are the only nation in the world with a heart and soul that draws from old and new.	- I know I may not look like it, but I've been around a while.
- Instead of erasing history, let's make history!	- He's the reason it was overturned. In fact, he brags about it.
- We are also making history by confronting the climate crisis.	
- All Americans deserve the freedom to be safe!	- You know, there are moments in this life...
- I pledge to all the families that we will not rest until we bring their loved ones home.	- You know, just over 50 years ago...
- Protecting and saving innocent	

<i>lives has to be a priority</i>	
- And keep our one truly sacred obligation, to train and equip those we send into harm's way and care for them and their families	
- We owe them and their families.	
- And we owe it to ourselves.	
- Again and again I've seen the contest between competing forces in the battle for the soul of our nation.	
- My lifetime has taught me to embrace freedom and democracy.	
- I've never been more optimistic about our future! So let's build that future together!	

Характеристика стилевого регистра, как видно из содержания таблицы, определяется не только свойствами лексики (степенью возвышенности или сниженности используемых языковых единиц), но и особенностями синтаксического построения и смыслового содержания речи.

Пафосность, преувеличенно возвышенный стиль речевого высказывания может быть следствием следующих факторов:

- использование большого количества десемантизованных аффективов, эмоционально-окрашенной лексики, не несущей конкретного смыслового содержания (*the battle for the soul of our nation, build that future together, to embrace freedom and democracy, all Americans deserve the freedom to be safe, freedom and democracy were under assault in the world, history is watching another assault on freedom, suffering unspeakable losses etc.*);
- наличие восклицательных предложений, выполняющих апеллятивную функцию (*So let's build that future together! Instead of erasing history, let's make history! End it now!*);
- использование эмотивной лексики и стилистических приемов, способствующих повышению экспрессивности высказывания (*Working people who built this country; our future is brighter!; Wall Street didn't build this country! The middle class built this country! And unions built the middle class!; It leaves a black hole in your chest when you lose family; feeling like you're being sucked in; offers nothing but terror and bloodshed with no regard to who pays the price; use Palestinian civilians as human shields; No U.S. boots will be on the ground; It's heartbreaking; consumer confidence is soaring*);
- включение в речь параллельных синтаксических конструкций в сочетании с лексическим повтором (*We stand with Israel. We stand with Israel; There is no justification for terrorism. There is no excuse; We uphold the laws of war — the law of war; I have one word: Don't. Don't; We're - we're with Israel; The Border Patrol Union endorsed the bill. The Chamber of Commerce endorsed the bill*);
- обращение к вечным ценностям, абстрактным моральным категориям, базовым концептам (*Many of them (veterans) didn't come home. We owe them and their families; Americans across the country are praying for all those families that have been ripped apart. A lot of us know how it feels. It leaves a black hole in your chest when you lose family; I*

will not stop working until every American wrongfully detained or held hostage around the world is reunited with their family; A future based on the core values that have defined America. Honesty. Decency. Dignity. Equality).

Далее сосредоточим наше внимание на способах и языковых средствах, способствующих снижению коннотации речевого высказывания. К ним можно отнести:

- активное использование разговорного стиля, включая идиомы, интенсификаторы, вводные слова, пейоративную и обсценную лексику (*Do whatever the hell you want!; The UAW worked like hell to keep the plant open and get those jobs back; I'm going to keep fighting like hell to make it fair!; to put Social Security on the chopping block; I'm also getting rid of junk fees; that's why we're cracking down on corporations; No kidding; I inherited an economy that was on the brink; Look, I'm a capitalist; You know, there are moments in this life; You know, just over 50 years ago...;*);
- многочисленное количество односоставных, эллиптических и номинативных синтаксических конструкций, придающих простоту и, одновременно, категоричность высказыванию (*Nobody. Not one penny; I sure don't; We all do well; We keep going!; It's transformative; Not anymore; That's America! It's wrong and I'm ending it!*);
- избыточность вокабуляра (многословность) и синонимические повторы, «размыкающие» семантику высказывания (*A fair tax code is how we invest in the things – that make a country great, health care, education, defense, and more; You know, just over 50 years ago — I was thinking about it this morning, talking with the Secretary of State, the Vice President in my office and — over 50 years ago, as a young senator, I visited Israel for the first time, as a newly elected senator; And I had a long, long trip — or meeting with Golda Meir in her office just before the Yom Kippur War. And I guess she could see the consternation on my face as she described what was being faced — they were facing; We reject — we reject — what we reject is terrorism.*).

Обобщая вышесказанное, отметим, что, как неуместно завышенная, так и необоснованно сниженная стилистика речевых оборотов, используемых президентом США в публичных выступлениях, не свидетельствуют о высоком уровне дискурсивной компетентности политика.

Во-первых, как уже отмечалось выше, такие «стилистические качели» (переход от пафосных заявлений к «разговору на кухне») не способствуют возникновению доверия к говорящему и/или серьезному восприятию содержания произносимых им речей. Скорее, этот прием создает определенный эмоциональный или даже ментальный дисбаланс в процессе восприятия передаваемой информации.

Во-вторых, активное использование эмотивной лексики, стилистических приемов, выразительных средств, эмфатических синтаксических конструкций в сочетании с апелляцией к «ценностным» концептам, обладающих «размытой» семантикой, обусловливают преобладание иррационального восприятия информации над критическим.

В-третьих, упрощенный синтаксис, обилие эллиптических и номинативных предложений, не подразумевающих указания на характер логических связей между элементами синтаксических конструкций, не способствует конкретизации смыслов, передаваемых говорящим, «склоняет» реципиента к свободной и неопределенной интерпретации услышанного.

Логично заключить, что, если получение информации затруднено, необъективно, ограничено, не всегда и не совсем понятно аудитории, которая к тому же лишена возможности доверять продуценту высказывания, говорить о высокой степени дискурсивной компетентности говорящего не представляется возможным.

Подводя итог проведенному небольшому исследованию, отметим следующее:

- анализ приемов и языковых средств, посредством которых осуществляется актуализация базовых коммуникативных характеристик риторики американского президента показал, что девербализация в речах политического лидера США преобладает над степенью его дискурсивной компетентности;
- основными характеристиками девербализации дискурса, кроме выделенных В. И. Карасиком, можно считать его гибридность (смешение признаков возвышенного и сниженного стилевого регистров); активное использование десемантизированных аффективов; обращение к ценностным категориям, абстрактным по смыслу;
- степень дискурсивной компетентности говорящего напрямую связана с качеством восприятия информации реципиентом, и может быть точнее верифицирована при условии принятия во внимание этого фактора.

Библиография

1. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Весь мир, 2022.
2. Дейк ван Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева. М.: URSS, 2022.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
5. Александрова О. В., Кубрякова Е. С. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время / Под ред. Е. С. Кубряковой, О. В. Александровой. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 15-25.
6. Макаров Л. М. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
7. Чернявская В. Е., Молодыченко Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: URSS; Ленанд, 2018.
8. Bhatia, V. K. Worlds of Written Discourse: A Genre-Based View. London: Continuum, 2004.
9. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / Науч.-исслед. лаб. "Аксиологическая лингвистика". М.: ООО "ИПДГК "Гнозис", 2010.
10. Harutyunyan, R. Approaches and Theories to the Study of Political Speech // AFA. 2021. No.1 (23). Pp. 51-61.
11. Balla, A. Discourse Analysis of Female Political Speeches: A Study of Linguistic Techniques and Devices // Theory and Practice in Language Studies. 2023. Vol. 13, No. 12, Pp. 3208-3216. doi:10.17507/tpls.1312.18
12. Солопова О. А., Наумова К. А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. №4 (54). С. 15-21.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой статьи имеет ярко выраженный научный характер. Автор обращает внимание на политический дискурс в его функциональном раскладе. Считаю, что вариант магистрали выверен, точен, аргументирован. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, «термин «дискурс» был введен в обиход Ю. Хабермасом для обозначения вида речевой коммуникации, предполагающей рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни [1]. Основное его значение – «разумное размышление» (от лат. *discursus*). Голландский ученый Т. ван Дейк утверждает, что между дискурсом, познанием и обществом существует взаимосвязь, которая может быть осознана только «если она выражена в широком мультидисциплинарном поле» [2, с.16]. Эта идея отражена и в исследованиях отечественных ученых, в частности, В. И. Карасика, который считает, что дискурс представляет собой «текст, погруженный в ситуацию общения», который допускает «множество измерений» и взаимодополняющих подходов в изучении, в том числе pragmalingвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический [3, с. 5–6]» и т.д. Большая часть тезисов объективна, автору удается выстроить т.н. продуктивный диалог с оппонентами, конкретизировать при этом и собственный взгляд на проблему. Цитаций / отсылок по тексту достаточно, формальные требования издания учтены: например, «границы дискурса могут устанавливаться по-разному, быть довольно гибкими, и определяются в соответствии с критериями выделения типа дискурса. Среди которых можно выделить следующие - некоторый период времени (дискурс советской эпохи), сферу общественной практики (политический, религиозный дискурс), область знания (медицинский дискурс), типологию текстов (диалогический дискурс) или другие объективно существующие параметры» и т.д. Работа имеет аналитический характер, аргументы и позиционный тезисы фактически верны. Цель достигается планомерно, причем теория и практика соразмерны. Итоговый позиции сводятся в табличный вид, это, на мой взгляд, вполне уместно: «наблюдение за риторикой президента США показало, что Дж. Байден склонен использовать как возвышенные, так и сниженные в стилистическом отношении языковые средства в рамках одного и того же выступления, что подтверждает представление о гибридном характере современного медиадискурса [12]. Обратимся к анализу примеров, представленных в таблице 1». Примеры даются в режиме буквальной отсылки: «- избыточность вокабуларя (многословность) и синонимические повторы, «размывающие» семантику высказывания (A fair tax code is how we invest in the things – that make a country great, health care, education, defense, and more; You know, just over 50 years ago — I was thinking about it this morning, talking with the Secretary of State, the Vice President in my office and — over 50 years ago, as a young senator, I visited Israel for the first time, as a newly elected senator; And I had a long, long trip — or meeting with Golda Meir in her office just before the Yom Kippur War. And I guess she could see the consternation on my face as she described what was being faced — they were facing; We reject — we reject — what we reject is terrorism)». Выводы по тексту уместны, разнотений с основным блоком нет. Список источников используется по сей работе, ориентир на классические труды дан в полном объеме. Статья «Дискурсивная компетентность и девербализация как основные коммуникативные характеристики современной политической риторики» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Англоязычные метаданные

The features of the functioning of speech contact tools in artistic text and the issue of their translation (based on German prose)

Fokeeva Yuliya Aleksandrovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Department of Translation Studies and Intercultural Communication (TSIC); Saratov State Technical University named after Gagarina Yu.A

410056, Russia, Saratov region, Saratov, Oktyabrsky district, Bakhmetevskaya str., 34/42, sq. 18

✉ SolomatinaYA@mail.ru

Dubovitskaya Mariya Andreevna

PhD in Sociology

Associate Professor; Department of Translation Studies and Intercultural Communication (PMK); Saratov State Technical University named after Gagarina Yu.A

410054 Russia, Saratov, Begovaya St., 24, room 409.

✉ dubovitckaiama@sstu.ru

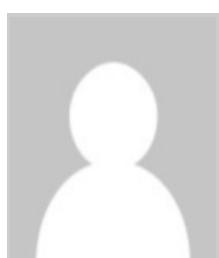
Shapovalova Ol'ga Nikolaevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Translation Studies and Intercultural Communication (PMK); Saratov State Technical University named after Gagarina Yu.A

410054 Russia, Saratov, Begovaya St., 24, room 409.

✉ Shapovalovaolga@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the specificity of the use of means of speech contact (MSC) in artistic literature, primarily in the direct speech of characters. The object of the study is the problem of their translation from German to Russian. The aim of the research is to identify the most important patterns that emerge in the transmission of means of speech contact in artistic translation from German to Russian. Special attention is paid to the fact that means of speech contact are an integral component of communication, which is reflected in the speech of characters in works of art from different eras. The authors consider aspects of the topic such as the translator's ability to take into account the historical atmosphere, the character and emotional state of the heroes, their social affiliation, and other characteristics. The theoretical basis of the research comprises works in the field of communication theory and translation theory. In addressing the research tasks, the following methods were employed: linguistic description to identify the features of the functioning of various groups of means of speech contact in the artistic text, comparative analysis to highlight the ways of conveying MSC through the means of the target language, and contextual analysis to account for the influence of context on the translation decision, including the type of communication among characters and other components.

The scientific novelty of the research lies in the fact that it systematically categorizes means of speech contact based on works set in the 19th century, as well as contemporary German prose, and additionally examines these means from the perspective of translation. As a result, it has been established that the most significant groups of the studied units consist of addresses, etiquette formulas, and introductory-contact components, with a noticeable

increase in the importance of imperative constructions in contemporary prose. In the translation of means of speech contact used in formal communication situations, lexical equivalents are more actively employed, whereas for conveying informal addresses and imperative constructions, a tendency towards selecting variant equivalents is observed, requiring consideration of factors such as the described era, the relationships between the characters of the work, their emotional state, and the existence of equivalent matches in the target language.

The practical significance of the research consists in the possibility of using its materials and conclusions in the courses "Translation Theory" and "Artistic Translation" for students of philological specialties.

Keywords: characters' speeches, linguocultural adaptation, phatic components, variant correspondences, correspondences, lexical equivalents, introductory-contact components, etiquette formulae, means of speech contact, translation

References (transliterated)

1. Storms Werke. Zweiter Band. Weimar: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1974. S. 265–386.
2. Schamisso Werke. Weimar: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1974. S. 153–221.
3. Mann T. Lotte in Weimar. Berlin: Fischer, 2023. 450 p.
4. Shtorm T. Vsadnik na belom kone / T. Shtorm: per. S. Shik. M.: Ladomir, Nauka, 2005. 288 s.
5. Shamisso A. Udivitel'naya istoriya Petera Shlemilya / A. Shamisso: per. I. Edina. M.: GIKhL, 1955. 72 s.
6. Mann T. Lotta v Veimare. M.: AST, 2023. 512 s.
7. Zebra: Novaya nemetskaya literatura / Sost. G. Khazenkamp. Na nemetskom i russkom jazyke. M.: Nemetskii kul'turnyi tsentr im. Gете, 2004. 208 s.
8. Schegloff E.A. Sequencing in conversational openings // Communication in face to face interaction. Middlesex: Penguin Books, 1972. P. 374–405.
9. Schank G., Schoenthal G. Gesprochene Sprache. Eine Einführung in Forschungsansätze und Analysemethoden. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1976. 119 s.
10. Schwitalla J. Dialogsteuerung. Vorschläge zur Untersuchung // Projekt Dialogstrukturen: Ein Arbeitsbericht. München: Hueber, 1976. S. 73–104.
11. Rath R. Kommunikationspraxis: Analysen zur Textbildung und Textgliederung im gesprochenen Deutsch. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. 252 s.
12. Morova O. L. Funktsionirovaniye sredstv rechevogo kontakta v khudozhestvennom tekste i osobennosti ikh perevoda na russkii jazyk // Yazyk i mir izuchaemogo jazyka. Saratov: Saratovskii sotsial'no-ekonomicheskii institut (filial) FGBOU VO «Rossiiskii ekonomicheskii universitet im. G. V. Plekhanova», 2019. S. 64–68.
13. Moiseeva F. A. Sredstva ustyanovleniya rechevogo kontakta // Inostrannye jazyki: innovatsii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 2024. S. 237–241.
14. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). M.: Vysshaya shkola, 1990. 253 s.
15. Erkhitueva E. B. Taktiki i khody kontaktoustyanovleniya v bloge v konfliktnoi kommunikativnoi strategii // Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo

- universiteta: Zhurnalistika. Obrazovanie. Slovesnost'. 2022. № 1–2. S. 82–95.
16. Oleinikova S. Yu., Ovchinnikova, N. V. Yazykovye sredstva ustavleniya rechevogo kontakta v razlichnykh variantakh angliiskogo yazyka // Yazyk, kul'tura, mental'nost': problemy i perspektivy filologicheskikh issledovanii. Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2021. S. 209–213.
 17. Nen'ko V. M. Kommunikativno-pragmatischekii kharakter vvodno-kontaktnykh komponentov (sprashivaetsya, vidite li, soglasites' i dr.) // Problemy lingvisticheskoi semantiki i pragmatiki yazykovykh edinits raznykh urovnei. Kaluga: FGBOU VO «Kaluzhskii gosudarstvennyi universitet im. K. E. Tsiolkovskogo», 2023. S. 219–224.
 18. Soldatova O.S. Rechevye sredstva realizatsii strategii distantsirovaniya v pobuditel'nykh i ugroyayushchikh litsu rechevykh aktakh//Molodoi uchenyi. 2023. №21 (468). S. 468–471.

The application of L.S. Barkhudarov's theory of equivalence in the translation of news texts about regional image – based on publications about Xinjiang in leading Russian media

Wang Juan

Doctor of Philology

PhD, Associate Professor, Chair of Russian as Foreign Language, Institute of Foreign Languages, Xinjiang Normal University

237 Chang'an Rd, Shihe Qu, Xinyang Shi, Henan Province, China

✉ 2292217277@qq.com

Geng Xiaolin

Graduate student; Xinjiang Pedagogical University, Institute of Foreign Languages

237 Chang'an Rd, Shihe Qu, Xinyang Shi, Henan Province, China

✉ 10536315277@qq.com

Abstract. This article explores the application of L.S. Barkhudarov's theory of equivalence in the translation of news materials about regional images. The main focus is on the selection of translation units and translation techniques to achieve maximum equivalence based on an analysis of relevant news texts. The object of the study is the translation aspects of news about Xinjiang, while the subject is texts from the Russian press, specifically materials on regional images in leading Russian media. The author analyzes in detail the choice of translation units at various levels (phonemic, morphemic, lexical, syntactic, and textual) and the application of corresponding translation strategies and methods. Special emphasis is placed on the necessity of a flexible approach to the selection of translation units in order to achieve equivalence at all linguistic levels, taking into account cultural features and context. This article conducts an analysis and generalization of the role of equivalence in the translation of news that shapes regional images, considering six linguistic levels based on this theory. Furthermore, it examines the main translation methods employed, including transcription, substitution, omission, addition, rearrangement, and adaptation, as well as their impact on the accuracy of information transfer. The main conclusion of the study is that Barkhudarov's theory of equivalence has significant theoretical value and practical applicability in translating news texts about regional images, providing a multi-dimensional referential framework for such translations. In translation practice, it is necessary to choose the level of

translation justifiably and flexibly according to the text's features and dissemination goals, which allows for effective resolution of conflicts of linguistic forms at the micro level and ensures logical coherence of the text at the macro level. The novelty of the study lies in the choice of a text about regional images from news about Xinjiang as the subject of research, covering a wide range of fields, as well as the innovative comprehensive analysis of its translation within the framework of L.S. Barkhudarov's theory of equivalence, considering modern linguistic approaches.

Keywords: news dissemination, level of translation, unit of translation, Xinjiang, Russian leading media, level equivalence, Barkhudarov, theory of equivalence, regional image, news translation

References (transliterated)

1. Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod: Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 s.
2. Barkhudarov L.S. Urovni yazykovoi ierarkhii i perevod. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 135 s.
3. Van Lina. Vvedenie v metod transformatsii v ekvivalentnom perevode // Shan'siiskaya molodezh'. 2017. № 7. S. 120.
4. Van Chaochen, red. Teoreticheskii kurs sovremennoi russkogo yazyka. Shanghai: Shanghaiskoe izdatel'stvo po izucheniyu inostrannykh yazykov, 1990. 256 s.
5. Li Tszin'guan. Analiz idei ekvivalentnosti perevoda Balkhudarova // Kitaisko-inostrannyi obmen. 2019. № 11. S. 63.
6. Lyu Guosyan'. Kharakteristika novostnykh stilei v rossiiskikh gazetakh // Vestnik Instituta inostrannykh yazykov Narodno-osvoboditel'noi armii Kitaya. 1998. № 2. S. 26-30.
7. Ten Sin'tsze. Standart perevoda s tochki zreniya opredeleniya perevoda // Prekrasnyi yazyk v vozdukhe. 2022. № 5. S. 1-3. DOI:10.12255/j.issn.1672-6677.2022.05.001.
8. Khan' Tszyman'. O perevodcheskoi ekvivalentnosti // Vestnik Instituta inostrannykh yazykov Narodno-osvoboditel'noi armii Kitaya. 1999. № 2. S. 71-73.
9. Khou Linsyue. Analiz sostava russkikh neologizmov - na primere internet-leksiki // Kolektsiya nauchno-obrazovatel'noi literatury (rannee izdanie). 2020. № 31. S. 191-192. DOI:10.16871/j.cnki.kjwha.2020.11.087.
10. Tsyany' Khun, Khan' Tszyman'. Issledovanie narrativa v perevode sin'tszyanskogo diskursa // Vostochnyi perevod. 2020. № 3. S. 31-37.
11. Chen' Tsze. Obsuzhdenie urovnei klastera predlozenii edinits perevoda - analiz shesti urovnei edinits perevoda L.S. Barkhudarova // Obuchenie inostrannym yazykam v Shan'dune. 1993. № 4. S. 8-11. DOI:10.16482/j.sdw37-1026.1993.04.008.

The Functioning of Urbanonyms in the Multilingual Landscape of Tabasco State, Mexico: Sociolinguistic and Ethnocultural Aspects

Shakhnazaryan Vladimir Mikhailovich

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Romano-Germanic Languages; Bauman Moscow State Technical University
(National Research University)

2/18 Rubtsovskaya Embankment, Moscow, 105082, Russia

✉ vlad_shakhov@mail.ru

Abstract. This article explores the urban naming landscape in the multilingual and multicultural context of the Mexican state of Tabasco. The object of analysis is urbanonyms—names of streets, squares, establishments, institutions, and other elements of urban infrastructure. The study aims to identify the linguistic and semantic characteristics of urban naming practices and to determine the degree of symbolic presence of indigenous languages, particularly Chontal, in the visual structure of the public space. The empirical data comprise 155 urbanonyms collected by the author during a field research internship in the cities of Villahermosa, Comalcalco, and Tenosique. The methodological framework is based on sociolinguistics and linguistic landscape theory, including the concepts of linguistic visibility, symbolic dominance, ethnocultural identity, and institutional exclusion. The methods employed include content analysis, thematic classification, and functional typology. The findings reveal the overwhelming dominance of the Spanish language across both official and commercial urban naming. Foreign borrowings (mostly English) serve as markers of globalized cultural capital. Indigenous languages are extremely limited in representation—mostly appearing in the names of culinary establishments—and perform a decorative or stylized function, without being incorporated into the institutional naming system. This reflects the symbolic marginalization of indigenous cultures and their exclusion from urban semiotics. A comparative reference to the region of Quintana Roo, where indigenous languages (especially Yucatec Maya) are prominently featured in toponymy, demonstrates the feasibility of alternative language policies rooted in cultural inclusion. The study concludes that the current naming practices in multilingual regions of Mexico require critical rethinking to foster ethnocultural equality and symbolic justice.

Keywords: naming policy, ethnocultural identity, public space, Mexican toponymy, indigenous languages, sociolinguistics, Chontal language, urbanonymy, linguistic landscape, multilingualism

References (transliterated)

1. Pavlenko A. P. Yazykovoi landshaft i identichnost' // Voprosy filologii. 2017. № 3. S. 34-42.
2. Kirilina A. V. Urbanonimy kak znaki kul'turnoi pamyati // Kul'tura rechi. 2020. № 2. S. 18-25.
3. Landry R., Bourhis R. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality // Journal of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16. P. 23-49.
4. Gorter D. Linguistic Landscape in a Multilingual World. Clevedon: Multilingual Matters, 2006.
5. Zavala V. Bilingual Public Space and Identity in Latin America // Language Policy in Latin America. 2015. P. 145-162.
6. Firsova N. M. Sotsiolingvistika i yazykovaya politika v Latinskoi Amerike // Lingvistika. 2016. № 4. S. 89-97.
7. Martínez H. Lenguas indígenas y espacio público en México // Revista de Estudios Mesoamericanos. 2020. Vol. 22. P. 66-82.

8. Shakhnazaryan V. M. Meksikanskii territorial'nyi dialekt istorianskogo yazyka shtata Kintana-Roo: diss. ... kand. filol. nauk. Moskva: RUDN, 2023. 195 s.
9. Landry R., Bourhis R. Theoretical foundations of linguistic landscape // Language in Society. 2004. Vol. 33. P. 123-136.
10. Shohamy E. The Power of Language Policy in Linguistic Landscape // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2009. Vol. 12, No 2. P. 133-146.

Emotional contrast in the description of two lakes (based on the story by A. Matveeva "At the Lake")

Yuan' Yuisin'

Postgraduate student; Faculty of Russian Language. Languages of the Peoples of Russia; St. Petersburg State University

Russia, Saint Petersburg, Morskaya embankment, 15 building 1, apartment 345, entrance 11

✉ st121753@student.spbu.ru

Abstract. The aim of the study is to identify the features of emotive contrast in the artistic description of two lakes in A. Matveeva's story "On the Lake" and its significance in creating emotional richness, narrative dynamics, and aesthetic expressiveness of the work. The article examines the role of emotive contrast in conveying the emotional states of the characters and its impact on the reader's perception. The analysis reveals the specifics of narrative dynamics, determined by the changing emotional nuances of the narrative, and also identifies artistic construction methods that enhance the aesthetic expressiveness of the story. The material for the study includes A. Matveeva's story "On the Lake" (Matveeva, 2012), as well as a number of works dedicated to the life and creativity of this author (Lipnevich, 2002; Rakhayeva, 2013; Remizova, 2003; Sekretov, 2013; Seregina, 2016; Slavnikova, 2002), which, in particular, present interviews, memories, and various critical assessments that reveal aspects of her literary style, themes of her works, and artistic techniques. The analysis employed methods such as content analysis, descriptive-analytical method, classification method, and contextual analysis, considering the context of their usage in analyzing comparative structural semantic and functional characteristics, as well as inductive and comparative methods. The scientific novelty of the research lies in the fact that it reveals aspects of emotive contrast at the level of textual meaning and structural construction of A. Matveeva's story "On the Lake" for the first time; particular attention is given to how the contrasting images of the lakes in the artistic work serve as active participants in conveying the inner world of the characters. As a result of the study, it has been established that in the artistic description of the lakes in A. Matveeva's story "On the Lake," emotive contrast plays an important role in ensuring the formation of emotional richness of the work. It allows, on one hand, to draw attention to the internal experiences of the characters and, on the other, to recreate a dynamic and multifaceted picture of the world that reflects their inner state.

Keywords: emotional richness of the text, artistic perception, aesthetic expressiveness, dynamics of narration, evaluative epithets, function of opposition, linguistic means, emotional contrast, author's style, artistic text

References (transliterated)

1. Buyanova L. Yu., Nechai Yu. P. Emotivnost' i emotsiogenost' yazyka: mekhanizmy eksplikatsii i kontseptualizatsii: monografiya. M.: Flinta: Nauka, 2016. – 232 s. EDN:

TYYMXC.

2. Vinogradov V. V. O yazyke khudozhestvennoi prozy: izbrannye trudy. M.: Nauka, 1980. – 360 s.
3. Golovina E. V. Filologicheskii analiz teksta kak deyatel'nost': diss. ... k.f.n. Orenburg, 2011. – 170 s. EDN: QFHXAX.
4. Donskova L. A. Kommunikativnaya tolerantnost' i emotivnost' v khudozhestvennom tekste: funktsional'no-pragmatischeeskii aspekt: avtoref. diss. ... k.f.n. Maikop, 2021. – № 3. – S. 67-78.
5. Zotova A. B. K voprosu o sootnoshenii kategorii "Emotsional'nost'", "Emotivnost'", "Ekspressivnost'" // Izvestiya VGPU. – 2010. – № 6. – S. 14-17.
6. Korostova S. V. Emotivnost' kak funktsional'no-semanticeskaya kategoriya: k voprosu o terminologii // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. – 2009. – № 103. – S. 85-93. EDN: KHNTSR.
7. Kuleshova A. V. Vnutrennyaya semantika kontrasta: kategorial'no-logicheskii podkhod // Chelovek v sovremenном mire. – 2019. – № 4. – S. 144-151.
8. Lipnevich V. Rybka v nebe // Druzhba narodov. – 2002. – № 9. – S. 195-198.
9. Matveeva A. Na ozere: rasskazy. M.: Astrel', 2012. – 15 s. URL: <https://slovesnik.org/images/docs/sirius/2017november/pashchuk-n-m-sovremennaya-proza-tekst-k-zanyatiyu.pdf?ysclid=mc34h8762j651541640>.
10. Nikolina N. A. Filologicheskii analiz teksta. M.: "Akademiya", 2003. – 256 s.
11. Rakhaeva Yu. Pereval Matveevoi // Rossiiskaya gazeta. – 2013. – № 139. – S. 17-21.
12. Remizova M. Zdravstvui, proza molodaya...: nabroski s natury // Znamya. – 2003. – № 12. – S. 169-179.
13. Sekretov S. Anna Matveeva. Podozhdli, ya umru – i pridu // Znamya. – 2013. – № 8. – S. 165-169.
14. Seregina L. Zavidnoe chuvstvo Anny Matveevoi // Kul'tura Urala. – 2016. – № 1. – S. 65-69.
15. Slavnikova O. A. Zapretnyi sad: o knige prozy ural'skoi pisatel'nitsy: o melodramaticeskoi povesti "Pa-de-trua" i povesti "Pereval Dyatlova" // Novyi mir. – 2002. – № 3. – S. 107-118.
16. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 242 s.
17. Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the lexicon // Bilingualism: Language and Cognition. – 2008. – № 11(2). – S. 147-164.

Women's correspondence in Italy in the 16th century and the changing role of women

Kayumova Mariya Maratovna

Lecturer; Educational and Scientific Russian-Italian Center; Russian State University for the Humanities

107564, Russia, Moscow, Bogorodskoe district, Narimanovskaya str., 25, room 3, sq. 55

✉ kaumovamaria@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the women's correspondence in Italy from the late 15th to the 16th centuries (Isotta Nogarola, Lucrezia Tornabuoni, Laura Battiferri, and Veronica Gambara), revealing the transformation of women's social roles during this historical

period. Personal letters are studied, demonstrating the inner experiences and struggles of women for the right to be recognized in the cultural sphere. Historical-philological analysis and comparative methods are employed. The work shows how through correspondence women began to acquire a public voice and personal authority, overcoming societal limitations and their own timidity. The novelty of the research lies in identifying specific examples that illustrate the step-by-step advancement of women in the fields of science and literature, their influence on the cultural environment, and the strengthening of women's presence in culture and society. The research method is based on historical-philological analysis of women's correspondence from the 16th century. A comparative approach is used to identify changes in women's social roles. The novelty of the research consists of examining rare documents unfamiliar to domestic researchers. The translations are done by the author of the article. Based on the correspondence, it is shown how women gradually gained confidence in their own abilities and literary skills, as well as significance in the eyes of the public, expanding traditional notions of women's possibilities and rights, removing limitations that had restricted women for centuries. The conclusions demonstrate that correspondence allows us to see not only changes in women's positions but also the mechanisms for overcoming gender stereotypes, the emergence of women's self-awareness, and the strengthening of women's positions in the cultural and social life of the Renaissance. At the same time, despite the changed external circumstances and the generally favorable attitude towards women's literature in the 16th century, it is not possible to completely overcome the limitations.

Keywords: Veronica Gambara, Transformation of women's role, Lucrezia Tornabuoni, Status of women, Laura Battiferra, Renaissance, Isotta Nogarola, Italy, Sixteenth century, Female correspondence

References (transliterated)

1. Perepiska Izotty Nogarola i Guarino iz Verony // Traditsii vospitaniya i obrazovaniya v Evrope XI–XVII vekov. – Ivanovo, 1995. – S. 206.
2. Kastil'one, B. Pridvornyi / B. Kastil'one ; perevod s ital'yanskogo P. Epifanova. – Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022.
3. Toporova, A. V. Spor o yazyke / A. V. Toporova // Iстория литературы Италии. – Т. II, kn. II. – M.: IMLI RAN, 2010. – 720 s.
4. King, M. Book-Lined Cells: Women and Humanism in the Early Italian Renaissance // Beyond Their Sex: Learned Woman of the European Past. – New York; London, 1980.
5. Laura Battiferra and Her Literary Circle / edited and translated by Victoria Kirkham. – Chicago: University of Chicago Press, 2006. – 494 p.
6. Tornabuoni, L. Lettere / a cura di P. Salvadori. – Firenze: Olschki, 1993. – 214 p.
7. Rime e Lettere di Veronica Gambara / raccolte da Felice Rizzardi. – Brescia: Gianmmaria Rizzardi, 1759.
8. Salvadori, P. Introduzione / Lucrezia Tornabuoni. Lettere / a cura di P. Salvadori. – Firenze: Olschki, 1993. – 214 p.
9. Kirkham, V. Volume Editor's Introduction // Laura Battiferra and Her Literary Circle / edited and translated by Victoria Kirkham. – Chicago: University of Chicago Press, 2006. – 494 p.
10. Cox, V. Women's Writing in Italy, 1400–1600. – Baltimore, 2008. EDN: QUNAZF

Verbalization of gender stereotypes in political discourse

Ostapenko Anna Borisovna

PhD in Sociology

Associate Professor; Higher School of Linguodidactics; Pacific National University

136 Pacific Street, office 332c, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680035, Russia

✉ 009098@togudv.ru

Abstract. The subject of the study is the language and rhetoric used in political discourse, as well as their connection to gender stereotypes. In this article, the author focuses on aspects such as gender roles, gender norms, and their expression in political discourse, as well as the inclusive speech practices of leading politicians in different countries. The object of the study is gender stereotypes manifested in political language and their influence on the formation of public opinion and social norms. Gender stereotypes are shaped through cultural, social, and historical contexts and find expression in the communication techniques used by both politicians and journalists during public debates, elections, and political analysis. Furthermore, the article examines how specific words and phrases conveyed in political discourse shape public opinion about gender roles. One of the main methods used is discourse analysis. This approach allows for the exploration of how language is used in various political contexts to shape and sustain gender stereotypes. The content analysis method serves for the systematic study of textual content and its quantitative assessment. The comparative analysis method shows how different sources or groups use language. The study of the verbalization of gender stereotypes in political discourse is relevant as it requires the use of diverse methods that ensure a comprehensive analysis of language, context, and structures of influence. The scientific novelty of the research lies in its comprehensive approach to texts of various categories, including political debates, electoral programs, interviews, and media, aimed at identifying patterns of linguistic address to men and women in politics. The study of the verbalization of gender stereotypes in political discourse allows us to understand how language not only reflects reality but also actively creates and reinforces gender roles, influencing how society perceives politicians and politics as a whole. A critical approach to analyzing these phenomena can help uncover the inequalities existing in society and propose ways to overcome them, contributing to a more equal and fair representation of women and men in politics.

Keywords: dominance, evaluation dispositions, gender aspect, inclusive speech practices, political discourse, verbalization of gender stereotypes, gender norms, gender roles, gender stereotypes, gender equality

References (transliterated)

1. Arustamyan R. Proyavlenie gendernykh osobennostei v politicheskem diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 6 (60). S. 242-247.
2. Maunthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Band 1 (Zur Sprache und Psychologie). 3. Auflage. Stuttgart und Berlin, 1921 (zuerst 1913). 740 s.
3. Lakoff R. Language and Woman's Place. New York: Harper & Row, 1975. 100 p.
4. Kirilina A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty. M.: In-t sotsiologii RAN, 1999. 189 s.
5. Butsyk E. D. Konstruirovaniye gendernoj identichnosti v politicheskem diskurse // Vestnik MGIMO. 2015. № 3 (42). S. 167-171. EDN: TYCWIJ.
6. Gasparyan S. K., Knyazyan A. T. Gendernye stereotipy v politicheskoi sfere sovremennoogo obshchestva // Vestnik TGGPU. 2017. № 2 (48). S. 43-47.
7. Boris Johnson's Tory fringe speech. 2018. URL:

- [https://blogs.spectator.co.uk/2018/10/full-text-boris-johnsons-tory-fringe-speech/.](https://blogs.spectator.co.uk/2018/10/full-text-boris-johnsons-tory-fringe-speech/)
8. Stanchulyak T. G., Zhukova A. I. Lingvisticheskie osobennosti vyrazheniya gendernykh stereotipov v politicheskoi kommunikatsii (na primere publichnykh vystuplenii predstavitelei britanskogo i amerikanskogo istablishmenta) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. Tom 14. Vypusk 12. S. 3885–3891. DOI: 10.30853/phil20210642. EDN: BCGLOQ.
 9. Donald Trump's victory speech. 2016. URL: <https://edition.cnn.com/2016/11/09/politics/donald-trump-victory-speech/index.html>.
 10. Theresa May's speech on future UK-EU relations. 2018. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-43256183>.
 11. Hillary Clinton's concession speech full transcript: 2016 presidential election. Vox. 2016. URL: <https://www.vox.com/2016/11/9/13570328/hillary-clinton-concession-speech-full-transcript-2016-presidential-election>.
 12. Elektronnyi resurs: URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/364642352>.
 13. Elektronnyi resurs: URL: https://vk.com/wall590394688_361?w=wall590394688_361.
 14. Ofitsial'nyi sait NAKANUNERU. Matvienko raskritikovala muzhchin-politikov za "brutal'nost". URL: <https://www.nakanune.ru/>.
 15. Ofitsial'nyi sait MKRU. Kruglaya chelka Golikovoi, chernye kostyamy Nabiullinoi i kruzhevnyaya spina Timoshenko: oshibki v odezhde, kotorykh luchshe ne povtoryat'. URL: <https://www.mk.ru/politics/2014/06/17/imidzh-nichto-krasota-vse.html>.
 16. Tannen D. Ty prosto menya ne ponimaesh': zhenshchiny i muzhchiny v dialoge // Gender i yazyk: antologiya / sost. A. V. Kirilina. M.: MGLU, 2005. 228 s.
 17. Galligan Y. Gender and Political Representation: Current Empirical Perspectives // International Political Science Review. 2007. P. 557-570. URL: https://www.researchgate.net/publication/249743393_Gender_and_Political_Representation_Current_Empirical_Perspectives/citation/download.
 18. Makhin K. O., Kurbanov I. A. Osobennosti politicheskogo diskursa i ego vliyanie na primenie traditsionnykh muzhskikh i zhenskikh kommunikativnykh strategii v politike // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 3(5). S. 70-75. EDN: VAWKEH.

The study of morphological means of the category of number expression in the adjectives of the Dargwa language (based on the study of the Kadar, Khaidak and Tsudakhar dialects)

Vagizieva Naida Arslankhanovna

PhD in Philology

Researcher; DFRC RAS

45 M. Gadzhieva St., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000, Russia

✉ naida.vagizieva@mail.ru

Temirbulatova Sapiyahanum Murtuzalievna

Doctor of Philology

Chief Researcher; DFRC RAS

367000, Russia, Rep. Dagestan, Makhachkala, M. Gadzhieva St. 45

✉ sapiyahanum@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of morphological means of the category of number expression in the adjectives of Kadar, Khaidak and Tsudakhar dialects of the Dargwa language. The Dargwa language is one of the most dialectally differentiated Dagestani languages. The peculiarities in Dargwa idioms are revealed on the phonetic, lexical-grammatical, and syntactic levels. The study of morphological means of expressing the category of number of adjectives in poorly studied Dargin dialects, such as Kadar, Tsudakhar and Khaidak, will shed light on the study of current issues in the field of Dargwa dialectology. Since the formation of the plural in Dargwa dialects, the patterns of its formation remain not yet fully disclosed, although some attention has been given to this issue in the scientific literature. The relevance of the study is that the morphological system of mentioned idioms is rich, and their grammatical categories are still unexplored yet. The purpose of the work is to identify the forms of pluralis and study the methods of forming plural forms of the adjectives in the dialects: suffixal, class-numerical, mixed. To achieve this aim, the methods of comparative historical analysis and descriptive methods are used. Field linguistics methods were used to collect field material. The novelty of the work is in the fact that in the Dargwa dialectology it's the first attempt to analyze morphological means of expressing the category of number of adjectives in the Kadar, Khaidak and Tsudakhar dialects. In the course of the study, the methods of plural forms formation of Kadar, Khaidak and Tsudakhar adjectives were determined and their distinctive peculiarities were revealed. The results of the study can be applied in the preparation of comparative-historical grammar of Dargin dialects, typological studies and special courses in the Dargwa dialectology.

Keywords: the forms of plurality, adjective, the category of number, the category of class, the Tsudakhar dialect, the Khaidak dialect, the Kadar dialect, the Dargwa language, the Dagestan languages, class and number expression

References (transliterated)

1. Abdullaev Z.G. Darginskii yazyk. Tom. Morfologiya. M.: Nauka; Institut yazyka, literatury i iskusstva Dag. nauch. tsentra RAN, 1993. – 473 s.
2. Abdullaev S.N. Grammatika darginskogo yazyka. Makhachkala, 1954. – 216 s.
3. Vagizieva N.A. Strukturno-semanticeskaya kharakteristika blagopozhelanii kadarskogo yazyka. Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy. 2019; № 19: 39 – 44. DOI: 10.33580/2227-7978-2019-17-3-40-45. EDN: JDOMAV.
4. Zhirkov L.I. Grammatika darginskogo yazyka. Moskva: Tsentr. izd-vo narodov S.S.S.R., 1926. – 103 s.
5. Magometov A.A. Unifikatsiya grammaticheskikh klassov vo mnozhestvennom chisle v dagestanskikh yazykakh // Kategoriya grammaticheskikh klassov v IKYa: Sb. st. AN GSSR, Abkhazskii in-t yazyka, lit-ry i istorii. Tbilisi, 1989. – S. 94.
6. Musaev M.-S.M. Imennoe slovoizmenenie darginskogo yazyka (kategoriya chisla). Makhachkala, 1980. – 111 s.
7. Musaev M.-S.M. O vnutrennei fleksii pri obrazovanii form mnozhestvennosti darginskikh substantivov // Kategoriya chisla v dagestanskikh yazykakh. Makhachkala, 1985. – S. 128-130.
8. Temirbulatova S.M. Dialektologicheskii slovar' darginskogo yazyka (bolee 2000 slovnykh statei i bolee 50 tysach dialektnykh variantov slov). Pod redaktsiei Kh.A. Yusupova. Makhachkala: Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy Dagestanskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra RAN; ALEF, 2022. – 575 s. DOI: 10.33580/9785001289197. EDN: ZMZGEZ.

9. Temirbulatova S.M. Khaidakskii dialekt darginskogo yazyka. Makhachkala, 2004. – 301 s. EDN: QSFAZF.
10. Uslar P.K. Etnografiya Kavkaza. Yazykoznanie V. Khyurkilinskii yazyk. Tiflis, 1892. – 670 s.

Transposition of prepositionless forms of the genitive case of a noun into an adverbial subclass with spatial meaning (based on the word form "at home")

Shigurov Viktor Vasil'evich

Doctor of Philology

Professor; Department of Russian Language; Ogarev National Research Mordovian State University

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

 shigurov@mail.ru

Shigurova Tat'yana Alekseevna

Doctor of Cultural Studies

Professor; Department of Cultural Studies and Library and Information Resources; Ogarev National Research Mordovian State University

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

 shigurova_tatyana@mail.ru

Panfilova Dar'ya Vital'evna

Teacher; Additional education Center 'Gymnasium. Russian Classical School'; Saransk, Russian Federation

430000, Russia, Rep. Mordovia, Saransk, Sevastopolskaya str., 56, room 2, sq. 194

 dashavitpan@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is substantiated by the need for a comprehensive synchronous analysis of the types, features and limits of functional and functional-semantic transposition of linguistic units in the system of parts of speech. The subject of the analysis is substantive formations that are functionally close to adverbial vocabulary, the object is word forms that explicate different stages of adverbialization. The purpose of the study is to characterize units that are involved to varying degrees in the process of categorical degeneration into adverbs of place of static and dynamic orientation. The work identifies the type and features of transposition of nouns without prepositions into a subclass of spatial adverbs. The idea of the stepwise and spasmodic nature of the adverbial transposition of prepositionless forms of nouns is substantiated. Using the example of the word form "at home", semantic and grammatical shifts are shown that occur in the structure of word forms subject to functional-semantic adverbialization. The study was carried out using the structural-semantic method, the method of oppositional analysis, linguistic experiment, distributional and componential analysis. As a result of the analysis, it was established that when transposed into a local adverb, the word form "doma" bypasses the stages of the periphery of the original noun and the periphery of the derivative adverb. It does not have the stage of hybrid, substantive-adverbial structures in the modern language. Dynamically, the process of adverbialization of the word "doma" is manifested in a change in the proportion of differential features of the original and derivative parts of speech. As a result of the adverbial transposition, the word «дома» (at home), firstly, loses the semantics of the subject and the

grammatical categories of gender, number and case, the case-numerical paradigm, mutability, the system of inflections, the primary function of the complement, the syntagmatic characteristics of the noun in the form of adjectival and substantive extenders, and secondly, it acquires the features of the adverbial class of words - the meaning of the secondary feature, immutability, the primary adverbial function of the circumstance. It is shown that the nature of the adverbial subordinate connections of the word form «дома» has also undergone a change at the level of both the phrase and the sentence: from a controlled word form it has turned into an adjoining one. It has been revealed that the adverbialization of the word «дома» is a fact of grammar and vocabulary, since the formation of an adverb is associated here with the emergence of a new lexical unit of the language.

Keywords: stage, core, periphery, transition scale, adverb, noun without preposition, adverbial transposition, grammar, Russian language, hybridity

References (transliterated)

1. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. M.: Izd-vo inostrannoi literatury, 1955. 416 s.
2. Bogoroditskii V.A. Obshchii kurs russkoi grammatiki: (Iz universitetskikh chtenii). – M.; L.: Sotsekgiz, 1935. 356 s.
3. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka / Rossiiskaya akademiya nauk; Institut lingvisticheskikh issledovanii. T. 5. M.; SPb: Nauka, 2006. 694 s.
4. Bol'shoi tolkowyi slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
5. Vinogradov V.V. Russkii yazyk: Grammatischeskoe uchenie o slove. M.: Vyssh. shk., 1986. 640 s.
6. Grammatika sovremennoi russkogo literaturnogo yazyka / S. N. Dmitrenko i dr.; otv. red. N. Yu. Shvedova; Akad. nauk SSSR, In-t russkogo yaz. M.: Nauka, 1970. 767 s.
7. Evtyukhin V. B. Narechie // Morfologiya sovremennoi russkogo yazyka / S. I. Bogdanov, V. B. Evtyukhin, Yu. P. Knyazev i dr. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2013. S. 499-538.
8. Efremova T. F. Tolkowyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. M.: Astrel': AST, 2004. 814 s.
9. Zaliznyak A. A. Russkoe razve: ot predloga k voprositel'noi chasitse // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2020. T. 79. № 4. S. 5-11. DOI: 10.31857/S241377150010943-0 EDN: LHMEAT.
10. Isachenko A. V. Grammatischeskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morfologiya. Ch. 1. Izd-e 2-e. Bratislava: Izd-vo Slovatskoi akademii nauk, 1965. 302 s.
11. Kim O. M., Ostrovkina I. E. Slovar' grammaticeskikh omonimov russkogo yazyka. M.: Astrel'; AST; Ermak, 2004. 842 s.
12. Kravtsov S. M. Konversiya v slovoobrazovani: uzus i okkazional'nost' / A. Yu. Golubeva; S. M. Kravtsov. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU, 2016. 170 s. EDN: VVQNTJ.
13. Kratkaya russkaya grammatika / V. N. Belousov, I. I. Kovtunova, I. N. Kruchinina i dr.; pod red. N. Yu. Shvedovo, V. V. Lopatina; In-t rus. yaz. AN SSSR. M.: Rus. yaz., 1989. 639 s. EDN: RVIRQP.
14. Mel'chuk I. Dve russkie leksemey: VOZ"MI [i Y-ni] i VZYaT" [i Y-nut'] // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2023. № 2. S. 9-25. DOI: 10.31912/rjano-2023.2.1 EDN:

QNWLOP.

15. Russkaya grammatika: V 2-kh t. / red. kollegiya: N. Yu. Shvedova i dr.; Akad. nauk SSSR, In-t russkogo yaz. T. 1. M.: Nauka, 1980. 783 s.
16. Slovar' narechii i sluzhebnykh slov russkogo yazyka; [Sost. V. V. Burtseva; Red. N. M. Semenova]. M.: Russkii yazyk-Media, 2005. 750 s.
17. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. M.: Progress, 1988. 656 s.
18. Teoriya funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'. Bytiinost'. Posessivnost'. Obuslovленnost'. SPb.: Nauka, 1996. 230 s.
19. Tikhonov A. N. Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: V 2-kh t. T. 1. M.: Rus. yaz., 1985. 856 s.
20. Uryson E. V. Sintaksicheskaya derivatsiya i "naivnaya" kartina mira // Voprosy yazykoznaniya. 1996. 4. S. 25-38. EDN: PYIODP.
21. Fedoruk-Galkina E. M. Narechie v sovremenном russkom yazyke. M.: Mosk. gos. in-t istorii, filosofii i lit-ry, 1939. 156 s.
22. Churmaeva N. V. Iстория наречий в русском языке. M.: Nauka, 1989. 176 s.
23. Shanskii N. M., Bobrova T. A. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. M.: Prozerpina, 1994. 400 s.
24. Shanskii N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. M.: Prosveshcheniya, 1975. 543 s.
25. Shakhmatov A. A. Sintaksis russkogo yazyka. 2-e izd. L.: Uchpedgiz, 1941. 620 s.
26. Shigurov V. V. "Sudya po" v kontekste modalyatsii i prepozitsionalizatsii: k ischisleniyu indeksov transpozitsii // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2020. T. 79. № 6. S. 42-55. DOI: 10.31857/S241377150013063-2 EDN: GSXGES.
27. Shigurov V. V. Teoriya transpozitsionnoi grammatiki russkogo yazyka: modalyatsiya kak tip stupenchatoi transpozitsii yazykovykh edinits v sisteme chastei rechi. M.: NITs Infra-M, 2025. 1063 s. DOI: 10.12737/2198970.
28. Eichinger L. M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen, 1982. 241 p.
29. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
30. Shigurov V. V., Shigurova T. A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man in India, 2017, T. 97. № 25, Pp. 177-191. EDN: XXYSOD.

The Fashion Industry Terminology and Linguistic Means of Expression in Modern Russian, Chinese and English

Lobanova Tatiana Nikolaevna □

Doctor of Philology

Professor, Department of Indo-European and Oriental Languages, State University of Education; Director of the Regional Center for Chinese Language and Chinese Studies, GUP

Malaya Borodinskaya str., 1, sq. 1, Mytishchi, Moscow region, 141031, Russia

✉ lobanovaty@mail.ru

Badretdinova Albina Abdulbarievna □

Consultant; External Affairs and Protocol Department; Moscow Regional Duma

Maryina Roscha district, 4-ya Maryina Roscha str., 4, sq. 45, Moscow, 129594, Russia

✉ tazikova.albina@yandex.ru

Dubyaga Anastasiya Mikhailovna

English and Chinese teacher at school №1367

115547, Russia, Moscow region, Moscow, ul. Biryulevskaya, d 58 k 1, office 90

✉ anastasiya.dubyaga.96@mail.ru

Abstract. The research subject is fashion industry terminology and linguistic means of expression within the media discourse in the materials of glossy press and online fashion journalism in three languages (English, Chinese and Russian). The study of the terminology of the fashion industry, as well as the functioning of language in the above-mentioned materials is the most urgent direction of modern fundamental and applied linguistics. The aim of the article is to study English, Russian and Chinese terminology of the fashion industry. The aim of the article is a comprehensive study of English, Russian and Chinese terminology of the fashion industry. The article also intends to study linguistic means of expression in media texts on fashion industry issues with the involvement of a functional approach (in the media discourse of glossy press and fashion journalism). The main content is concentrated around the analysis of the concepts of 'term', 'linguistic means of expression', 'fashion industry', 'fashion journalism' from the linguistic point of view. The research methods are definitional analysis, discourse analysis, translation and linguocultural analysis, etc.

The text of a glossy magazine and a digital media text serve as the basic unit of analysis in the study of modern Chinese and English-language media. The scientific novelty of the research is due to the subject of the study and the lack of modern research in the field of online journalism in the aspect of studying the formation of fashion industry terminology and linguistic means of expression in the construction of the image of beauty in the media (in glossy magazines and digital products-analogues).

Keywords: digital analog, English-language media, fashion journalism, Chinese-language media, digital media text, fashion industry, expression, linguistic means, media discourse, term

References (transliterated)

1. Kolomiitseva E. Yu. Formirovanie zhenskogo universal'nogo zhurnala v otechestvennoi zhurnalistike XVIII-XX vekov: istoriya razvitiya i tipologicheskie osobennosti: dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.01.10, 10.01.01. Krasnodar, 2008. 400 s. EDN: QEHWTL.
2. Kubryakova E. S. Teoriya nominatsii i slovoobrazovanie. M., 2016. 86 s.
3. Leichik V. M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura. Izd. 3-e, ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. 256 s.
4. Litovchenko V. I. Klassifikatsiya i sistematizatsiya terminov // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. Akademika M. F. Reshetneva. 2006. S. 156-159.
5. Lobanova T.N., Dubyaga A.M. Reprezentatsiya i stereotipizatsiya zhenskogo obraza v sovremennoy mass-media (na materiale gulyantsevykh zhurnalov) // Litera. 2024. № 4. S. 375-387. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70344 EDN: OIMVZM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70344
6. Lobanova T.N. Yazykovye sredstva vyrazheniya kommunikativnykh strategii v nekooperativnom diskurse (na materiale angloyazychnykh tok-shou) // Filologiya:

- nauchnye issledovaniya. 2024. № 1. S. 138-149. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69507 EDN: EOFVYE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69507
7. Romakh O. V., Sleptsova A. A. Soderzhanie i struktura glyantsevykh zhurnalov // Analitika i Analogiya. 2009. № 14. S. 39-45.
 8. Frolova O. P. Slovoobrazovanie v terminologicheskoi leksike sovremenennogo kitaiskogo jazyka: monografiya. M.: Vostochnaya kniga, 2011. 168 s.
 9. Fang Pan. AI in Language Teaching, Learning, and Assessment. Published in the United States of America by IGI Global, 2024. 384 p.
 10. Gaputina V. A. Mediadiscourse of fashion: processes, phenomena, effects. 2021. 160 p. DOI: 10.29039/02079-1. EDN: VYVOCX.
 11. Mamataliyeva I. A. Linguistic Evolution in Fashion Discourse: A Diachronic Case Study of Significant Fashion Terms from the 19th to the 21st Century // European International Journal of Philological Sciences. 2025. Vol. 5. Pp. 72-75. DOI: 10.55640/eijps-05-04-17.
 12. Xinting Yin, Lyubov Goncharova. Linguistic Means of Creating Female Images in Contemporary Russian Fashion Media Discourse // Scientific Research and Development Modern Communication Studies. 2025. Volume 14. № 1. Pp. 95-103. DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-1-95-103. EDN: YFTRUK.
 13. Yorgos C. Zotos, Eirini Tsichla. Female Stereotypes in Print Advertising: A Retrospective Analysis // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2014. Pp. 446-454.
 14. Modnyi slovar': terminy, o kotorykh vy mogli ne znat' | Marie Claire. URL: <https://www.marieclaire.ru/moda/modnyiy-slovar-terminyi-o-kotoryih-vyi-mogli-ne-znat/> (data obrashcheniya: 15.04.25).
 15. Prover'te sebya: fashion-terminy, kotorye nuzhno znat' etoi osen'yu | Marie Claire. URL: <https://www.marieclaire.ru/moda/novii-modnii-slovar-fashion-termini-kotorie-nuzhni-etoii-osenu/> (data obrashcheniya: 15.05.25).
 16. Membrana, pukh i begovaya odezhda: chto novogo osvoili rossiiskie kompanii | RBK Stil'. URL: https://style.rbc.ru/fashion/6717ac819a7947a2c954ee7e?utm_source=style_readalso_right&utm_medium=style_right&utm_campaign=6717ac819a7947a2c954ee7e (data obrashcheniya: 15.05.25).
 17. Dlya tekhn, kto iskal: ideal'naya belaya rubashka i krossovki dla gol'fa | RBK Stil'. URL: <https://style.rbc.ru/items/6825d3b69a7947731d997001> (data obrashcheniya: 14.06.25).
 18. ONLY女装.《瑞丽服饰美容》. 2025年4月总第172期.
 19. 时尚北京杂志订阅| 时尚北京. URL: <https://shishangbeijing.xueshu.com/> (data obrashcheniya: 12.06.25).

Discursive competence and deverbalization as the main communicative characteristics of modern political rhetoric

Semenova Elena Mikhailovna □

Doctor of Philology

Professor; Department of Language Communications and Psychology, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

196634, Russia, Saint Petersburg, Kolpinsky highway, 59, sq. 66

✉ wincherry2004@list.ru

Abstract. The subject of this study is the peculiarities of the selection of linguistic means and the organization of speech utterance in modern American political discourse. The aim is to identify the relationship between the main communicative characteristics of US political rhetoric today: discursive competence and deverbalization. The working hypothesis requiring verification is as follows: public speeches by the American President J. Biden is characterized by a low degree of discursive competence, which is manifested both at the lexical, syntactic and semantic levels of the language. The identification of ways to actualize this characteristic of discourse is the main task of the author of this article. Its solution is carried out through the selection, analysis and interpretation of linguistic means that explicate these parameters of discourse. The characteristics and criteria for identifying the degree of deverbalization and discursive competence of the producer of a speech utterance are determined. The research methods were: observation of American political rhetorical discourse, the continuous sampling method, and interpretative analysis. The novelty of the research lies in the practical application of theoretical concepts defining the communicative characteristics of discourse to the field of political rhetoric, the expansion of the criteria of deverbalization proposed by V. I. Karasik, and the identification of characteristic features of modern political rhetorical American discourse. The conducted research allowed us to confirm the assumption and come to the following conclusions: 1) deverbalization in the speeches of the US political leader prevails over the degree of his discursive competence; 2) the main characteristics of the deverbalization of discourse can be considered its hybridity (mixing of styles), the active use of desemanticized affectives (emotive vocabulary that does not carry a specific semantic content), appeal to abstract categories and concepts; 3) the degree of the speaker's discursive competence is determined, among other things, by the quality of the recipient's perception of information, and can be more accurately verified by taking this factor into account.

Keywords: desemantic affectives, discourse hybridity, american discourse, stylistic mode, speech act, communicative features of discourse, political rhetoric, deverbalization, discursive competence, language means

References (transliterated)

1. Khabermas Yu. Teoriya kommunikativnoi deyatel'nosti / per. s nem. A. K. Sudakova. M.: Ves' mir, 2022.
2. Deik van T. Diskurs i vlast': Repräsentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii / per. s angl. E. A. Kozhemyakina, E. V. Pereverzeva. M.: URSS, 2022.
3. Karasik V. I. O tipakh diskursa // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs. Volgograd: Peremeny, 2000. S. 5-20.
4. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red. V.N. Yartseva. M., 1990.
5. Aleksandrova O. V., Kubryakova E. S. Vidy prostranstv teksta i diskursa // Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya / Pod red. E. S. Kubryakovoi, O. V. Aleksandrovoi. M.: Dialog-MGU, 1997. S. 15-25.
6. Makarov L. M. Osnovy teorii diskursa. M.: Gnozis, 2003.
7. Chernyavskaya V. E., Molodychenko E. N. Iстория в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». M.: URSS; Lenand, 2018.
8. Bhatia, V. K. Worlds of Written Discourse: A Genre-Based View. London: Continuum, 2004.
9. Karasik V.I. Yazykovaya kristallizatsiya smysla / Nauch.-issled. lab. "Aksiologicheskaya lingvistika". M.: OOO "IPDGK "Gnozis", 2010.

10. Harutyunyan, R. Approaches and Theories to the Study of Political Speech // AFA. 2021. No.1 (23). Pp. 51-61.
11. Balla, A. Discourse Analysis of Female Political Speeches: A Study of Linguistic Techniques and Devices // Theory and Practice in Language Studies. 2023. Vol. 13, No. 12, Pp. 3208-3216. doi:10.17507/tpls.1312.18
12. Solopova O. A., Naumova K. A. Gibridnye formaty diskursa: problemy klassifikatsii // Filologicheskii klass. 2018. №4 (54). S. 15-21.